

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИДЕНКО Дмитрий Юрьевич

Выпускная квалификационная работа

Трансформация электорально-географической структуры Украины в 2014-2019 гг.

Уровень образования: бакалавриат

Направление 05.03.02 «География»

Основная образовательная программа СВ.5019.2016 «География»

Профиль: «Политическая география и геополитика»

Научный руководитель:
Доцент, Институт наук о Земле СПбГУ,
кандидат политических наук
Михеева Наталия Михайловна

Рецензент:
Председатель, Общество с ограниченной ответственностью
«Центр социально-экономических и геополитических исследований»
Амбурцев Роман Альбертович

Санкт-Петербург

2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ДЛЯ АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УКРАИНЫ.....	6
§ 1. Понятие электорально-географической структуры	10
§ 2. Подходы к изучению электорально-географической структуры.....	11
§ 3. Математические методы анализа электорально-географической структуры	17
§ 3.1. Методология расчёта коэффициента пограничной дифференциации, регионального индекса, коэффициента неоднородности.....	17
§ 3.2. Методология расчёта коэффициента перераспределения, коэффициента суммарного нормированного сдвига, коэффициента вариации	21
§ 3.3. Технология расчёта по методу «сдвиг-доля»	27
ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНО- ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УКРАИНЫ В 2014-2019 ГГ. И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА НЕЁ	32
§ 1. Территориальная организация украинской избирательной системы	32
§ 2. Партийная система в контексте электорально-географической структуры Украины	34
§ 3. Трансформация электорально-географической структуры Украины на различных пространственных уровнях	38
§ 4. Влияние национальных, социально-экономических и локальных факторов на трансформацию электорально-географической структуры Украины	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	57
ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ	59
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	64

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Независимая Украина всегда представляла интерес для исследования электоральных процессов. Для географов достоин внимания ярко выраженный территориальный характер избирательного процесса в этой стране. В данном случае под территориальным характером автор понимает не наличие за регионами де-юре закреплённых за ними ролей и функций в процессе принятия политических решений, а сложившуюся де-факто региональную форму поддержки групп политических сил. Понимание того, что в политическом плане страна не представляет собой единое целое, прочно осело в сознании как простых граждан, так и политической элиты, и оно заставляет их действовать соответствующим образом. В кризисный период противостояние разных политических «полюсов» обостряется настолько, что становится генезисом сепаратистских настроений, особенно если раскол осложнён этническим, языковым, религиозным и иными факторами, что наглядно показали события 2004-2005 и 2013-2014 годов.

Украинский кейс можно считать хрестоматийным в электоральной географии, однако последний завершившийся избирательный цикл (2014 – 2019 гг.) продемонстрировал новые тенденции в пространственном распределении электоральной поддержки. Они заключаются как в изменении границы между «Украинами», так и в формировании принципиально иной электоральной мозаики, на которой биполярная ситуация уже не прослеживается, что стало поводом говорить о новом этапе в эволюции политической системы, о так называемой «Четвертой республике» и «тектоническом сдвиге в украинской политике» (Мироненко, 2019). Однако, то же самое можно было бы сказать и о президентских выборах 2014 года, когда впервые после победы в 1991 году Леонида Кравчука кандидат на пост главы государства смог одолеть соперников уже в первом туре голосования (Преодолен ли электоральный раскол Украины?). Из этого следует вывод, что украинская политическая жизнь стала более динамичной и непредсказуемой, что неизбежно отражается и на географии электоральных предпочтений. Неизбежно встает вопрос и о том, насколько могут быть устойчивы эти изменения.

Практическая значимость работы заключается в применении методов, разработанных А.Ю. Зимохой и П.С. Варюшиным в анализе результатов последних выборов в стране, являющейся частью постсоветского пространства, большинство из методов применяются на украинском материале впервые.

Объект исследования – электорально-географическая структура Украины, под которой в данной работе понимается совокупность взаимосвязей элементов электоральной системы, выраженных на различных уровнях геопространства.

Предмет исследования – трансформация электорально-географической структуры Украины в период с 2014 по 2019 гг.

Цель исследования – выявление основных тенденций в трансформации электорально-географической структуры Украины за период с 2014 по 2019 год.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Определить основные теоретические подходы, используемые при изучении электорально-географической структуры территории, с учётом специфики украинского кейса выделить те, что будут использованы в исследовании;
2. Выбрать наиболее подходящие методы для изучения электорально-географической структуры Украины;
3. Проанализировать особенности территориальной организации украинского избирательного процесса;
4. Выявить изменения в электорально-географической структуре Украины в 2014-2019 гг. на национальном и региональном уровнях;
5. Выделить основные факторы и степень их влияния на трансформацию электорально-географической структуры Украины в период с 2014 по 2019 год.

В работе рассматриваются **4 избирательные кампании**: внеочередные президентские выборы 2014 года, внеочередные выборы в Верховную Раду 2014 года, президентские выборы 2019 года, внеочередные выборы в Верховную Раду 2019 года. Результаты местных выборов 2015 года в работе не учитывались.

Для решения поставленных в выпускной квалификационной работе задач применён ряд **методов**: математический, картографический, сравнительно-географический.

Степень разработанности темы. Основной массив работ по электоральной географии Украины обращён к периоду до 2014 года. Среди них выделяются как исследования, которые посвящены всей стране (Черкашин, 2005; Голод, 2007), так и отдельным регионам (Хан, 1999; Миронюк, 2002, Склярска, 2011, Швец, Маслова, 2013). Вплоть до наших дней выпускаются работы, посвященные определению места и роли электоральной географии в электоральных исследованиях, а также анализу и адаптации применяемых в ней подходов и методов как с учётом украинской специфики, так и в рамках межстрановых исследований; учебники по политической географии Украины, включающие разделы по электоральной географии (Туровский, 2004/2005, Зимоха, 2006, Ляшенко, Путренко, 2011; Брайчевский, 2014; Днистрянский, 2014; Добиш, 2018). После 2014 года научные изыскания направлены на изучение факторов трансформации

сложившейся электорально-географической структуры и осознание новой электоральной географии Украины (Амбурцев, Раскин, 2014; Черкашин, 2015; Коротаев, Исаев, 2014, Воуко, 2015; Vurilkov, 2015; Mađry, 2018). С учётом времени, когда проводилось настоящее исследование, практически отсутствуют научные статьи, которые были бы посвящены комплексному анализу электоральной географии Украины после президентских и парламентских выборов 2019 года. Опубликованы работы, в которых рассмотрены и применены новые и адаптированные методы анализа территориальных структур, ранее не применявшиеся на украинском материале (Варюшин, 2017). Отсутствуют исследования, которые бы включали комплексный анализ всего электорального цикла 2014-2019 гг., а не только лишь отдельных избирательных кампаний.

Информационно-статистические источники. В работе использованы данные, размещённые на информационных ресурсах Центральной избирательной комиссии Украины, государственной службы статистики Украины, портала Ukraine Elections, Киевского Международного Института Социологии, Украинского центра открытых данных, сайта Национального экзит-полла, и другие источники.

Объём и структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений. Их функции определены целью, задачами исследования и последовательным их решением. В первой главе приводится анализ понятия электорально-географической структуры, основных теоретических подходов и отбор тех, что будут использованы в работе в дальнейшем, описываются и разбираются на примерах математические методы исследования электорально-географической структуры. Вторая глава посвящена анализу особенностей территориальной организации украинской избирательной системы, непосредственно результатам применения математических методов на материалах украинского кейса. Работа включает 2 графика, 10 таблиц и 16 рисунков.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ДЛЯ АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УКРАИНЫ

В словаре-справочнике понятий и терминов социально-экономической географии электоральная география определяется как «традиционное направление исследований в рамках политической географии, изучающее особенности политико-географического пространства с точки зрения электорального поведения избирателей, политико-географической дифференциации территории, территориальным анализом различий в политических предпочтениях населения» (Социально-экономическая... 2013, с. 309). Р.Ф. Туровский в своих работах понимает под электоральной географией «исследование политико-географической дифференциации территории через анализ различий в политических ориентациях населения» (Туровский, 1999, с. 168). В словаре «Elsevier's Dictionary of Geography» под редакцией В.М. Котлякова и А.И. Комаровой электоральная география определяется следующим образом: «Изучение территориальных особенностей политических предпочтений населения, выражаемых во время выборов разных уровней» (Kotlyakov, Komarova, 2007, p. 222). В целом электоральная география рассматривается как подраздел политической географии, поскольку, в отличие от последней, она сосредоточена на исследованиях территориального выраженных результатов только одного вида политической деятельности – выборов и референдумов.

История электоральной географии насчитывает более века. Развитие демократической политической культуры, института выборов, расширение избирательных прав различных групп населения и последовавшая за этим интенсификация накопления теоретического материала шли наиболее активно в западных странах, что привело к актуализации электорально-географических исследований именно там. Принято считать, что первой работой в области изучения географии выборов является труд Андре́ Зигфрида «Политический обзор запада Франции во времена Третьей Республики» (фр. «Tableau Politique de la France de l'Ouest Sous la III République»), опубликованный в 1913 году. В англо-американской школе политической географии родоначальником электорально-географических исследований считают Эдварда Крехбила, выпустившего в 1916 году статью «Влияние географии на британские выборы» (англ. «Geographic Influences in British Elections»), а годом публикации первой электоральной карты называют 1883, когда вышел Статистический атлас Соединённых Штатов, содержащий карту результатов президентских выборов 1880 года (англ. «Scribner's Statistical Atlas of the United States») (Forest, 2018). За более чем сто лет электоральная география прошла путь от электоральной картографии – простого визуального сопоставления отображённых на карте результатов выборов за разные годы – до науки, использующей последние достижения геоинформатики и создающей собственные пространственные модели, объясняющие массовое

электоральное поведение на различных уровнях изучаемого геопространства: от масштаба микрорайона или коммуны до субрегионов.

В дальнейшем объект исследований электоральной географии усложнялся и диверсифицировался, и постепенно в ней стали выделяться следующие разделы (Туровский, 1999; Forest, 2018):

1) *География голосований*, являющаяся основной частью электоральной географии. Объектом исследований в рамках неё выступают территории, поддержавшие ту или иную политическую силу. Именно в рамках географии голосований проводятся исследования и строятся теоретические модели, объясняющие различия электоральных предпочтений на территориальном уровне. Кроме картографического материала подобные исследования как правило подкрепляются данными по социально-экономическому положению населения, этническому и конфессиональному составу, образованию, историческим границам и другим индикаторам, таким образом, предполагая, что выделяемые по какому-либо признаку социальные группы голосуют определённым образом. Здесь можно выделить композиционные эффекты, связанные с тем, что расселение социальных групп неоднородно; и контекстные, связанные с тем, что сам по себе социальный контекст и социальные сети формируют политические предпочтения. Такой подход не лишён недостатков, поскольку корреляция процента поданных голосов за конкретную партию и доли проживающей в регионе социальной группы не всегда прослеживается, либо же может быть в принципе ложной. В электоральной географии это называется «экологической ошибкой», а сам подход – экологическим. Другой подход связан с использованием данных опросов населения и заключается в экстраполяции данных о выявленных политических предпочтениях у части представителей социальной группы на всю социальную группу. Данный подход получил название бихевиористский. Экологический подход важен при разработке первичных моделей, объясняющих особенности электоральной географии той или иной страны, выявлении расколов в электоральных предпочтениях, однако бихевиористский – незаменим при оперативном информационном сопровождении избирательных кампаний. Использование обоих подходов не исключает, а взаимодополняет друг друга, предоставляя возможность выстроить полноценную картину происходящего. Очевидно, что наиболее близок к географии экологический подход, поскольку он отталкивается от территории, точнее – территориальной ячейки, а через анализ результатов в её пределах делается вывод о политических предпочтениях проживающей в её пределах населения.

2) *Исследования географических факторов, влияющих на голосование*. Исследует географические эффекты, которые привязаны к конкретному месту, включающему определённый контекст, важный для избирателя. Объектом исследования выступают

закономерности распределения электоральной поддержки, связанные с особенностями проведения избирательных кампаний, политической историей региона, местом жительства, выделяемые при более детальном исследовании результатов голосований и необъяснимые только лишь суммой индивидуальных предпочтений всех избирателей. Выделяют несколько таких эффектов:

- *Эффект голосования за «земляка».* Заключается в том, что избиратель не воспринимает кандидата в соответствии с его политическими предпочтениями, высказываниями, взглядами на ситуацию в стране, а обращает внимание на то, где он родился, работал и учился (как пример, на выборах президента РСФСР в 1991 году Борис Ельцин получил самый высокий процент голосов именно в Свердловской области, с которой связана значительная часть его жизненного пути). Разумеется, репутация кандидата среди «земляков» при этом не должна быть запятнана. В случае голосования за партию акцент может делаться на происхождении партийных лидеров или её медийных представителей.
- *Эффект избирательной кампании.* Сводится в тому, что ресурсы кандидата ограничены, и он не может позволить себе вести кампанию с одинаковой интенсивностью по всей стране, но в этом и нет нужды. Как правило, некая оценочная характеристика электората уже имеется, и из неё понятно, что трата ресурсов в определённых регионах заранее не даст результата (например, не имеет смысла агитировать за Республиканскую партию в северных штатах США, и за Демократическую партию – в южных). То есть, ресурсы избирательного штаба аккумулируются в спорных и наиболее значимых для кампании регионах и там, где наиболее развита территориальная сеть партийных ячеек или же проводятся предвыборные поездки кандидата.
- *Проблемное голосование.* Агитация кандидатов необязательно сосредоточена на национальной проблематике, а может быть направленной на определённые региональные и локальные проблемы, которые беспокоят избирателей больше всего. Как правило, такой набор проблем, поднятых кандидатом, ограничен, и он может сосредоточиться как на одной ключевой проблеме, так и позиционировать себя как представитель большинства. В первом случае он вероятнее всего гарантированно получит голоса в проблемном регионе, но не сможет расширить свой электорат за его пределы, во втором – грозит размыванием повестки и потерей избирателем понимания идеологической позиции кандидата, потерей интереса к нему (пример: партия «зелёных» вероятнее всего получит больше голосов в крупном

промышленном городе, чем в сельской местности, где экологическая ситуация удовлетворительна).

- *Эффект соседства.* Заключается в корректировке электорального поведения конкретного избирателя в соответствии с тем, как решили проголосовать в семье, доме, коммуне, под влиянием институтов или в стремлении подражать большинству, что приводит к увеличению степени политической однородности на локальном уровне. В качестве примера можно привести такое явление как существование регионов с традиционной поддержкой партии, которая может сохраняться даже после изменения повестки и связана лишь с определённым стереотипом электорального поведения и партийной лояльностью.

3) *География представительства.* Очень важным является не только процент полученных голосов, но и фактическое распределение мест в представительном органе. Посредником между ними является избирательная система, так или иначе искажающая результаты народного волеизъявления. Классическим примером является избирательная система США, которая позволяет занять кресло президента кандидату, который набрал меньшее число голосов избирателей. В общем виде география представительства изучает, насколько в законодательном органе представлены отдельные регионы. Осознание, что существует зависимость доли полученных мест от того, как нарезаны избирательные округа, привело к появлению явления джерримендеринга (англ. Gerrymandering), заключающегося в создании такой сетки округов, которая была бы более выгодна конкретной политической силе, что позволило бы сконцентрировать в одном месте свой электорат или распылить по нескольким округам электорат соперника. Другой пример манипуляций с сеткой округов – непропорциональное распределение (англ. Malapportionment), когда на один депутатский мандат приходится разное число избирателей. Для предотвращения подобной ситуации введено понятие нормы представительства, или среднего числа избирателей. Подобную норму содержит и украинское выборное законодательство, к которому мы вернёмся позже.

Иногда в отдельный раздел электоральной географии выносятся изучение взаимоотношений между политиками и электоратом, то есть то, каким образом государственная система функционирует в интересах конкретных территорий, например, за счёт выделения регионам бюджетных трансфертов, предоставления налоговых льгот, преференций, привилегий, лоббирования региональных интересов и тому подобного. Данный подход позволяет говорить об электорально-географическом анализе как изучении системы с обратной связью и замкнутым циклом, делая акцент на том, что избранным политикам так или иначе предстоит переизбрание в будущем.

§ 1. Понятие электорально-географической структуры

В электоральной географии электоральная система никогда не рассматривается лишь как сумма составляющих её элементов. Для того, чтобы подчеркнуть их взаимосвязи, зависящие от их положения в геопространстве, политико-географы стали использовать такие термины как электорально-территориальная структура (Миронов, 2018; Гулян, 2015), территориальная электоральная структура (Варюшин, 2017), геоэлекторальная структура (Гришин, 2009), электорально-географическая структура (Эволюция... 2005), часто, однако, не останавливаясь на обосновании выбора той или иной формулировки. При определении того, о какого рода структуре говорить: территориальной или географической, обращаем внимание, что жёсткого разделения этих терминов в географической науке не существует, однако, изначальный смысл, вкладываемый в идентификацию структуры, всё же различается.

Так, при исследовании электорально-географической структуры российских городов некоторые исследователи обращались к центр-периферийной модели, выделяющей как ядро регионы с наибольшей поддержкой определённого кандидата или партии и как периферию – с наименьшей (Эволюция... 2005). Принятие центр-периферийной модели означает, что электоральная поддержка должна дифференцироваться в пространстве по схеме диффузии инноваций. В похожем ключе проводились исследования электорально-географической структуры Украины в период с 1991 по 2004 год, когда шёл процесс формирования биполярной электорально-географической структуры, и исследователи выделяли этапы электорального освоения западным ядром, представленным условно националистическими партиями, нового пространства на востоке, объясняя это остротой политической борьбы и необходимостью борьбы за новый электорат (Амбурцев, Раскин, 2016). Однако, важнейшим фактором, позволяющим выделить центр и периферию, является выявление функциональных связей между ними. В упрощённом виде их можно представить как эксплуатацию ядром ресурсов периферии, и получение в обмен новых технологий или даже идей (инноваций). Выделяют также полупериферию, которая также способна эксплуатировать ресурсы периферии, но в то же время сама подчиняется центру. Критерии выделения центра и периферии в электоральной географии остаются неясными, однако данная модель остаётся одной из самых правдоподобных и распространённых при объяснении той или иной формы пространственного распределения политической поддержки, а выход за её пределы сохраняется как одна из теоретических проблем нашей науки.

Альтернативный подход к разделению понятий территориальной и географической структуры заключается, по нашему мнению, в определении территориальной структуры как сетки территориальных таксонов, создаваемых с целью управления избирательным процессом, с

закреплёнными законом границами, в то время как географическая структура включает в том числе и фактически сложившиеся регионы, однородные по факторам и типу голосования (например, «Юго-Восток»), появляющиеся в результате стихийной регионализации геопространства (Туровский, 2004). В таком случае территориальная структура представляется как частный случай географической структуры. На практике, как мы упоминали выше, оба этих понятия выступают синонимами. Так, в своих исследованиях территориальной электоральной структуры определяет её как «взаиморасположение и взаимосвязи пространственно выраженных элементов электорального процесса» (Варюшин, 2017), выявляя эти элементы на разных уровнях: от графства (де-юре существующих территориальных единиц) до культурного района (выделяемых на основе нескольких историко-культурных факторов и объединяющие несколько штатов или их частей). Мы же предлагаем понимать электорально-географическую структуру как «совокупность взаимосвязей элементов электоральной системы, выраженных на различных уровнях геопространства», соответственно, анализ электорально-географической структуры должен производиться на всех уровнях, от субрегионального до локального, и включать исследование связей, вытекающих из взаиморасположения равных по рангу территориальных ячеек.

§ 2. Подходы к изучению электорально-географической структуры

В электоральной географии выработаны методы, которые дают возможность определить глубину и скорость динамики трансформации электорально-географической структуры, и подходы, позволяющие толковать полученные данные, объяснить причины тех или иных сдвигов. В настоящем параграфе будут приведены те из них, которые, на наш взгляд, наилучшим образом были бы применимы на материалах украинского кейса.

Модель расколов, иначе называемая *моделью социальных размежеваний* Липсета-Роккана, построена на исследовании взаимоотношений социальных групп с противоположным электоральным поведением, и впервые была применена для объяснения механизма создания и функционирования политических партий в Западной Европе (Липсет, Роккан, 2004). В западноевропейском варианте генезисом социальных расколов стали процессы секуляризации, следствием которого является раскол по линии «церковь – государство» и «центр – периферия»; и индустриализации, ставшей генезисом конфликта «город – село» и «собственники капитала – наёмные рабочие». Поляризация социальных групп формирует партийную систему, построенную по социальному, а точнее, по классовому признаку, перенося «неконтролируемое социальное недовольство в область легитимной партийной борьбы» (Власкина, 2017). Ориентирование на определённые социальные группы формирует и соответствующую политическую программу, ограничивая политическую партию в расширении электората и

экспансии в пределах других социальных групп. Соответственно, по приведённым выше группам расколов формируются следующие виды партий: религиозные и атеистические (пример – светские и ультрарелигиозные партии в Израиле); партии на этноязыковой основе, региональные партии – общенациональные партии (Шотландская национальная партия и Plaid Cymru (Партия Уэльса) и Консервативная и Лейбористская партии в Великобритании; сербские партии в Хорватии и в Боснии и Герцеговине); либеральные и консервативные партии (пример – польско-польская война «Права и справедливости» и «Гражданской платформы» в Польше (Лыкошина, 2015); коммунистические и националистические партии (ВО «Свобода» и Коммунистическая партия Украины). Таким образом, проходит институционализация данных расколов, то есть, их закрепление в партийной системе. Подобная система кажется неустойчивой, однако она вполне функционирует ввиду существования иных факторов, объединяющих социальные группы, или в случае влияния внешней угрозы. Крайне важную роль играет построение модели представительства всех социальных групп, гарантированная автономия меньшинства. Условия функционирования партийной системы, «поражённой» разного рода расколами по этническому, языковому и иным признакам изучал А. Лейпхарт, в своей работе «Демократия в многосоставных обществах» феномен стабильного существования подобных системах был назван общественной демократией. В качестве примера такой системы он приводит ливанскую систему конфессионализма периода 1943-1975 года (Лейпхарт, 1997).

В работах П. Тэйлора и Р. Джонстона, представляющих собой развитие идей Роккана, предложен подход к электорально-географическому исследованию как к постадийному анализу: 1) исследование базовых социально-политических конфликтов; 2) изучение существующей партийной системы как зеркала данных конфликтов; 3) рассмотрение социокультурных и территориальных расколов, имеющих непосредственное выражение на электоральной карте, а также предложена модель структуризации электорального пространства по территориально-функциональному признаку: на территориальной оси расположены противоречия по оси «центр – периферия», определяемая «фундаментальным противоречием между общенациональным и локальным началами в политике» (Туровский, 2016). На функциональной оси расположены противоречия между «идеологическим и прагматическим началами и предполагает социально-экономические конфликты между группами интересов по всей территории страны без особой региональной привязки (Туровский, там же). Похожий механизм имела модель электорального пространства Томаша Зарицкого, отражавшая основные противоречия между социальными группами в Польше.

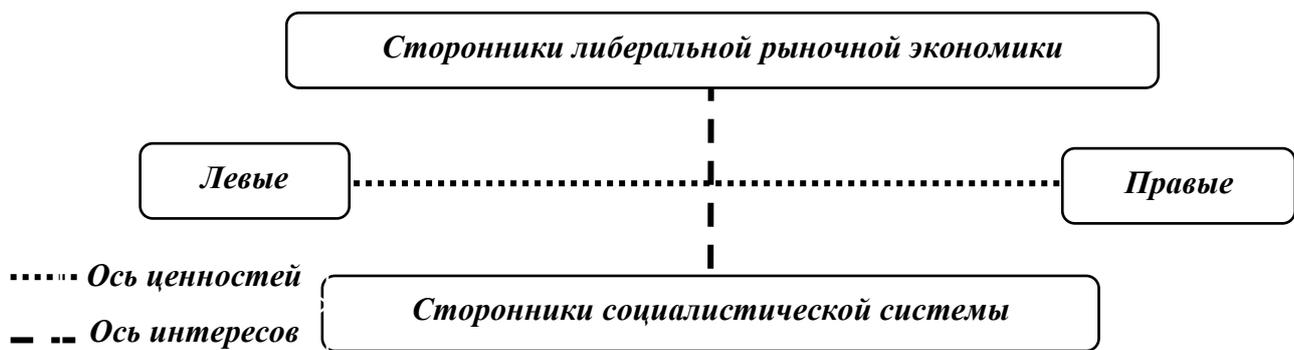

Рисунок. 1 Двухмерная структура электорального пространства Польши (составлено по Попович (2013))

Основная критика такого подхода заключается в положении политических партий как таковых. Не стоит преувеличивать их роль как самостоятельных игроков, как и проводников интересов социальных классов. В некоторой мере она выступает как бренд, проводник некоей стандартизированной системы взглядов. Существование неустойчивых партийных систем заставило исследователей обратить внимание на структуру и смысл понятия «раскол», «размежевание». К. Лоусон определял размежевания как «долговременные структурные конфликты, приводящие к появлению противоположных позиций, которые могут быть (или не быть) представлены партиями (Лоусон, 2004). При таком подходе можно сделать акцент на исследовании прежде всего социально-демографической и экономической структуры общества, воспринимая политические расколы лишь как проекцию социально-экономических конфликтов. При неустойчивой партийной системе определить место той или иной политической силы довольно затруднительно. В условиях подобного хаоса партии сами по себе формируют политические расколы, ведя борьбу за избирателя между собой. В данном случае электоральные размежевания можно рассматривать как результат борьбы и того, правильно ли партии оценили предпочтения избирателей.

В контексте упомянутых нами выше экологического и бихевиористского подходов модель расколов можно рассматривать как дальнейшее развитие бихевиористского подхода, сосредоточенного прежде всего на исследовании социальных групп, в отрыве от их расселения. Однако, модель расколов вносит элемент взаимодействия социальных групп, выявления противопоставления между ними, а территориально-функциональная модель, в свою очередь, разделяет социальные конфликты по иерархии интересов, позволяя систематизировать группы конфликтов по различным уровням. Данная модель позволяет объяснить такое явление как консолидация электората, преодоление противоречий между социальными группами.

Теория электоральных перегруппировок (теория критических выборов). В англо-американской электоральной географии исследования реорганизаций партийных систем впервые

были систематизированы, сформировавшись в теорию электоральных перегруппировок. Своё применение данная теория нашла главным образом в США, где прошла этапы от нескончаемой критики до одного из главных инструментов электоральной географии. Богатый опыт её использования успешно переносится и на электоральные системы других государств. Родоначальником теории электоральных перегруппировок считается американский исследователь В.О. Ки-младший. Будучи историком, он разложил политическую историю США на этапы относительно устойчивых трендов в массовом электоральном предпочтении и резких изменений, характеризующихся ломкой всей партийной системы. В данном случае критические выборы представляют из себя такой тип выборов «в ходе которых значительны глубина и интенсивность вовлечения электората, в ходе которых происходит более или менее полная перестройка в отношениях по поводу власти внутри общества, и в ходе которых формируются новые электоральные объединения» (Аксенов, 2004). Важно, что речь идёт не о смене политической партии, выражавшей настроения одной или нескольких социальных групп, на другую, а о смене целых социальных групп, поддерживающих ту или иную политическую силу, речь идёт о совершенно иных масштабах изменений партийной лояльности. В зависимости от движущей силы изменений и темпов трансформаций электорального поведения различают «критический» тип перегруппировок, заключающийся в резкой смене политических предпочтений и основных избирательных альянсов, и «вековой» тип, генезисом которого являются новые социальные расколы и проблемы. Важно и то, что вновь сформировавшаяся партийная система и её детерминанты (та же партийная привязанность) при условии достаточно долгого существования, ранее сама сформировавшаяся на определённом социальном базисе, сама по себе становятся одной из переменных в электоральном процессе. Старт региональным исследованиям электорального процесса был дан в труде Ки-Младшего 1949 года «Южная политика в государстве и стране» (англ. «Southern Politics in State and Nation»), являющимся одним из образцов политико-географического анализа, где Ки-младший выделял президентские выборы 1948 года как критические для американского Юга. С подключением к исследованиям теории электоральных перегруппировок учёных-бихевиористов важную роль стала играть партийная идентификация, считавшаяся относительно автономной от иных переменных электорального поведения, соответственно, бихевиористской школой под электоральной перегруппировкой считалась смена партийной идентификации электората. Различные темпы динамики изменений массового электорального поведения и дальнейшие усложнения электоральной теории привели к необходимости классифицировать выборы по характеру динамики.

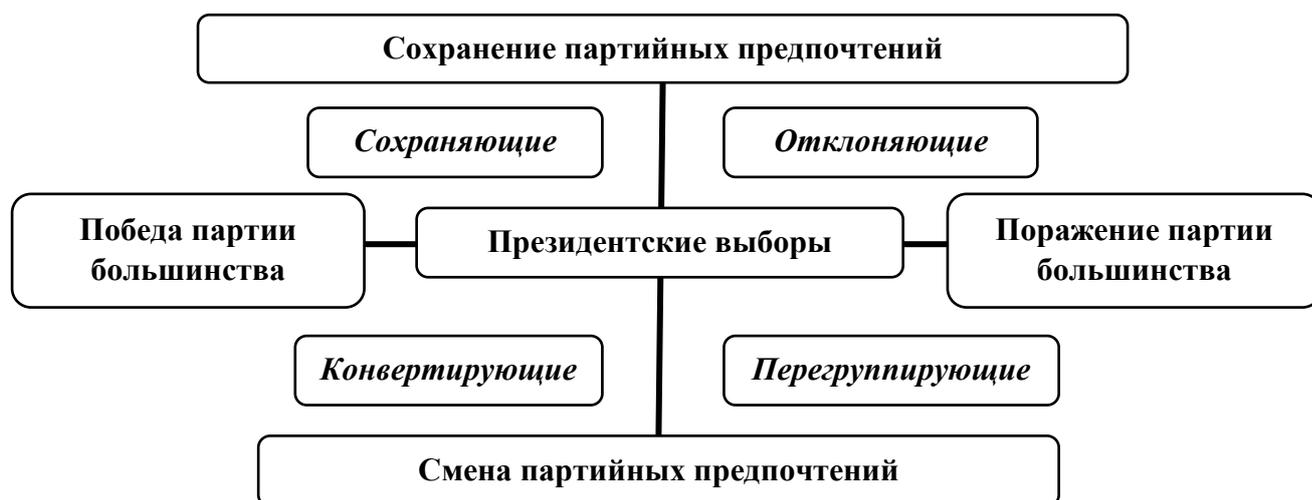

Рисунок 2. Классификация президентских выборов по Дж. Помперу (составлено по Pomper, 1967)

Наиболее полная схема предложена Дж. Помпером. Согласно данной классификации, сохраняющие выборы представляют собой победу большинства, электоральные предпочтения при этом не меняются. При отклоняющих выборах общий вектор развития партийной системы сохраняется, однако в определённый момент преобладают кратковременные колебания. Перегруппирующие выборы представляют собой быстрый и долгосрочный процесс, изначально сложно отличимый от отклоняющего типа выборов. Четвёртый тип – это конвертирующие выборы. Исследователи не всегда соглашались с выделением конвертирующего типа, обозначающего лишь способность правящей партии удержаться у власти, но не качественную перегруппировку. Сохраняющий тип подозревает под собой, что структура массового электорального поведения не изменилась и за партией большинства сохраняется президентский пост. При отклоняющем типе структура также не изменяется, речь идёт о кратковременной потере большинства. Однако, каким образом отличить отклоняющий тип выборов от перегруппирующих? Изучение данного вопроса привело к появлению концепции «нормального голосования», базирующейся на агрегировании всех факторов, влиявших на волеизъявление ранее, таким образом, весь электоральный процесс воспринимается как соответствие партийной идентификации данной группе факторов на протяжении избирательной кампании.

В 1960-1970-е годы в электоральной теории возникли серьёзные проблемы, связанные с уменьшением интереса населения к политике и снижению степени его вовлечения в политическую деятельность (ростом абсентизма). Частично это объясняется тем, что социальные группы, ранее поддерживающие конкретные партии, распались, но замена им ещё не пришла. Это явление получило название партийной дегруппировки. Её характерные признаки описаны П. Норрисом: возросшая изменчивость электоральных предпочтений, снижение поддержки

основных партий, краткосрочные повышения и понижения поддержки мелких партий, значительные доли «протестного голосования», ослаблении ассоциации отдельной социальной группы или класса и политической партии, как следствие, ослабление партийной идентификации, снижение явки (Norris, 1999). Во многом данные черты универсальны и применимы к любым электоральным системам. Под ними скрывается неспособность партий, составляющих костяк партийной системы, ответить на новые вызовы, удовлетворить потребности вновь формирующихся электоральных групп; непонимание избирателями значимости электорального процесса, их недоверие к политической системе. Региональный подход к проблеме заключался в признании регионов главными игроками партийной системы. В США результаты выборов в отдельном штате или штатах стали своего рода маркерами, победа здесь практически означала победу на федеральном уровне. В дальнейшем было отмечено, что уровень поддержки той или иной партии зависит от непосредственно самого уровня выборов, поскольку от них зависела повестка – местная или федеральная, национальная, и степень поднятых проблем, как следствие, меняется и уровень регионализма в электоральном поведении. Постепенно эволюция взглядов приводит политико-географов к исследованиям не региональной, а местной, локальной идентичности, что отмечается в работах Агню. В значительной степени противоречия территориально-культурные, региональные, перетекали в социальные противоречия на уровне «город – село». Формировалась городская, локальная партийная идентичность, в противовес региональной, что Агню считал следствием новых постиндустриальных экономических моделей, «более пятнистых, чем региональных» (Agnew, 1987).

Теория электоральных перегруппировок может применяться лишь на значительных временных интервалах, включающих несколько электоральных циклов, потому проведение данного исследования на основе критических выборов было бы неверно. Потому в данной работе мы будем отталкиваться от модели расколов, наиболее часто применяемой в украинских электоральных исследованиях, где выделяют следующие расколы: 1) по степени лояльности государственной власти; 2) по внешнеполитической ориентации; 3) по приоритетному языку использования; 4) по религиозной принадлежности; 5) доминантам исторической памяти; 6) по преобладанию левых или правых политических настроений (Пашковский, 2016). В совокупности они, привязанные к одним и тем же территориям, формируют один культурно-идеологический раскол, в рамках которого и выделяются украинский «Запад» и «Юго-Восток», а комплексная база формирования обуславливает его устойчивость в пространстве и времени.

§ 3. Математические методы анализа электорально-географической структуры

При разработке и отборе математических методов в электоральной географии можно делать упор на анализе разных элементов географической структуры результатов выборов. Рассмотренные ниже методы, применённые А.Ю. Зимохой в межстрановых электоральных исследованиях, а П.С. Варюшиным – при исследовании географии голосований в США, могут быть скомбинированы при исследовании электорально-географической структуры Украины. Заинтересованность в комбинировании этих методов заключается в отсутствии стабильной партийной системы в случае Украины и высокой степени регионального разнообразия.

Существенно затрудняют исследование отсутствие свежих официальных данных, собиравшихся в рамках всеукраинской переписи населения (последняя прошла в 2001 году), по национальному составу, использованию языка, конфессиональной принадлежности и другим социально-демографическим характеристикам. Важную роль играют и данные экзит-поллов, собираемые в связке с возрастом респондента, уровнем образования и дохода, этнической принадлежности (что позволило бы избежать экологической ошибки). К сожалению, данные, предоставляемые украинскими социологическими службами, ограничены по набору собираемых данных. Это объясняется как методикой агрегирования собранной информации, так и ожидаемой закрытостью респондентов, не желающих предоставлять данные о себе, даже на условиях анонимности.

§ 3.1. Методология расчёта коэффициента пограничной дифференциации, регионального индекса, коэффициента неоднородности

А.Ю. Зимоха ставил цель разработать такую методику, которая позволила бы исследовать территориальные структуры электоральных предпочтений в странах с совершенно разными партийными системами, поэтому в своих работах он делал акцент на следующих факторах: числе партий, участвующих в выборах и на различиях в голосовании за ту или иную партию по соседним регионам, а также в среднем по стране. Результатом его работы стали три индикатора: *коэффициента пограничной дифференциации, региональный индекс и коэффициент неоднородности*. Коэффициент пограничной дифференциации (КПД) призван показать, насколько велика разница в электоральных предпочтениях между соседними территориальными ячейками, и рассчитывается по формуле 1:

$$K = \frac{\sum |P[i, m] - P[j, m]|}{2} \quad (1)$$

Где $P[i, m]$ – доля голосов, набранных одной партией m в i -регионе, а $P[j, m]$ – доля голосов, набранных той же партией в соседнем j -регионе. $\sum |P[i, m] - P[j, m]|$ – сумма разностей

по модулю между долями голосов, набранных партиями в двух регионах. Данный расчёт требуется повторить в отдельности для каждой рассматриваемой партии. Диапазон КПД изменяется от 0 до 1, где 0 означает, что голосование в соседних регионах было совершенно одинаковым, а 1 – абсолютно разным. Коэффициент рассчитывается только для территориальных ячеек, граничащих друг с другом. Как отмечает А.Ю. Зимоха, «значение коэффициента не зависит от количества партий, принявших участие в выборах, количества регионов и характера границ между ними» (Зимоха, 2006). То же самое касается и упомянутых ниже регионального индекса и коэффициента неоднородности.

Приведём пример из практики, для чего возьмём результаты парламентских выборов 2019 года по партийным спискам в избирательных округах в Закарпатской области (таблица 1). Учитывая, что по спискам в выборах участвовали 22 партии, произведём расчёты только по тем из них, что преодолели 5-процентный барьер на национальном уровне, и округлив доли голосов до тысячных. Обращаем внимание, что это упрощённый пример, поскольку в реальной ситуации более точные расчёты требуют учёта большего числа партий.

Таблица 1. Пример расчёта коэффициента пограничной дифференциации (составлено автором)

Партии Округа	Слуга Народа	Оппозиционная платформа – За жизнь	Батькивщина	Европейская Солидарность	Голос
68	0,440	0,069	0,091	0,075	0,074
69	0,507	0,103	0,089	0,047	0,052
70	0,480	0,081	0,144	0,037	0,030
71	0,542	0,077	0,088	0,034	0,031
72	0,552	0,085	0,081	0,050	0,038
73	0,506	0,070	0,093	0,029	0,034

Из всей приведённой выше совокупности округов граничат друг с другом округа №68 и №69; №68 и №70; №69 и №70; №69 и №71; №69 и №73; №70 и №71; №70 и №72; №71 и №72; №71 и №73, потому мы рассчитаем коэффициент только для них. На карте он выражается в виде выделенной цветом или линиями разной толщины границы между территориальными ячейками. Ниже на рисунке 3 избирательные округа Закарпатской области выделены синим цветом, максимальные значения коэффициента – красным цветом, минимальные – зелёным, средние – жёлтым. Минимальное значение КПД составит 0,07 (для округов 69 и 73), максимальное – 0,14 (для округов 70 и 71)

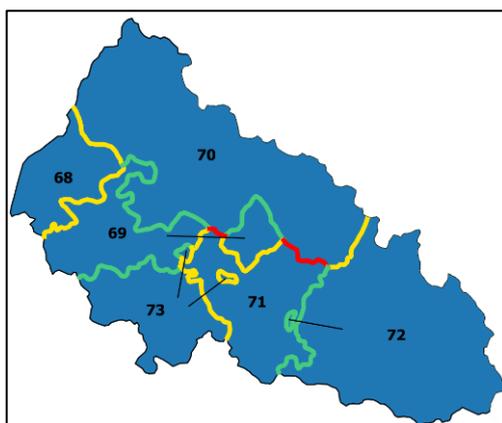

Рисунок 3. Избирательные округа Закарпатской области с нанесёнными значениями коэффициента пограничной дифференциации (составлено автором)

Второй показатель, региональный индекс (РИ), нужен для оценки того, насколько результаты выборов в территориальной ячейке отличаются от средних по стране, и рассчитывается по формуле 2:

$$R = \frac{\sum \left| \frac{P[i,j]}{P[i]} - 1 \right|}{n} \quad (2)$$

Где $P[i, j]$ – доля голосов, полученных i -партией в j -регионе, $P[i]$ – доля голосов, полученных i -партией в целом по стране, n – число партий, по которым ведётся подсчёт, $\sum \left| \frac{P[i,j]}{P[i]} - 1 \right|$ – суммарная разница по модулю долей голосов, набранных партиями в территориальной ячейке и в целом по стране. Диапазон регионального индекса также измеряется от 0 до бесконечности, 0 означает, что результаты выборов в регионе и по стране совпадают.

Для примера возьмём закарпатские округа из таблицы 1 и сравним их с результатами по всей Закарпатской области (таблица 2).

Таблица 2. Пример расчёта регионального индекса (составлено автором)

Партии Округа	Слуга Народа	Оппозиционная платформа – За жизнь	Батьківщина	Европейская Солидарність	Голос
68	0,440	0,069	0,091	0,075	0,074
69	0,507	0,103	0,089	0,047	0,052
70	0,480	0,081	0,144	0,037	0,030
71	0,542	0,077	0,088	0,034	0,031
72	0,552	0,085	0,081	0,050	0,038
73	0,506	0,070	0,093	0,029	0,034
В целом по области	0,497	0,080	0,100	0,046	0,044

Расчёты показывают, что максимальный РИ составит 1,65 – в округе №68, а минимальный – 0,59, в округе №72. Значения РИ показаны на рисунке 4 в сочетании с рассчитанными выше значениями КПД, в виде полигонов различных оттенков синего цвета (чем более тёмный оттенок – тем выше значение индекса). Как можно видеть, тот факт, что результаты выборов в избирательном округе сильно отличаются от средних по области, ещё не означает, что разница между ним и соседними округами будет настолько же велика, поскольку оба показателя (РИ и КПД) призваны зафиксировать факт, что имеются территориальные различия в результатах, но они не показывают, в чём именно они заключаются.

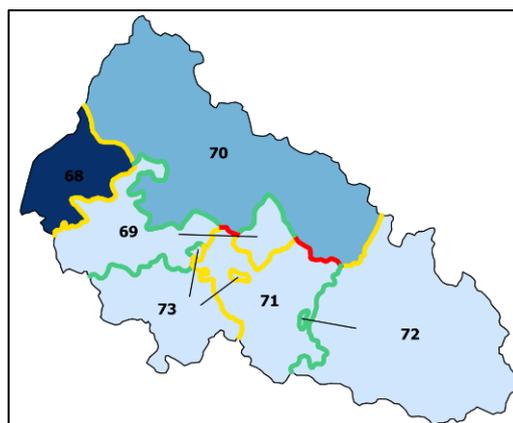

Рисунок 4. Избирательные округа Закарпатской области с нанесёнными значениями коэффициента пограничной дифференциации и регионального индекса (составлено автором)

Третий показатель, названный коэффициентом неоднородности, позволяет оценить, насколько одинаковы результаты выборов в целом по стране, и представляет собой среднее значение региональных индексов, что можно видеть из формулы 3:

$$N = \frac{\sum R + \dots + Rn}{n} \quad (3)$$

Где $R + \dots + Rn$ – сумма региональных индексов по территориальным ячейкам, n – число ячеек. Измеряется от 0 до бесконечности, 0 означает, что регионы по всей стране проголосовали абсолютно одинаково. Для приведённых в таблице 2 значений РИ коэффициент неоднородности составит 0,183. В отрыве от предыдущих голосований эта цифра мало о чём говорит. Но если сравнить её с коэффициентом неоднородности, рассчитанным по результатам парламентских выборов 2014 года (по партиям, преодолевшим 5-процентный барьер по всей Украине), то мы получим цифру 0,139. Это значит, что в 2019 году избиратели в Закарпатье были уже не так единодушны, как 5 лет назад.

§ 3.2. Методология расчёта коэффициента перераспределения, коэффициента суммарного нормированного сдвига, коэффициента вариации

Далее мы остановимся на методах, использованных П.С. Варюшиным при исследовании электоральной географии США, страны с двухпартийной системой. В отличие от первой группы методов, направленных на изучение горизонтальных связей, вторая группа «смотрит вглубь», выявляя факторы электоральной дифференциации территории и темпы её динамики. В своей работе он предложил 4 метода, отвечавшие за анализ следующих характеристик и разбитые им на 2 подгруппы: 1) *коэффициенты перераспределения, суммарного нормированного сдвига, коэффициента вариации* – призваны оценить динамику трансформации электорально-географической структуры с точки зрения перестройки территориальной структуры, изменений электоральной поддержки в целом, и политической поляризации общества. П.С. Варюшин не отрицает, что его методы применимы не только в условиях двухпартийности, но в таком случае требуются дополнительные вычисления (Варюшин, 2014). В данной работе, с учётом специфики украинской партийной системы, за основу для расчётов взяты агрегированные результаты коалиций политических сил, сгруппированных в соответствии с моделью расколов. Это освобождает нас от необходимости вычислений по множеству партий относительно друг друга, вдобавок имеющих сомнительную исследовательскую ценность. Подробнее к этому мы вернёмся во второй главе; 2) *метод «сдвиг-доля»*, взятый П.С. Варюшиным из региональной экономики и позволяющий оценить вклад национальных, социально-экономических и локальных факторов в набранном политической силой результате. Рассмотрим подробнее все вышеперечисленные методы на примере рассмотренных ранее результатов парламентских выборов 2014 и 2019 гг. в Закарпатской области, по партиям Европейская Солидарность (участвовавшей в выборах 2014 года как Блок Петра Порошенко) и Батькивщина. Это единственные партии, что преодолели 5-процентный барьер и в 2014, и в 2019 году, потому именно их мы и рассмотрим подробнее. Ниже, в таблице 3, приведено абсолютное число голосов в каждом округе за каждую из партий.

Таблица 3. Матрица числа голосов, поданных за Батькивщину и Европейскую Солидарность в Закарпатской области на парламентских выборах 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

Номер избирательного округа	2014 г.		2019 г.	
	Блок Петра Порошенко	Батькивщина	Европейская Солидарность	Батькивщина
68	20394	4780	5562	6715
69	22189	3594	2782	5304
70	21781	5954	2965	11559
71	16589	2353	1820	4772
72	18818	2352	2375	3828

73	16754	2270	1812	5753
В целом по области	116525	21303	17316	37931

Основным параметром для расчёта всех трёх коэффициентов выступает соотношение числа голосов, набранных политической силой (под этим термином мы имеем ввиду партии и кандидатов), относительно которой проводятся расчёты, к результатам её конкурента, нормированное к среднему по стране, что представлено в формуле 4. Ту политическую силу, относительно которой производятся расчёты, мы назовём «базовой».

$$\frac{B}{K} = \frac{(N_{\text{Политическая сила}}/N_{\text{Её конкурент}})\text{территориальная ячейка}}{(N_{\text{Политическая сила}}/N_{\text{Её конкурент}})\text{страна}} \quad (4)$$

N – число голосов, поданное за политическую силу в области или избирательном округе, показатель может принимать значение от 0 до бесконечности. В таблице 4 приведены рассчитанные нормированные соотношения по каждому из округов.

Таблица 4. Матрица нормированных соотношений голосов, поданных за Европейскую Солидарность и Батькивщину в Закарпатской области на парламентских выборах 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

№ избирательного округа	2014 г.	2019 г.
68	1,28	0,55
69	0,89	0,87
70	1,50	1,78
71	0,78	1,20
72	0,68	0,74
73	0,74	1,45

В нашем примере в знаменателе будут оцениваться итоговые результаты по области, а за базовую партию, относительно которой мы будем проводить анализ, мы возьмём Батькивщину (в принципе в качестве базовой можно выбрать любую политическую силу). Тогда показатель коэффициента выше 1 будет означать, что Батькивщина в округе показала относительно лучшие результаты, чем в среднем по области, показатель меньше 1 значит, что здесь лучше выступила уже Европейская Солидарность (если бы в выборах участвовали только эти две партии, то показатель больше 1 означал бы победу Батькивщины, меньше 1 – её поражение).

1) *Коэффициент перераспределения.* Вычисляется для оценки изменений в территориальной структуре предпочтений избирателей за электоральный цикл. Рассчитывается на основе выполненных ранее нормированных отношений голосов (в соответствии с формулой 4). Для расчёта коэффициента необходимо ранжировать территориальные ячейки первого порядка, составляющие территориальную единицу, по результатам политической силы в этих ячейках. Ранг 1 присваивается той ячейке, где результаты политической силы наилучшие. Далее, на основании того, как изменились результаты партии в территориальных ячейках на следующих выборах, мы переставляем ранг в столбце (но не меняя само значение ранга). Далее вычисляется разница в рангах, стоящих в одной строке, между голосованиями. Формула 5 для расчёта коэффициента приведена ниже:

$$K_{\text{перераспределения}} = \frac{\sum R}{R_{\text{max}}} \quad (5)$$

Где $\sum R$ – сумма разниц между рангами за два последовательных голосования по всем территориальным ячейкам, R_{max} – максимально возможное число перестановок, определяемое по формуле 5-1 для нечётного числа территориальных ячеек и по формуле 5-2 – для чётных (где n – число территориальных единиц):

$$R_{\text{max}} = \frac{n^2 - 1}{2} \quad (5 - 1)$$

$$R_{\text{max}} = \frac{n^2}{2} \quad (5 - 2)$$

Возможные диапазоны изменения коэффициента перераспределения составляют от 0 до 1, где 0 означает полное отсутствие изменений, а 1 – тотальную перестройку всей структуры.

Для Закарпатской области, включающей 6 одномандатных округов, потому в соответствии с формулой 5-2 максимально возможное число перестановок составит 18. Поскольку мы условились взять за партию, относительно которой мы ведём подсчёт, Батькивщину, то мы ранжируем округа от убыванию её результатов, от лучших к худшим. Для этого нам нужны данные из таблицы 4. В таблице 5 показан пример расчёта коэффициента перераспределения.

Таблица 5. Расчёт коэффициента перераспределения по результатам Батькивщины и Европейской Солидарности в Закарпатской области в 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

Нормированные соотношения, сортированные	Номера ИО, ранжированные по	Присваиваемый ранг	Нормированные соотношения, сортированные	ИО, ранжированные по	Место ранга	Разница в рангах
--	-----------------------------	--------------------	--	----------------------	-------------	------------------

по убыванию результатов Батькивщины в 2014 г.	нормированному соотношению		по убыванию результатов Батькивщины в 2019 г.	нормированному соотношению в 2019 г.	в 2019 г.	
1,50	70	1	1,78	70	1	0
1,28	68	2	1,45	73	5	3
0,89	69	3	1,20	71	4	1
0,78	71	4	0,87	69	3	1
0,74	73	5	0,78	72	6	1
0,68	72	6	0,55	68	2	4
$K_{\text{перераспределения}} = 10:18 = 0,55$						

Как можно видеть, Закарпатская область испытала серьёзную перестройку территориальной структуры электоральной поддержки обеих партий.

2) *Коэффициент суммарного нормированного сдвига.* Необходим для того, чтобы оценить глубину изменений электоральных предпочтений, без учёта трансформации территориальной структуры. Рассчитывается на основе разницы между нормированными соотношениями голосов в территориальной ячейке, полученных кандидатами или партиями за два последовательных голосования, сложенных по модулю и делённых на общее количество территориальных ячеек, что показано в формуле 6:

$$K_{\text{сдвига}} = \frac{\sum \left| \Delta \left(\frac{B}{K} \right) \right|}{n} \quad (6)$$

Где $\sum \left| \Delta \frac{B}{K} \right|$ – сумма разностей соотношений голосов по модулю, полученных за два последовательных голосования, n – число территориальных ячеек. Коэффициент меняется от 0 до бесконечности, чем ближе значения коэффициента к нулю, тем меньше изменились предпочтения избирателей. Пример расчёта коэффициента для Закарпатской области показан в таблице 6.

Таблица 6. Расчёт коэффициента сдвига по результатам Батькивщины и Европейской Солидарности в Закарпатской области на парламентских выборах 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

Номер избирательного округа	2014 г.	2019 г.
68	1,28	0,55
69	0,89	0,87
70	1,50	1,78
71	0,78	1,20

72	0,68	0,74
73	0,74	1,45
$K_{\text{сдвига}}$	2,21	

Коэффициент позволяет определить, что произошли сильные изменения в электоральных предпочтениях, однако он позволяет лишь зафиксировать сдвиг, к сожалению, не позволяя определить, в чью он пользу. Но у нас есть возможность качественно оценить сдвиг по отдельным территориальным ячейкам, т.е. по округам. Для этого П.С. Варюшиным был введён выполняющий вспомогательную роль коэффициент D , который рассчитывается по формуле 7:

$$D = \frac{\frac{B}{K_{n+1} \text{ голосование}}}{\frac{B}{K_n \text{ голосование}}} \quad (7)$$

Где $\frac{B}{K_{n+1} \text{ голосование}}$ – нормированное соотношение голосов на последних выборах, $\frac{B}{K_n \text{ голосование}}$ – на предыдущем голосовании. В контексте нашего примера значение коэффициента меньше $1/3$ означает, что наблюдается сильный сдвиг в пользу Европейской Солидарности (ЕС), от $1/3$ до $2/3$ – умеренный сдвиг в пользу ЕС, от $2/3$ до 1 – слабый сдвиг. Напротив, сдвиг от 1 до 1,5 – слабый сдвиг в пользу Батькивщины, от 1,5 до 3 – умеренный сдвиг в пользу партии Тимошенко, от 3 и больше – сильный сдвиг. На рисунке 5 оттенками синего цвета показаны округа, где произошёл сдвиг в пользу ЕС, красного – Батькивщины.

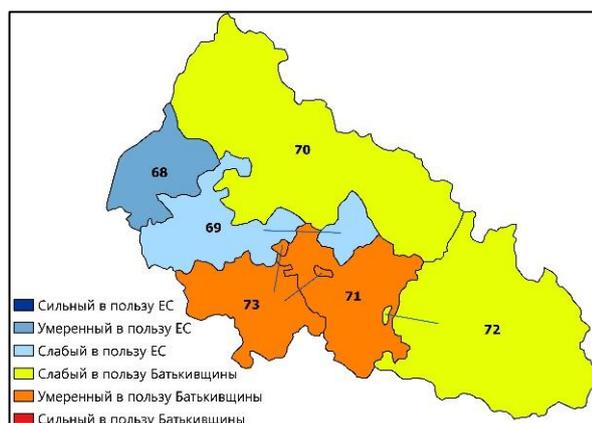

Рисунок 5. Направление и сила сдвига в поддержке Европейской Солидарности и Батькивщины в Закарпатской области на парламентских выборах (составлено автором)

Приведём другой пример. Допустим, некоторая партия А набирает в территориальной ячейке 20 голосов, а её конкурент – 40. В то же время результат партии А в целом по стране – 100 голосов, а её конкурента – 50. В таком случае нормированное соотношение голосов, поданных за

партию А, составит 0,25 (результат партии в территориальной ячейке в два раза хуже, чем у соперника, при том, что в целом по стране её показатели в два раза лучше). На следующих выборах партия А набирает уже 20 голосов, столько же набирает её соперник, а в национальном масштабе они обе набирают по 50 голосов, то есть, результаты партии А в территориальной ячейке не лучше и не хуже национального, потому нормированное соотношение составит единицу. В таком случае, в соответствии с формулой 7, значение коэффициента D составит 4, то есть, мы наблюдаем сильный сдвиг поддержки в пользу партии А (несмотря на то, в абсолютном исчислении в двух голосованиях она набирает в территориальной ячейке одинаковое число голосов).

3) *Коэффициент вариации.* Важен для оценки динамики внутренних территориальной дифференциации предпочтений избирателей. Для его расчёта возьмём формулу 8 «географизированного» коэффициента вариации, которая, как отмечает П.С. Варюшин, учитывает как ассоциативную значимость, так и неравномерность (Варюшин, 2017, с. 56), а П.М. Полян называл наиболее интегральным измерителем территориальной концентрации (Полян, 2014, с. 129).

$$V^2 = \frac{\sigma^2}{\bar{x}} \quad (8)$$

Где σ^2 – среднеквадратическое отклонение величины $\frac{B}{K}$, взятой в совокупности для всех территориальных ячеек первого порядка, входящих в территориальную единицу, для которой производится расчёт (для всей Украины – регионы, для регионов – избирательные округа), \bar{x} – выборочное среднее значение показателя $\frac{B}{K}$ в совокупности. Значения коэффициента меняются от 0 до бесконечности, где 0 означает, что территория полностью однородна в политических предпочтениях. Рассчитанные показатели коэффициента приведены в таблице 7.

Таблица 7. Расчёт коэффициента вариации по результатам Батькивщины и Европейской Солидарности в Закарпатской области на парламентских выборах 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

Год	2014 г.	2019 г.
Значение коэффициента вариации V^2	0,11	0,20

Как можно видеть, разброс в поддержке обеих партий за 5 лет увеличился. Это хорошо коррелирует с тем фактом, что значение коэффициента неоднородности, рассчитанное нами по

более широкой совокупности партий, также увеличилось, то есть, взгляды избирателей Закарпатья стали более поляризованными.

§ 3.3. Технология расчёта по методу «сдвиг-доля»

Данный метод используется в региональной экономике, и предназначен для оценки вклада отдельных национальных, отраслевых и локальных составляющих в темпы экономического роста, что позволяет выделить как его основные драйверы, так и факторы его замедляющие. Если же вместо, например, абсолютных значений занятости взять результаты кандидатов или партий и рассмотреть процент голосов за политическую силу по отдельным компонентам, то можно использовать метод «сдвиг-доля» в электорально-географических исследованиях, на чём мы и остановимся подробнее. Показатели электоральной поддержки в рамках метода сгруппированы в 3 составляющие, что показано в формуле 11. Сам параметр Δ рассчитывается как разница в поддержке политической силы в регионе за электоральный цикл, в процентных пунктах (формула 9) и в процентах: (формула 10):

$$\Delta = S_{n+1} - S_n \quad (9)$$

$$\Delta = \frac{S_{n+1} - S_n}{S_{n+1}} \quad (10)$$

Где S_{n+1} – значение поддержки базового кандидата или партии в целом по стране в процентных пунктах, от общего числа проголосовавших, на конец изучаемого периода, S_n – на начало периода. При изучении результатов в странах с многопартийной системой можно рассматривать и результаты коалиции партий. Это позволит по изменениям в поддержке одной из коалиций дать характеристику изменению политической ситуации в целом по стране. Приведём методику расчёта и объясним значение каждой из переменных.

$$\Delta = NS + SEPS + LS \quad (11)$$

- NS (*национальный сдвиг*) – изменение в поддержке политической силы, причиной которого стали общенациональные факторы, которые должны влиять на результаты голосования в регионе с той же силой и в том же направлении, что и в целом по стране. Расчёт основан на допущении, что динамика поддержки на национальном, региональном и (или) окружном уровне полностью совпадает по глубине изменений. Из этого следует, что за национальный сдвиг можно принять динамику результатов политической силы в целом по стране. В формализованном же виде расчёт параметра NS представлен в формуле 12:

$$NS = \sum_{i=1}^n (s_i^0 \frac{S^T}{S^0} - s_i^0) \quad (12)$$

Где S^T – величина поддержки на конец интервала t , S^0 – величина поддержки кандидата или партии на начало интервала t , s_i^0 – величина поддержки политической силы в i -й социально-экономической группе в территориальной ячейке на начало интервала t .

- *SEPS (сдвиг по структурным социально-экономическим факторам)* – данный параметр необходим для оценки влияния на результаты голосования социальной группы, проживающей в пределах территориальной единицы. Основан на гипотезе, что динамика электоральных предпочтений социальной группы в различных регионах совпадает с национальной динамикой. Как уже отмечалось выше, в украинском кейсе статистическим источником для расчёта этого показателя теоретически могут выступить данные о возрасте, поле, образовании избирателя и поддержанном им кандидате или партии, полученные в результате опросов на выходе с избирательных участков (exit poll). Наличие более обширной статистической базы позволило бы сделать более полные выводы о поддержке политической силы в какой-либо из групп, и в данной работе мы можем опереться лишь на данные по демографическому составу, поскольку актуальная статистика по составу населения по уровню полученного образования отсутствует, а влияние гендерного состава незначительно. Формула 13 показывает, как рассчитывается данный показатель:

$$SEPS = \sum_{i=1}^n (s_i^0 \frac{S_i^T}{S_i^0} - s_i^0 \frac{S^T}{S^0}) \quad (13)$$

S^T – величина поддержки политической силы на конец интервала t , S^0 – величина поддержки кандидата или партии на начало интервала t , s_i^0 – величина поддержки политической силы в i -й социально-экономической группе в территориальной ячейке на начало интервала t , S_i^0 – величина поддержки политической силы в i -й социально-экономической группе в национальном масштабе на начало интервала t , S_i^T – величина поддержки политической силы в i -й социально-экономической группе в национальном масштабе на конец интервала t . Таким образом, в случае, если численность определённой социально-экономической группы в регионе или округе, поддерживающей политическую силу, будет меньше, чем в среднем по стране, то вклад социально-экономической структуры будет отрицательным, и наоборот.

Из методики расчёта вытекают и недостатки метода, такие как невозможность комплексной оценки вклада нескольких социально-экономических групп (например, по уровню доходов и по полученному образованию), и необходимость расчётов отдельно по каждой из них. Возникают проблемы и с интерпретацией полученных данных, поскольку, например, гипотетический рост поддержки кандидата среди молодёжи в национальном масштабе на 10% не означает, что то же самое наблюдалось в регионах, где та же группа электората в большинстве

своём, напротив, поддержала другого кандидата или поддержала нашего кандидата ещё больше, иначе говоря, устойчивой зависимости между поддержкой политической силы определённой социальной группой в национальном масштабе может и не быть. Метод «сдвиг-доля» как раз и призван выявить различия в электоральном поведении социальной группы в конкретном регионе от «общепринятого» для неё.

- *LS (сдвиг локальных факторов)* – показатель призван отразить политическую специфику конкретной территории, зависящую от историко-географических факторов, харизмы кандидатов, локальных проблем, что в целом трудно поддаётся подсчётам. Потому они объединены в одну группу, а их значение может быть рассчитано в рамках одной переменной, или же по остаточному принципу. Таким образом, может быть оценена локальная специфика и эффективность избирательной кампании в конкретном регионе, без опоры на национальные и социально-экономические факторы. Параметр LS может быть вычислен двумя способами, формула 14 иллюстрирует более точный, расчётный вариант, формула 15 – более простой, который и будет использоваться в дальнейших расчётах.

$$LS = \sum_{i=1}^n (s_i^T - s_i^0 \frac{S_i^T}{S_i^0}) \quad (14)$$

$$LS = \Delta - NS - SEPS \quad (15)$$

Где s_i^T – величина поддержки политической силы в i -й социально-экономической группе в территориальной ячейке на конец интервала t , s_i^0 – величина поддержки политической силы в i -й социально-экономической группе в территориальной ячейке на начало интервала t , S_i^0 – величина поддержки политической силы в i -й социально-экономической группе в национальном масштабе на начало интервала t , S_i^T – величина поддержки (доля голосов, отданных за кандидата или партию в целом по стране, от общего числа проголосовавших) в целом по стране на конец интервала t .

Итоговая формула для расчёта трансформации электоральной поддержки по методу «сдвиг-доля» выглядит так (формула 16):

$$\Delta = \sum_{i=1}^n (s_i^0 \frac{S^T}{S^0} - s_i^0) + \sum_{i=1}^n (s_i^0 \frac{S_i^T}{S_i^0} - s_i^0 \frac{S^T}{S^0}) + \sum_{i=1}^n (s_i^T - s_i^0 \frac{S_i^T}{S_i^0}) \quad (16)$$

Сначала следует расчёт трендов общенациональной поддержки одной социально-экономической группы, на следующем этапе вносится поправка, учитывающая социально-экономическую структуру конкретной территориальной ячейки, в конце выявляется

несоответствие между фактическими и расчётными показателями электоральной поддержки, вызванное локальными факторами. Важным является то, что метод позволяет оценить значение национальных и локальных факторов в политической жизни региона, то есть, оценить его положение в электорально-географической структуре.

В качестве примера рассмотрим динамику электоральной поддержки Петра Порошенко в Закарпатской области на президентских выборах 2014 и 2019 года. Здесь роль переменной, отвечающей за социально-экономическую структуру, выполняет возрастная структура населения. Данные о поддержке Порошенко по возрастным группам электората получены на основе результатов национального экзит-полла, информация о возрастном составе населения области рассчитана на основе данных Государственной службы статистики Украины.

По данным таблицы 8 можно видеть, что наибольшее падение электоральной поддержки произошло среди молодого населения (-72,07) при его доле в населении области в 20,93%, чуть более серьёзное падение наблюдается среди населения предпенсионного возраста (-66,95), однако и его доля в демографическом составе наименьшая – 16,68%. Исходя из того, что поддержка П. Порошенко в 2014 г. составила 51,03 п.п., а в 2019 г. – 11,42 п.п., показатель Δ (изменение за цикл) для Закарпатья составит -39,61 п.п. (против -38,74 в целом по Украине), то есть, поддержка на региональном уровне упала ещё сильнее. Из таблицы берём значение национального сдвига (NS) – это -38,74 п.п. Сопоставляя долю возрастной группы и изменение поддержки в возрастных группах рассчитываем социально-экономический сдвиг (SEPS) по формуле 12, где $S^T = 15,96$, $S^0 = 54,7$, $s_i^0 = 20,93$ п.п., S_i^T – показатель поддержки в социально-экономической группе по стране в целом на конец временного интервала (для молодого населения он составляет 51,2 п.п.), S_i^0 – показатель поддержки в социально-экономической группе по стране в целом на начало временного интервала (14,3 п.п.). Таким образом рассчитывается социально-экономический сдвиг для каждой возрастной группы, а в конце они суммируются. Тогда расчётное значение SEPS составит 1,82 п.п. Зная значения показателей NS и SEPS, по формуле 14 можно определить значение локального сдвига (LS): **-39,61 – (-38,74) – 1,82 = -2,69.**

Таблица 8. Составляющие метода «сдвиг-доля» по президентским выборам в 2014-2019 гг., рассчитанные по результатам П. Порошенко, по Закарпатской области (составлено автором)

Возрастная группа избирателей	Поддержка П. Порошенко в 2014 году, в п.п.	Поддержка П. Порошенко в 2019 году, в п.п.	Динамика поддержки П. Порошенко в 2014-2019 гг., в п.п.	Изменение в поддержке П. Порошенко в 2014-2019 гг.,	Доля возрастных групп в составе населения Закарпатской

				относительно 2014 года	области на 01.01.2019
От 18 лет и старше	54,70	15,96	-38,74	-70,82%	100%
18-29 лет	51,2	14,3	-36,9	-72,07	20,93%
30-39 лет	54,7	17,1	-37,6	-68,73	21,27%
40-49 лет	56,8	18,5	-38,3	-67,43	18,29%
50-59 лет	57,5	19,0	-38,5	-66,95	16,68%
60 лет и старше	59,1	18,2	-40,9	-69,20	22,84%

Исходя из результатов подсчётов можно сделать вывод, что поддержка П. Порошенко за электоральный цикл упала за счёт действия национальных и локальных факторов, а социально-экономическая (точнее, демографическая) структура смогла несколько смягчить падение электоральной поддержки.

Подытоживая настоящую главу, укажем, что в контексте электоральной географии географическая структура являет собой более широкое понятие, чем территориальная структура. Разделяя закреплённую юридически сетку избирательных округов и административно-территориального деления, и отдельно – фактически сложившиеся регионы, однородные по своему электоральному поведению и сильно отличающиеся от других, исследования электорально-географической структуры вносят свой вклад в политико-географическое районирование страны. По сути, если исследование так или иначе затрагивает «неформальные» регионы, то речь уже заходит об изучении именно электорально-географической структуры. Отобранная нами модель расколов является той концепцией, которая позволяет нам за счёт некоторого обобщения получить полную картину трансформации электорально-географической структуры, что было бы труднее сделать, соотнося каждую из партий между собой, и невозможно, если бы мы, как в рассмотренном выше примере в параграфе 3.2., ограничились бы лишь парой кандидатов или партий при исследовании всей территории Украины. Показанные нами методы позволяют исследовать различные стороны электорально-географической структуры, дать наиболее полную её характеристику.

ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УКРАИНЫ В 2014-2019 ГГ. И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА НЕЁ

Рассмотренные нами в предыдущей главе методы анализа были применены на материале последних 4 избирательных кампаний: досрочных президентских выборов 2014 года, досрочных выборов в Верховную Раду 2014 года, очередным президентским выборам 2019 года, очередным выборам в Верховную Раду 2019 года. Однако, этому предшествовала работа по исследованию особенностей территориальной организации украинской избирательной системы и по группировке политических партий и кандидатов в соответствии с моделью расколов. Это было необходимо для понимания того, какие ограничения для изучения электорально-географической структуры на исследуемом временном интервале заложены самой избирательной системой, какие из них можно опустить, а какие важно учесть. Типология партий и кандидатов по условным «коалициям» производилась в рамках адаптации методов, описанных в параграфах 3.2 и 3.3 первой главы, и существенно сокращала объём требуемых расчётов, имевших к тому же незначительную исследовательскую ценность.

§ 1. Территориальная организация украинской избирательной системы

После последних парламентских выборов нормативно-правовая база, на основе которой проводится территориальная организация избирательного процесса на национальном уровне, претерпела некоторые изменения. Так, 19 декабря 2019 года был принят Избирательный кодекс Украины, систематизирующий украинское законодательство, касающееся выборов различных уровней. Учитывая, срок принятия документа, в работе будут учитываться правовые нормы, установленные до его принятия, а именно: Закон Украины 4061-VI «О выборах народных депутатов Украины» от 17.11.2011, Закон Украины 474-XIV «О выборах Президента Украины» от 05.03.1999, Постановление ЦИК Украины №82 «Об образовании одномандатных избирательных округов на постоянной основе в пределах Автономной Республики Крым, областей, городов Киева и Севастополя» от 28.04.2012. Исходя из анализа этих документов, можно выявить следующие особенности территориальной организации избирательной системы:

1) Закрепление нормы численности избирателей на уровне участковых и окружных избирательных комиссий. В соответствии с законом, минимально возможное число избирателей на один участок – 20, а максимальное – 2500, а обычные избирательные участки ранжируются на малые («объёмом» до 500 человек), средние (от 500 до 1500) и большие (более 1500). Исключениями являются избирательные участки, созданные по решению ЦИК и рассчитанные на число избирателей меньше 20, и заграничные избирательные участки. На уровне избирательных округов, которых насчитывается 225 и в рамках которых проходит подсчёт

голосов не только в рамках выборов депутата от одномандатного округа, но и президента и по партийным спискам, закреплена норма в 161 140 человек, а допустимые отклонения в ту или иную сторону не могут быть превышать 12%. Границы округов устанавливаются с учётом существующего административно-территориального деления и интересов территориальных общин и национальных меньшинств.

2) Границы избирательных округов весьма неустойчивы, о чём свидетельствует то, что в Постановлении ЦИК, устанавливающее границы округов, изменения вносились 45 раз, последнее из которых было 23.05.2019. Не все из этих поправок включали корректировку границ, в отдельных случаях речь шла лишь об изменении или переименовании центра округа. Отдельно установлено, что в течение избирательного процесса (его начало закреплено сроком в 90 дней до дня голосования) границы округов не могут изменяться, а сроки изменений в сетку ограничены 175 днями в случае выборов в Верховную Раду и 200 днями в случае выборов Президента страны).

3) Отдельно прописана норма, что компактно проживающие национальные меньшинства не могут быть разделены, а должны быть сконцентрированы в пределах одного избирательного округа.

4) После поправок, внесённых в марте 2014 года в выборное законодательство, президентские и парламентские выборы проводятся в рамках единой сетки одномандатных избирательных округов. Упразднилась сетка, ранее использовавшаяся только для президентских выборов, однако внеочередные выборы 25 мая 2014 года прошли ещё по старой нарезке округов, что лишает нас возможности сравнить результаты голосования в их масштабе.

Территориальная организация избирательного процесса на окружном уровне весьма неустойчива, что иллюстрирует график 1 и карты-схемы в приложении 4.

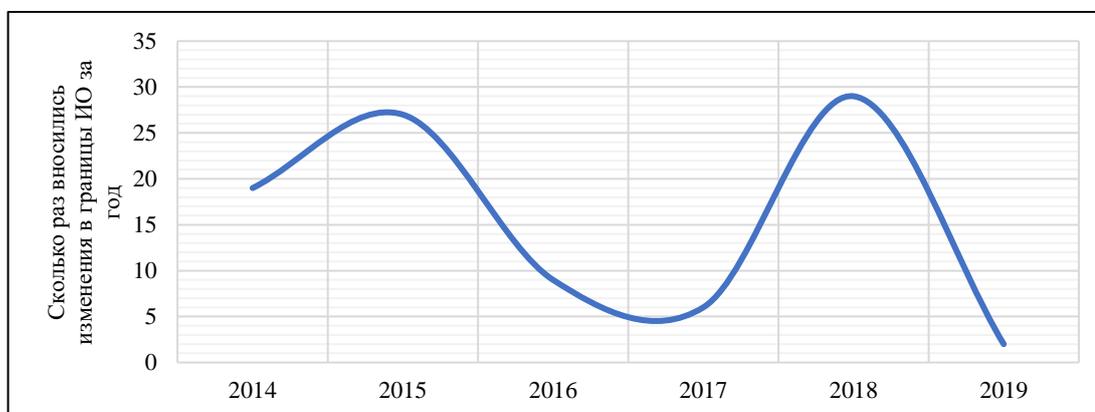

График 1. Динамика изменений границ избирательных округов за 2014-2019 гг. (составлено автором по (Постановление ЦИК Украины №82 от 28.04.2012))

Суммарно с 20.03.2014 границы округов и их центры были изменены 92 раза (часто вносимые в постановление поправки касались нескольких округов), изменения центров и границ за это время претерпели 59 одномандатных округов, из них 20 были пересмотрены более 1 раза, больше всего менялись границы у округов №11 (Винницкая область) и 95 (Киевская область). Два пика изменений наблюдаются в 2015 и 2018 гг., что должно быть связано с организацией местных выборов и подготовкой к избирательной кампании в 2019 году. Большинство изменений связано с упразднением и созданием новых избирательных участков, в некоторых случаях изменение границ округа следовало за изменениями в административно-территориальном делении. Анализ картографического материала показывает, что большинство изменений связано с корректировкой границ городских округов и частичной реорганизацией избирательных округов в контролируемой Украиной частях Донецкой и Луганской областей, что позволила сделать стабилизация «границы» с непризнанными республиками Донбасса. Обращает внимание и тот факт, что фактически территориальных ячеек больше, чем 225, поскольку отдельные избирательные округа разбиты на несколько частей (своего рода рекордсменом здесь выступают округа в Донецкой и Луганской областях, например, ИО № 112, разделённый на целых 8 анклавов), что вероятнее всего является следствием джерримендеринга. Отметим, что в соответствии со статьёй 27 части 3 новоизданного Избирательного кодекса Украины практика дробления округов должна быть прекращена, из чего следует, что в будущем темпы трансформации территориальной структуры вновь возрастут.

Проведённый анализ позволяет нам понять, каковы ограничения настоящего исследования (невозможность сравнить в крупном масштабе президентские выборы), и какие аспекты не требуют анализа (такие как численность избирателей в округах). Изменения в сетке избирательных округов были хоть и многочисленны, но незначительны по своей сути, потому мы делаем допущение, что границы сетки оставались стабильными. Далее мы перейдём к рассмотрению взаимосвязей партийной системы Украины и её электорально-географической структуры.

§ 2. Партийная система в контексте электорально-географической структуры Украины

Партийная система страны находится в неразрывной связи с электорально-географической структурой, при этом, на первом месте стоят именно партии, а уже потом – ареалы их поддержки. В первой главе мы говорили о модели расколов и расколе между Западом и Юго-Востоком, корни которого следует искать в исторической географии страны, вкладе этнических и конфессиональных факторов (Haydukiewicz, 2011; Flesken, Harti, 2020). На эту почву отлично ложатся идеологические и мировоззренческие противоречия между населением двух «Украин», сформировавшие с 1991 по 2004 год двухполюсную электоральную географию.

Политические партии в свою очередь делились исследователями на три классические группы в соответствии с политической идеологией: левые, правые и центристские (Лизунков, 2005). Однако с 2014 года трансформация партийной системы страны, связанная с появлением новых партий и распадом старых, резко усилилась, и политические силы страны требуют новой, актуальной классификации, которая учитывала бы расколы по действительно животрепещущим проблемам украинцев, тем более учитывая тот факт, что деидеологизация украинских партий делает классическую типологию лишённой смысла (Примуш, 2014, Левые и левоцентристские... 2019).

Взаимодействие электорально-географической структуры и партийной системы проявляется в формировании районов устойчивой электоральной поддержки и детерминированности ареалов поддержки в зависимости от идеологии партии или кандидата. В таком случае расширить ареал поддержки и потенциальный электорат можно лишь в случае смены политического дискурса, выдвигаясь с максимально деидеологизированной предвыборной программой, которая включала бы наиболее общие или критически важные для общества вопросы (например, борьбу с коррупцией, прекращение войны); или же в ситуации отсутствия реальной конкуренции. Во многом сочетание этих факторов предопределили победу на выборах Петра Порошенко в 2014 году и Владимира Зеленского в 2019 году. Однако, это исключительные случаи в украинской политике.

Результаты голосований были собраны в разрезе избирательных округов, составляющих основное функциональное звено в украинской избирательной системе и являющихся минимальной территориальной ячейкой, в рамках которой проводится анализ, а также по областям и г. Киеву, являющихся главными элементами территориально-политической системы. С учётом модели расколов, текущей общественно-политической повестки, мнений политологов, предвыборных программ кандидатов и партий, участвующие в последнем электоральном цикле политические силы были разделены на три группы по следующим признакам: 1) поддержка курса на евроинтеграцию и вступление в Североатлантический блок; 2) положительная оценка событий декабря 2013 – февраля 2014 гг. на Площади Независимости в Киеве; 3) сохранение статуса украинского языка как единственного государственного; 4) сохранение унитарной формы государственного устройства; 5) необходимость пересмотра исторического прошлого; 6) неприятие каких-либо внешних сношений с Российской Федерацией, поддержка силовой интеграции «временно оккупированных территорий» (укр. «тимчасово окуповані території»); 7) одобрение курса на украинизацию образования и науки, культурной сферы. Итоговая типология партий и кандидатов представлена в таблице 9. Партии и кандидаты, в той или иной степени поддерживающие вышеперечисленные атрибуты, рассматривались вместе, как представители

«оранжевого» политического лагеря и отмечены в таблице оранжевым цветом. Политические силы, выступающие за более тесную интеграцию с Россией, Евразийским экономическим союзом, поддерживающие статус русского языка как регионального или второго государственного, нейтралитет Украины и её неучастие в военно-политических блоках, оценивающие произошедшее в конце 2013 – начале 2014 года в Киеве негативно, были сгруппированы в «бело-синюю» коалицию и обозначены в таблице 9 синим цветом. «Третьей силой» выступили антисистемные партии, дистанцировавшиеся от существующих трендов и не конкретизирующие свою повестку, стремясь охватить электорат в разных частях страны. Сюда вошли популисты (в число которых включают Владимира Зеленского и Олега Ляшко) (Работяжев, 2019) и «проблемные» партии, специализирующиеся на узкой повестке (например, аграрии из партии «Заступ»). Они отмечены в таблице 9 зелёным цветом. Для расчётов брались данные по партиям и кандидатам, набравших во всеукраинском масштабе не менее 1% голосов избирателей, что обосновано наличием в рамках данной группы информации, полученной с опросов с избирательных участков; охватом таким образом более 95% голосов всех проголосовавших, что позволит исследовать на основе расчётов по коалициям всю электорально-географическую структуру, что показано в таблице 10. Партии, набравшие от 1% до 5% можно считать политически значимыми, поскольку они способны влиять на партийную конкуренцию и региональные властные структуры политические силы (Остапец, 2019). Ранее похожую, но двухполярную типологию проводил Черкашин при исследовании использования геоинформационных систем (Черкашин).

Таблица 9. Принадлежность политической силы к политическому лагерю в 2014-2019 гг.

Партии и кандидаты от оранжевой коалиции выделены оранжевым цветом, от бело-синей коалиции – синим цветом, от третьих сил – зелёным (составлено автором)

Список кандидатов, набравших более 1% голосов на президентских выборах 2014 года	Список партий, набравших более 1% голосов на парламентских выборах 2014 года	Список кандидатов, набравших более 1% голосов на президентских выборах 2019 года	Список партий, набравших более 1% голосов на парламентских выборах 2019 года
Порошенко П.А.	Народный Фронт	Зеленский В.А.	Слуга Народа
Тимошенко Ю.В.	Блок Петра Порошенко	Порошенко П.А.	Оппозиционная Платформа – За Жизнь
Ляшко О.В.	Самопомощь	Тимошенко Ю.В.	Батькивщина
Гриценко А.С.	Оппозиционный Блок	Бойко Ю.А.	Европейская Солидарность
Тигипко С.Л.	Радикальная партия Ляшко	Гриценко А.С.	Голос
Добкин М.М.	Батькивщина	Смешко И.С.	Радикальная партия Ляшко

Рабинович В.З.	Свобода	Ляшко О.В.	Сила и Честь
Богомолец О.В.	Коммунистическая партия Украины	Вилкул А.Ю.	Оппозиционный Блок
Симоненко П.М.	Сильная Украина	Кошулинский Р.В.	Украинская Стратегия Гройсмана
Тягнибок О.Я.	Гражданская Позиция		Партия Шария
	Заступ		Свобода
	Правый Сектор ¹		Гражданская Позиция

Таблица 10. Результаты коалиций по избирательным кампаниям в 2014-2019 гг. (составлено автором)

Коалиция	Президентские выборы 2014	Парламентские выборы 2014	Президентские выборы 2019	Парламентские выборы 2019
Оранжевая коалиция	76,1%	70,25%	43,94%	31,58%
Бело-синяя коалиция	12,03%	16,43%	15,83%	16,09%
Третьи силы	8,33%	10,11%	35,72%	47,17%
Σ	96,46%	96,79%	95,49%	97,68%

Данный подход может применяться и на материалах выборов в других странах, где имеются хорошо выраженные социальные расколы в сочетании с множеством партий (Бельгия, Ирландия, Израиль, Киргизия, Гонконг (КНР)).

Анализ таблицы 9 демонстрирует крайнюю нестабильность партийной системы Украины. Из тех 12 партий, что набрали на выборах в Верховную Раду в 2014 году более 1% голосов, на новые выборы пошли только 6 (с учётом прошедшего ребрендинг БПП), а из тех 6, что прошли в Раду в 2014 году по партийным спискам, в 2019 году по ним избралась только 3. Во многом это связано с тем, что украинское партийное строительство ориентируется на краткосрочный период, создавая под конкретного политика или финансово-промышленную группу, переставая проявлять активность после поражения на выборах или после утраты популярности лидером партии, ко всему прочему не имея прочной территориальной организации.

¹ Деятельность запрещена на территории Российской Федерации

Разработанная нами типология помогает адаптировать отобранные нами математические методы анализа электорально-географической структуры к украинскому материалу. Далее мы рассмотрим результаты применения этих методов и их интерпретацию.

§ 3. Трансформация электорально-географической структуры Украины на различных пространственных уровнях

В настоящем параграфе представлены результаты применения рассмотренных нами ранее групп математических методов анализа результатов выборов. Первую составили коэффициент пограничной дифференциации (КПД), региональный индекс (РИ) и коэффициент неоднородности, вторую – коэффициенты перераспределения, суммарного нормированного сдвига и коэффициент вариации. Как мы говорили в первой главе, разработанные А.Ю. Зимохой эти методы никак не связаны с особенностями партийной системы, и необходимы для выявления того, насколько велика разница в набранных партиями и кандидатами голосах между соседними территориальными ячейками, и тем, насколько «набор» победивших в территориальной единице партий отличается от общестранового. Коэффициент неоднородности позволяет определить степень пестроты электоральных предпочтений по системе в целом. Вторая группа методов начинается с коэффициента перераспределения, призванного оценить глубину перестройки электорально-географической структуры как в целом по стране, так и по отдельным регионам, но, в отличие от первой группы методов, данная оценка производится по одной политической силе относительно другой. Коэффициент суммарного нормированного сдвига же призван оценить, насколько сильно изменились электоральные предпочтения в целом по системе, поскольку перестройка электорально-географической структуры ещё не означает, что они изменились (для примера возьмём 3 одинаковых по числу избирателей округов: городской, пригородный и сельский. В прошлом году партия А набрала в городском округе 50% голосов, в пригороде – 30%, в селе – 20%. Через 5 лет партия А набирает те же 50% в селе, а но уже только 20% в городе, а процент проголосовавших за неё в пригороде не изменился. Таким образом, коэффициент перераспределения составит 1, но электоральные предпочтения в целом в регионе не изменились). Коэффициент вариации показывает, насколько однородна исследуемая выборка, то есть, насколько поляризованы предпочтения избирателей.

Шкала для обозначения регионального индекса и коэффициента пограничной дифференциации взята из результатов межстрановых электорально-географических исследований, выполненных А.Ю. Зимохой (Зимоха, 2006). Полученные значения этих параметров были приведены в виде картограмм. Для того, чтобы рассмотреть, как эти показатели меняются на разных уровнях, рассмотрим выборы в Верховную Раду в 2014 и 2019 году на уровне областей и избирательных округов. В качестве дополнительного материала в приложении 5

приведена аналогичная картограмма по результатам президентских выборов 2019 года, и рисунки 6-9 в более крупном разрешении.

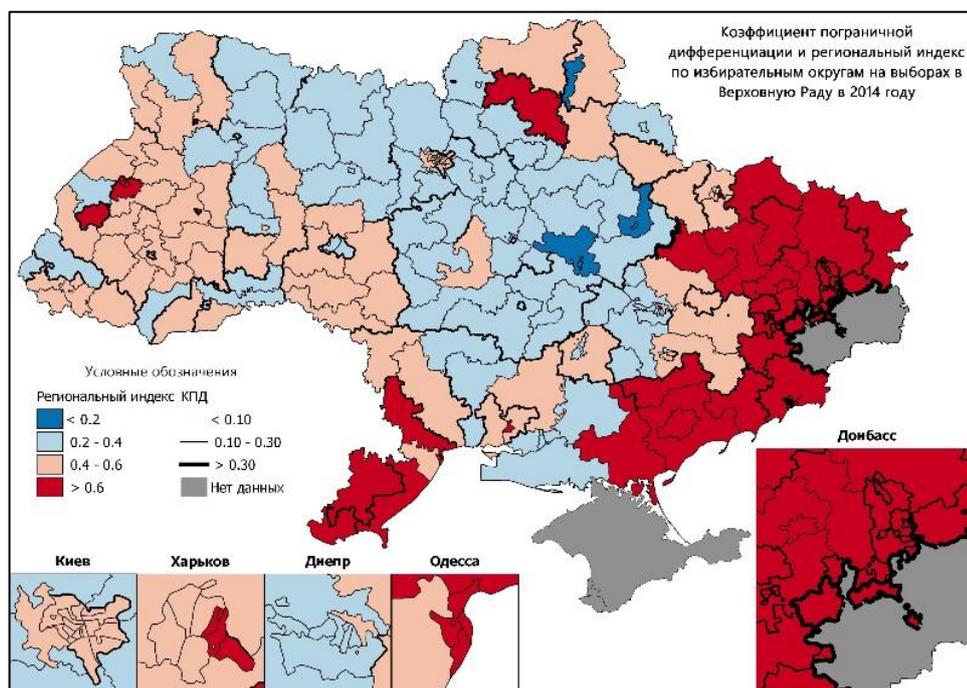

Рисунок 6. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по избирательным округам на выборах в Верховную Раду в 2014 г. (составлено автором)

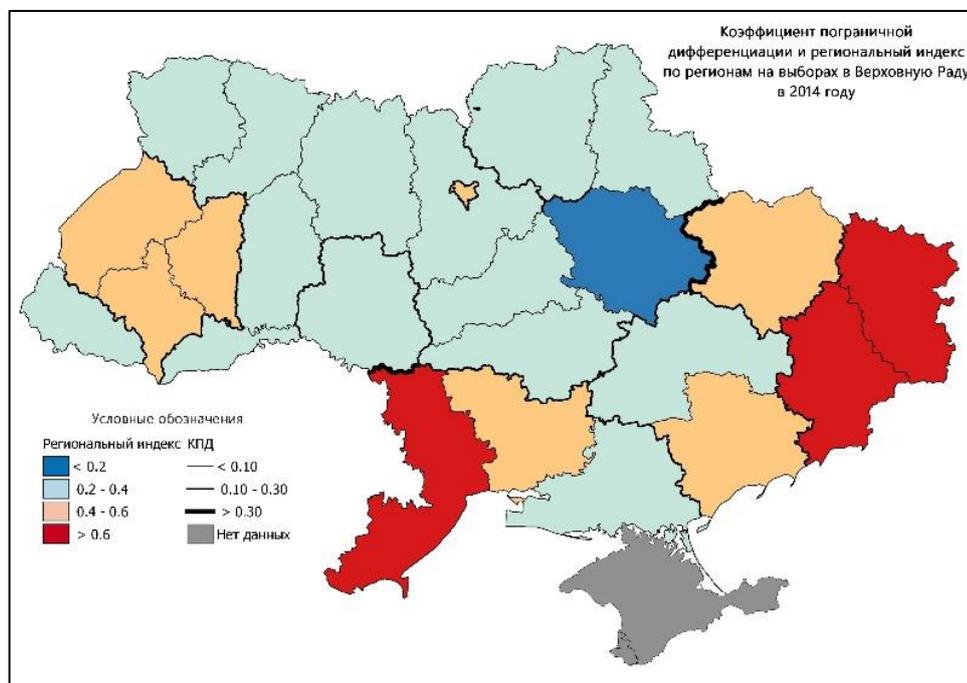

Рисунок 7. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по областям на выборах в Верховную Раду в 2014 г. (составлено автором)

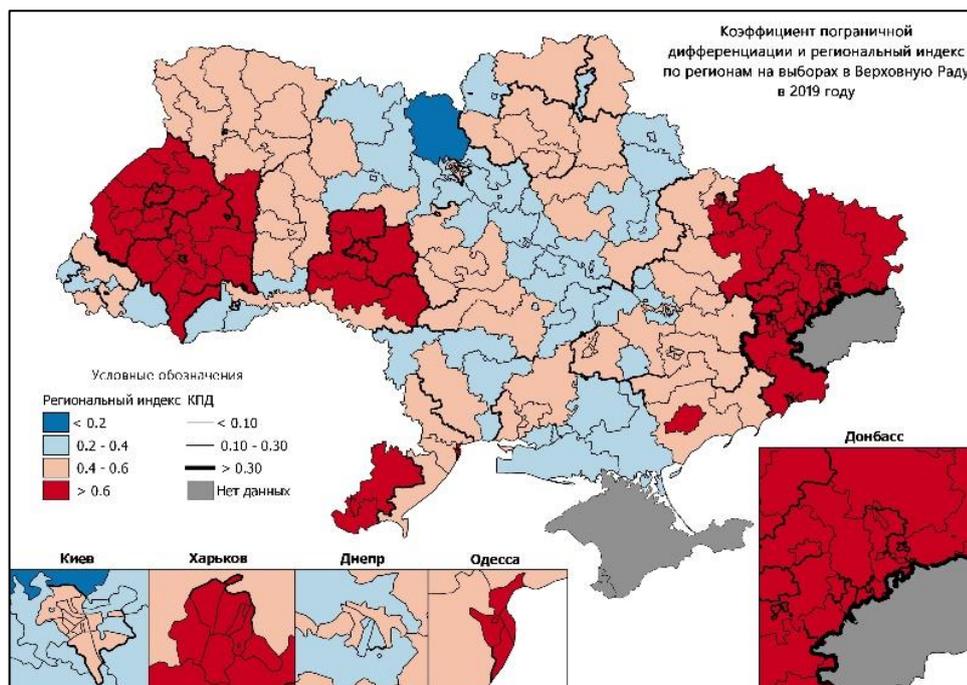

Рисунок 8. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по избирательным округам на выборах в Верховную Раду в 2019 г. (составлено автором)

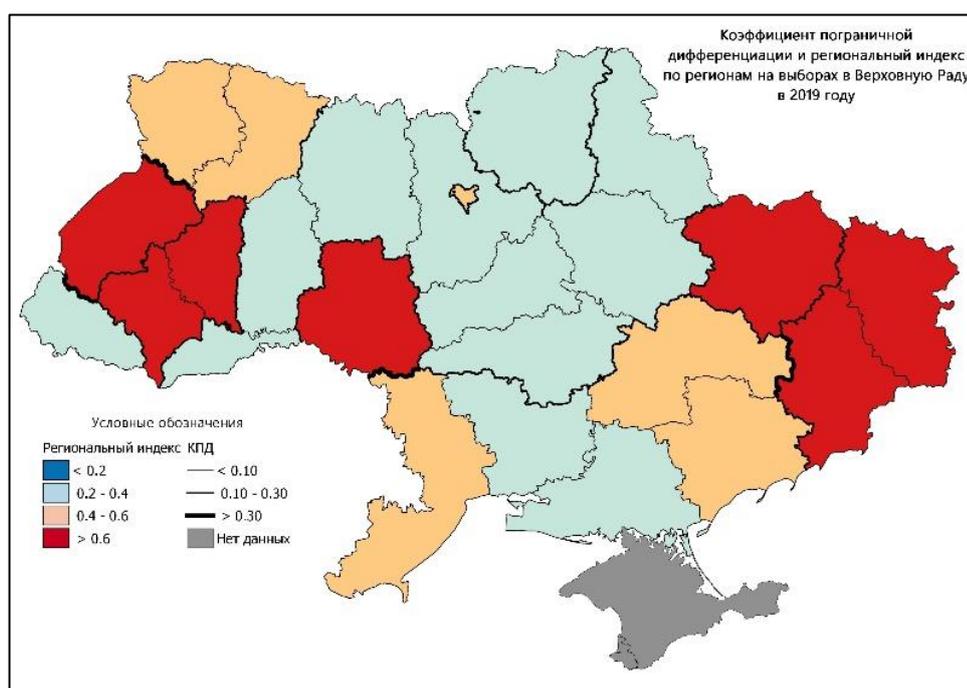

Рисунок 9. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по областям на выборах в Верховную Раду в 2019 г. (составлено автором)

Первое, что можно заметить исходя из анализа приведённых выше картограмм, это существенные значения КПД по границе между Западом и Юго-Востоком (по границе между Винницкой, Кировоградской, Полтавской, Сумской; и Одесской, Николаевской, Днепропетровской и Харьковской областями), сохранившиеся несмотря на полное изменение

политической ситуации со времён до 2014 года, которое проявляется и на уровне избирательных округов. Однако, такие же «расколы» мы видим и по границам отдельных областей (Днепропетровской, Винницкой, Черниговской, Хмельницкой и Ровенской), особенно значимый – на границе Закарпатья, Ивано-Франковской и Львовской областей. С одной стороны, это часть раскола между Западом и Юго-Востоком, поскольку в целом Закарпатье, будучи многонациональным регионом, не поддерживало оранжевую коалицию. С другой стороны, Закарпатская область отделена от остальной территории Украины и в физико-географическом смысле, благодаря Карпатам. Также обращает внимание и город Львов, где региональный индекс был высок даже в 2014 году, когда большинство голосов по стране набрали «оранжевые» партии. Анализ результатов выборов по избирательным округам Львова (№116, №117 и №118) показывает, что свой вклад в это сделала поддержка львовянами других оранжевых партий, ориентированных на поддержку условно городского электората, таких как Самопомощь и Гражданская позиция. Поддержка Самопомощи вполне объяснима тем фактом, что председателем партии был мэр города, уроженец Львова, Андрей Садовой. Впрочем, в случае Владимира Зеленского и Слуги Народа, когда региональный индекс в пределах криворожской агломерации был особенно высок, что объясняется поддержкой «земляка» в выдвижении в президенты, его партия уже не смогла набрать столько же голосов. Пример Львова не является единственным, коэффициент пограничной дифференциации на границе городских (округов в составе областных центров) и сельских избирательных округов по всей западной Украине в целом выше (в диапазоне от 0,1 до 0,3), в отличие от крупных городов на Юго-Востоке Украины. Учитывая, что уровень урбанизации на Западе несколько ниже, чем на Юго-Востоке, это объясняется тем, что электоральные особенности западноукраинских городов в контексте большей доли сельского «компонента» проявляются сильнее. Обращает внимание и то, что в 2014 году КПД на границе Киева и граничащих с ним восточных избирательных округов выше, чем на Западе, что должно объясняться влиянием Киевской агломерации, влияние которой больше на правом берегу Днепра, где исторически располагался центр города и его большая часть. Подконтрольные Киеву части Донецкой и Луганской областей даже в отсутствие влияния бывших региональных центров проявляют электорально-географическое «единство», заметно выделяясь даже на фоне соседей в лице Запорожья и Харьковской области. Через крайне высокие значения КПД на границе подконтрольной центральному правительству и неподчиняющейся Киеву частях Донбасса проявляются особенности картографирования коэффициента – поскольку в избирательных округах на территории самопровозглашённых республик выборы не проводились, то и разница между округами будет огромной, потому воспринимать их не стоит.

Обращает внимание и высокие значения КПД в пределах субрегионов и подчеркнута незначительные его величины в Центральном субрегионе, за исключением Черниговской и Винницкой областей. В обоих голосованиях изменения в электоральной поддержке партий протекают плавно, а в 2019 году здесь особенно выделяется побережье Днепра от белорусской границы до административной границы Кировоградской области, представляющее собой особенно «средний» регион, где местные показатели слабо отличаются от национальных. Возможно, что настоящая граница между «Украинами» пролегает именно здесь, что дополнительно подтверждается тем фактом, что по берегу Днепра до Днепровских порогов (до поворота Днепра на юго-запад) проходит граница «языковая», то есть, по наиболее используемому языку – русскому или украинскому (Очерки... 2015). Существует и иная гипотеза, заключающаяся в том, что наиболее близкие к среднему по стране результаты проявляются в «исторических ядрах», то есть, в тех регионах, что представляли собой центр зарождения государственности (речь идёт не о столице, где данное явление не проявляется ввиду агломерационного эффекта, а о соседних с ней регионах) (Зимоха, 2006). Таким образом, выделяется особый электорально-географический регион, отличительным признаком которого является именно его похожесть в электоральном плане на страну в целом. Так регион, не всегда являясь географически центром территории страны, является центром именно в сознании граждан, а верхнее течение Днепра в таком случае выступает своеобразной физико-географической «осью истории» (не вкладывая в это понятие тот смысл, что закладывался геополитиком Хэлфордом Маккиндером в своих работах) (Маккиндер, 1995).

Коэффициент неоднородности был подсчитан нами не только в рамках всей Украины, но и по отдельным субрегионам. Часто выделяется 3 субрегиона: Запад (включает Тернопольскую, Львовскую, Ивано-Франковскую, Закарпатскую, Ровенскую, Волынскую, Винницкую, Черновицкую области), Центр (Киевская, Черниговская, Сумская, Житомирская, Кировоградская, Черкасская, Полтавская области, г. Киев), Юго-Восток (Днепропетровская, Донецкая, Луганская, Николаевская, Херсонская, Одесская, Запорожская, Харьковская области) (Томайчук, 2013). В рамках экзит-поллов Юго-Восток делится на Восток (включающих Харьковскую, Луганскую и Донецкую области) и Юг (Днепропетровская, Херсонская, Николаевская, Одесская, Запорожская области) (Национальный экзит-полл 2014: кто проводит, методология, обнародование результатов). Чтобы отличать два западных региона, в рамках деления на 2 субрегиона, совокупность регионов Центра и Запада мы будем называть «Большим Западом». Галичина в силу своих исторических, этнических и конфессиональных особенностей традиционно выделяется в рамках украинских исследований. Отдельно, с целью проверки гипотезы, что коэффициент неоднородности именно на границе субрегионов будет подтвержден

наименьшим перепадам, нами был выделен так называемый Пограничный регион, включающий граничащие между собой области Запада и Юго-Востока (Одесская, Николаевская, Днепропетровская, Харьковская, Сумская, Полтавская, Кировоградская и Винницкая области).

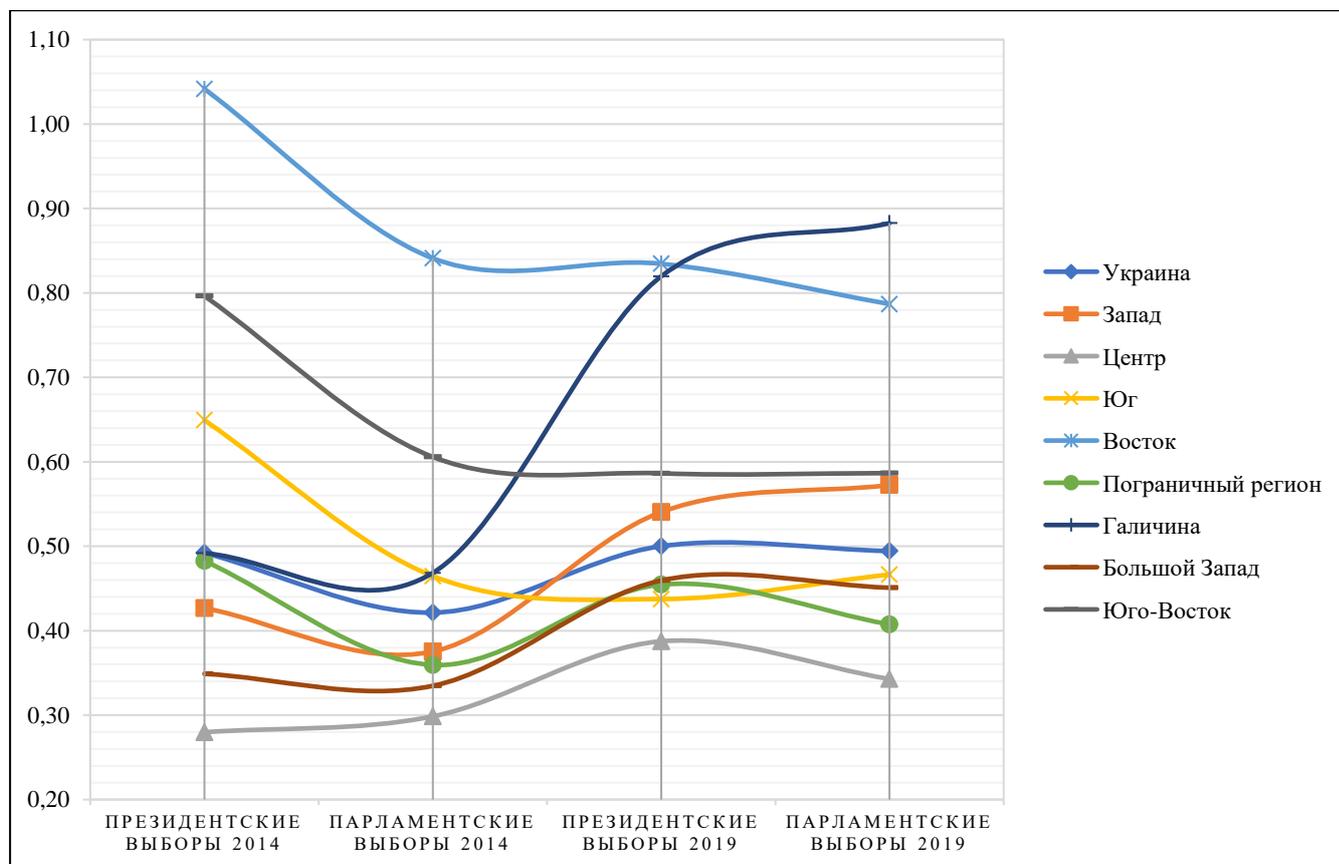

График 2. Изменение коэффициента неоднородности по субрегионам Украины (составлено автором)

Наиболее примечательным является то, коэффициент неоднородности по Украине целом на выборах в 2019 году был выше, чем в аналогичных избирательных кампаниях 2014 года. Даже если опустить тот факт, что в 2014 году был лишь один тур президентских выборов, а в 2019 уже два, и разница между результатами победителя первого тура выборов 2019 года и единственного тура президентских выборов 2014 года составит более 20% (54% у Порошенко против 30% у Зеленского), то высокий коэффициент неоднородности на парламентских выборах 2019 года, когда тогдашний фаворит всей кампании – партия Слуга Народа – набрала 43% голосов по партийным спискам, уже сложно объяснить. Резкий рост коэффициента в Галичине и довольно серьезный в Западном субрегионе можно объяснить более высокой конкуренцией на оранжевом политическом поле, где политические силы были готовы перехватить повестку тогдашнего президента и поддерживающих его в Верховной Раде партий, в то время как в других субрегионах для Владимира Зеленского и Слуги Народа соперников уже было меньше. Тот факт, что коэффициент неоднородности в Центральном субрегионе даже меньше, чем в Пограничном

регионе, подтверждает, но лишь частично, приведённую нами ранее гипотезу о наиболее близких к среднему по стране результатах голосования в историческом ядре. Стоит отметить и то, что коэффициент неоднородности был наиболее высоким в тех регионах, для которых победившие на выборах политические силы воспринимались как наиболее «чужие». Так, когда в 2014 году победу одерживали кандидаты и партии оранжевой коалиции, самый высокий коэффициент неоднородности наблюдался на Востоке, Юго-Востоке и Юге, а в 2019 году их показатели, в отличие от западных регионов, начинают падать.

В качестве промежуточных выводов отметим, что полученные данные не подтверждают гипотезу, что победа Владимира Зеленского и Слуги Народа смогла переломить сложившуюся в 2004 года картину территориального распределения голосов, напротив, имеются аргументы в пользу того, что это лишь временное явление в политической жизни страны, и речь не идёт о глубокой трансформации электорально-географической структуры.

Далее мы перейдём к результатам расчёта коэффициентов перераспределения, суммированного нормированного сдвига и коэффициента вариации. Здесь мы будем вынуждены исследовать электорально-географическую структуру уже относительно результатов условных коалиций партий и кандидатов. Таблицы с рассчитанными коэффициентами приведены в приложениях 2-3. Учитывая, что для расчёта коэффициентов по регионам необходимы данные по более мелким территориальным единицам, то мы рассмотрим результаты выборов в Верховную Раду, где сетка избирательных округов за 5 лет не изменилась. Нормированные соотношения брались по числу голосов, набранных оранжевой коалицией относительно бело-синих; оранжевой коалицией относительно третьих сил; бело-синей коалицией относительно третьих сил (для удобства будем говорить, что мы анализируем результаты по первому, второму и третьему виду соотношения, соответственно). Как мы упоминали в предыдущей главе, возможны и другие варианты относительных расчётов. В нашем случае именно такие соотношения взяты на основании наилучших результатов оранжевой коалиции в 2014 году относительно других политических сил, а также тем, что оранжевая и бело-синяя коалиция влияли на украинскую политику существенно сильнее и дольше.

Для более точной интерпретации важно рассматривать показатели коэффициентов совместно. Так, мы видим, что межобластной коэффициент перераспределения (рассчитывается как среднее арифметическое коэффициентов по регионам) практически одинаков для всех видов соотношения (колеблется от 0,33 до 0,36), везде, кроме второго соотношения, превышая коэффициент суммарного нормированного сдвига по всей Украине, то есть, трансформация территориальной структуры шла более активно на региональном уровне. Если посмотреть на таблицу с коэффициентами вариации, то можно видеть, во многих регионах степень

политической поляризации общества уменьшилась, тогда как в целом по Украине, в случае первого и второго соотношения она даже увеличилась. Ранее мы уже отмечали важную роль регионов как элементов электорального процесса, можно предположить, что он сместился именно на региональный уровень. Обращает внимание и то, коэффициент суммарного нормированного сдвига не всегда сопровождается изменениями коэффициента перераспределения (коэффициент корреляции между ними составляет 0,42), и особенно ярко здесь проявляются показатели Тернопольской (коэффициент перераспределения в первом соотношении равен 1), Львовской (0,14) и Ивано-Франковской областей (0,33), которые, как мы выяснили ранее, принадлежат к одному субрегиону. Более детальный анализ числа голосов, поданных в Тернопольской области за оранжевую коалицию и за бело-синюю, показывает, что число голосов, поданных за бело-синих в целом маленькое, и в обеих кампаниях оно колеблется от 800 до 4000. В то время как число голосов, поданных за её конкурента снизилось от, в среднем, 100 тыс. до менее чем 50 тыс., то есть, более чем в два раза. Таким образом, перестройка территориальной структуры стала следствием прежде всего неравномерного ухудшения результатов одной политической силы, а не серьёзного увеличения результатов другой, что положительно сказывается и на политической поляризации общества (коэффициент вариации снизился также в два раз – с 5,05 до 2,5).

Существенные значения коэффициента перераспределения в первом соотношении наблюдаются в Донецкой (поскольку расчёт коэффициентов проводился только по тем избирательным округам, где выборы проходили и в 2014, и в 2019 году, мы можем привести данные по ней), Закарпатской, Харьковской и Хмельницкой областей. В случае Закарпатья и Хмельницкой области высокий коэффициент перераспределения сопровождался ростом коэффициента вариации (с 0,03 до 0,07; и с 0,04 до 0,08, соответственно), а с учётом относительно высокого коэффициента сдвига это говорит о том, что территориальная картина распределения поданных за партии оранжевой и бело-синей коалиции голосов претерпела существенные изменения: за разные партии стали голосовать в разных территориальных ячейках (что мы наблюдали в примере в первой главе, несмотря на то, что мы разбирали пример голосов, поданных за конкретные партии).

Рассмотрим показатели коэффициента D – методика и значение которого мы ранее рассмотрели в параграфе 3.2. – нанесённые нами на карту. Как мы ранее упоминали, данный параметр позволяет оценить, как изменились результаты партии относительно среднего по стране. Это позволяет выделить тенденции, которые не видны при анализе долей голосов в территориальном разрезе. Картограммы с нанесёнными показателями коэффициента приведены на рисунках 10-12 (в более крупном разрешении см. в приложении 7).

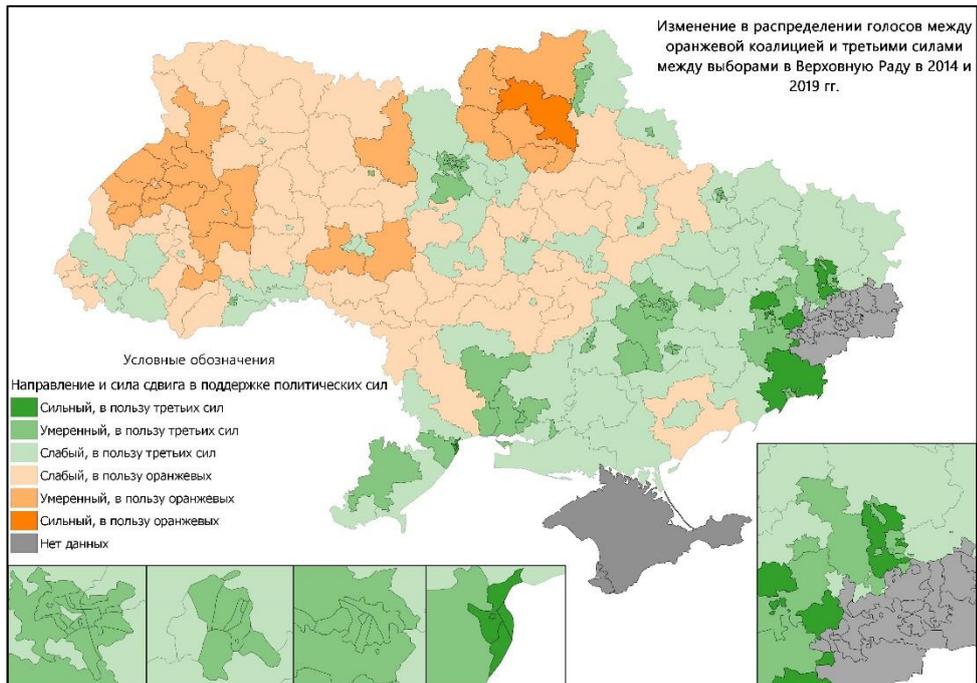

Рисунок 10. Изменение в распределении голосов между оранжевой коалицией и третьими силами между выборами в Верховную Раду в 2014 и 2019 гг. (на основании показателей коэффициента D) (составлено автором)

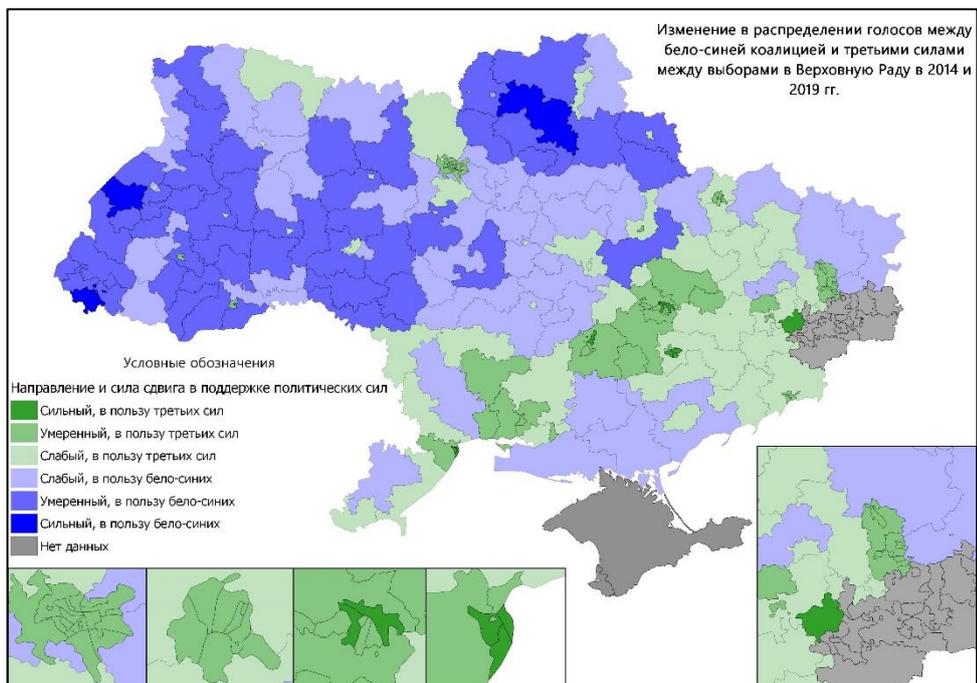

Рисунок 11. Изменение в распределении голосов между бело-синей коалицией и третьими силами между выборами в Верховную Раду в 2014 и 2019 гг. (на основании показателей коэффициента D) (составлено автором)

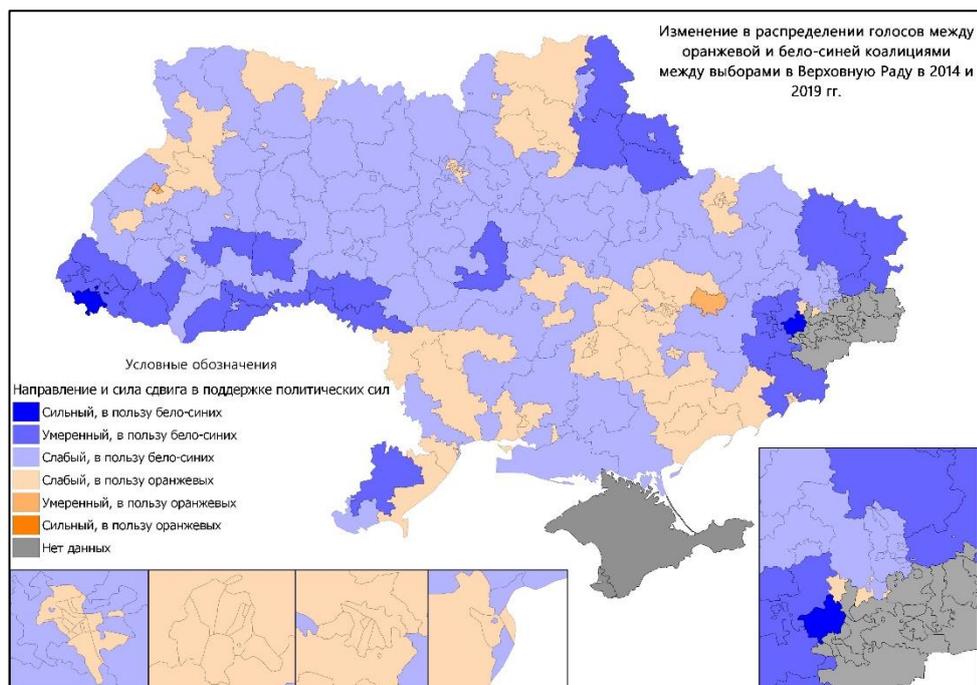

Рисунок 12. Изменение в распределении голосов между оранжевой и бело-синей коалициями между выборами в Верховную Раду в 2014 и 2019 гг. (на основании показателей коэффициента D) (составлено автором)

Первое, что стоит отметить, это серьёзное улучшение результатов третьих сил в пределах именно Юго-Востока, Киевской области, Киева, в том числе наблюдается серьёзный сдвиг в их пользу в Донбасском регионе. Также тенденция улучшения результатов третьих сил наблюдается почти во всех областных центрах, при том, что сдвиг в сельских округах был в пользу их конкурентов, что демонстрирует иное электоральное поведение горожан, более восприимчивое к политическим инновациям. Подчёркнуто региональная и одновременно урбанистическая структура роста поддержки третьих сил, к тому же повторяющая границу электорального раскола между Западом и Юго-Востоком, говорит нам о пределах потенциала поддержки этой политической силы. Тот факт, что, согласно приведённой на рисунке 12 картограмме, практически повсеместно наблюдается сдвиг в пользу бело-синих, в большинстве своём объясняется той же моделью, которую мы рассмотрели в данном параграфе в галицких областях – то есть, сдвиг вызван прежде всего повсеместным ухудшением результатов оранжевой коалиции. Особенно заметно улучшения показателей бело-синих в многонациональных Закарпатской и Черновицкой областях, Донбассе и в Сумской области.

Таким образом, основной тенденцией в трансформации электорально-географической структуры выступило увеличение степени политической однородности регионов, при сохранении высокой степени поляризации по всей стране, за счёт перестройки внутриобластной

территориальной структуры. Рассмотрим основные факторы, влияющие на динамику трансформации электорально-географической структуры Украины.

§ 4. Влияние национальных, социально-экономических и локальных факторов на трансформацию электорально-географической структуры Украины

Данный раздел посвящён анализу результатов президентских и парламентских выборов в 2014 и 2019 году по методу «сдвиг-доля». Особенности метода, такие как используемые показатели, требования к наличию статистики опросов, невозможность обобщить результаты множества различных кандидатов, избираемых по одномандатным округам, не позволяют рассмотреть голосование на втором туре президентских выборов и результаты голосования по мажоритарной системе. Потому мы вынуждены ограничиться первыми турами выборов президента и результатами парламентских выборов по партийным спискам.

Напомним, что метод «сдвиг-доля» позволяет разложить проценты голосов, поданные за политическую силу, на отдельные составляющие. Под национальными факторами в работе подразумеваются те, что связаны не с поддержкой социальной групп или с локальной спецификой, а исходящие непосредственно от политической силы, от политической ситуации в целом. Это может быть накопившиеся за электоральный цикл недовольство проводимым политическим курсом, разочарованием в реализуемой победителями политической программе, или же, напротив, появлением приемлемой для общества оппозиционной силы, изменением декларируемой политической идеологии. Социально-экономические факторы включают устоявшиеся электоральные предпочтения различных социальных групп. Так, кандидат с экологической повесткой с большей вероятностью наберёт голоса в крупном городе, чем в селе, а за консерватора скорее проголосует пожилое поколение, чем молодёжь. В данной работе под социально-экономическими факторами понимается возраст избирателей и их разделение по признаку «горожанин-селянин». В рамках национального экзит-полла также собирается информация по уровню образования, но отсутствие соответствующих статистических данных по составу населения регионов не позволяет включить данный критерий в анализ. Ввиду того, что данные по проголосовавшим в городах и селах стали уточняться только к парламентским выборам в Верховную Раду 2014 года, когда стала известна дифференциация электоральной поддержки отдельно по областным центрам, городам, численностью от 100 тысяч человек, от 50 до 100 тыс., от 20 до 49 тыс., малым городам и посёлкам городского типа, аналогичные данные по президентским выборам 2019 года были пересчитаны в соответствии с более простой структурой опроса 2014 года. Контрасты в гендерной поддержке политической поддержки незначительны, и потому не включены в работу. В контексте географического исследования важную роль приобретают локальные, они же местные, факторы, в которые входит неисчислимое

множество переменных: от политической истории территории, биографии кандидатов до результатов агитации политической силой конкретно здесь, «на земле». Типичным примером является описанный нами ранее в первой главе эффект голосования за кандидата, когда идеологические установки кандидата и традиционные предпочтения избирателей нивелируются стремлением поддержать земляка. В отличие от стабильного национального фактора, который представляет собой изменение уровня электоральной поддержки в страновом масштабе и не подвергается сомнению при расчётах, показатель влияния местных факторов находится в прямой зависимости от того, какой из социально-экономических критериев будет взят за основу. Но это не значит, что оценка локальных факторов нерепрезентативна и является лишь остаточным признаком, что будет показано далее.

Расчёты веса всех трёх факторов в изменении электоральной поддержки в процентных пунктах для каждого региона приведены в 4 таблицах в приложении 1. Донецкая и Луганская области исключены из вычислений ввиду того, что границы контролируемой центральным правительством территории существенно за 5 лет существенно изменились, а последствия войны, включающие активную эмиграцию в соседние области Украины и в Россию, существенно изменили социально-экономический портрет региона.

Основываясь на материале этих 4 таблиц, можно подсчитать вес каждого из факторов в электоральной поддержке в совокупности по всем регионам; по двум социально-экономическим факторам в сумме, и отдельно по каждому; отдельно по каждой из избирательных кампаний и в целом за цикл; по каждой политической силе или по всем сразу. Для этого необходимо посчитать модальную сумму по каждому из сдвигов – национальному, социально-экономическому и локальному – и определить долю каждого из них в модальной сумме всех сдвигов. В формализованном виде, на примере вычисления доли национального сдвига, данный расчёт представлен в формуле 17:

$$S_{NS} = \frac{\sum NS}{\sum NS + \sum SEPS + \sum LS} * 100 \quad (17)$$

Где S_{NS} – доля национального сдвига в сумме всех сдвигов, $\sum NS$ – модальная сумма значений национального сдвига по всем исследуемым территориальным ячейкам (в данной работе анализ выполняется в пределах 22 областей и города со специальным статусом Киева), $\sum SEPS$ – модальная сумма социально-экономического сдвига, $\sum LS$ – модальная сумма локального сдвига. Результаты вычислений приведены в таблице 10.

Таблица 10. Зависимость вычисленного вклада национального, социально-экономического и локального сдвигов в зависимости от взятого социально-экономического показателя
(составлено автором)

Используемый социально-экономический фактор	Президентский электоральный цикл 2014-2019 по трём политическим силам, в %		
	Вклад NS	Вклад SEPS	Вклад LS
Возраст	70,4	7,1	22,5
Тип населённого пункта	67,4	9,1	23,5
Все два фактора	68,9	8,2	23,0
Используемый социально-экономический фактор	Парламентский электоральный цикл 2014-2019 по трём политическим силам, в %		
	Вклад NS	Вклад SEPS	Вклад LS
Возраст	75,9	7,1	17,0
Тип населённого пункта	54,4	22,6	23,0
Все два фактора	64,8	15,1	20,1

Как можно видеть из таблицы, в последнем электоральном цикле национальные факторы внесли наибольший вклад в результаты голосования, то есть, политическая жизнь страны определяется на национальном уровне. На втором месте находятся локальные факторы, а социально-экономическая структура играет наименьшую роль. Это отражает как ситуативный характер поведения избирателей, их интересом к политике только во время выборов, так и последствия политической мобилизации в 2014 году, связанной с дестабилизацией политической обстановки, присоединением Крымского полуострова к России и всплеском сепаратистских настроений в юго-восточных областях. Аналогичный кумулятивный эффект проявился и в 2019 году, когда противники Петра Порошенко сплотились вокруг фигуры Владимира Зеленского, пользовавшегося благодаря своей карьере актёра и шоумена (значительную роль здесь сыграл сериал «Слуга Народа», где Зеленский сыграл роль президента) широкой известностью среди простых украинцев. Таким образом, национальная повестка перекрывает собой региональную специфику и предпочтения отдельных социальных групп.

Расчёты по отдельным политическим силам (приложение 8), под которыми мы имеем в виду коалиции, образованные в соответствии с расколами по базовым для украинского общества вопросам, показывают, какие из трёх факторов внесли наибольший вклад в их результаты по регионам. Если поддержка третьих сил и оранжевой коалиции ожидаемо меняется в соответствии с национальными трендами, то в случае бело-синей коалиции вклад параметра LS, в зависимости от выбранного параметра SEPS и того, какой из циклов анализируется, колеблется от 43,4% до 66,5%. Впрочем, насколько же велик и вклад социально-экономического сдвига (28,6% – 49,7%). Именно в этих цифрах и выражается более высокая электоральная поддержка таких партий как, например, Оппозиционная платформа – за Жизнь и Оппозиционный Блок – в крупных городах и среди лиц предпенсионного и пенсионного возрастов (например, поддержка ОПЗЖ в 2019 году среди молодёжи составляла 2,6%, а среди лиц в возрасте от 60 лет и старше – уже 20,1%, разница почти в 8 раз, что является рекордом для всех участвовавших в последних парламентских выборах партий).

Проявляют себя особенности вклада различных социально-экономических факторов и зависимость сдвига от вида избирательной кампании: президентской или парламентской. Так, национальный сдвиг на президентских выборах выше (68,9%), что, видимо, связано с личными характеристиками самого кандидата, его политической биографией, отношением избирателя к президенту как к человеку, отвечающему в стране за всё. Данный тезис подтверждается тем, что в обеих президентских кампаниях явка в сравнении с выборами в Верховную Раду была выше (в среднем на 10%). В этой связи в глазах электората не приобретает большого значения тот факт, что в 2014 году Украина вновь стала парламентско-президентской республикой, коей она уже была в 2004-2010 гг. Важно и то, что в президентской кампании победитель получает всё, из чего вытекает необходимость выработки такой повестки, которая не апеллировала бы к нуждам одних регионов или меньшинств, рискуя потерять поддержку других. Слабость партий как самостоятельных политических акторов, частая смена одних партийных проектов другими делает конкретных политиков более значимыми и запоминающимися в глазах электората. Но парламентская кампания же предоставляет больше возможностей пройти в политику менее крупным игрокам, а те ресурсы, что были бы вложены в продвижение своего кандидата в президенты, набравшего лишь 5% голосов, могли бы быть реализованы в виде небольшой депутатской фракции в Верховной Раде, что уже предоставляет инструменты для лоббирования своих интересов на государственном уровне. Видимо, именно поэтому, в сочетании с большей дифференциацией политических взглядов между городами и селом, вклад социально-экономической структуры на парламентских выборах выше почти в 2 раза (8,2% против 15,1%). Особенно ярко проявляется вклад типа населенного пункта (назовём его «поселенческим»

фактором), превышающий возрастной сдвиг в 3 раза. Из этого следует вывод, что рассчитывать вес локального сдвига в сумме за все 4 избирательные кампании было бы неверно.

Вне зависимости от того, какой социально-экономический фактор берётся в расчёт, показатель локального сдвига меняется незначительно, а его значения, рассчитанные по возрастному и поселенческому признаку, изменяются по похожей траектории (значение коэффициента корреляции составляет 0,77). Это дополнительно подтверждает правоту П.С. Варюшина, утверждавшего, что местные факторы в целом независимы от социально-экономической структуры (Варюшин, 2017). В то же время её невысокий, в сравнении с локальным сдвигом, вклад в формирование электоральных предпочтений доказывает, что свести исследования избирательного процесса к электоральной социологии невозможно, поскольку требуется учёт территориальных особенностей политической жизни.

Несмотря на то, что роль локального фактора для результатов каждой из коалиций была разной, в некоторых регионах местная специфика во всех случаях проявляла себя сильнее, чем в других. Это показывают расчёты веса локального сдвига для всех трёх политических сил и двух социально-экономических сдвигов. Для ранжирования веса местного сдвига его суммированные значения были разделены на 4 квантили. Сгруппированные по квантилям значения локального сдвига для президентских и для парламентских выборов приведены на рисунках 13 и 14:

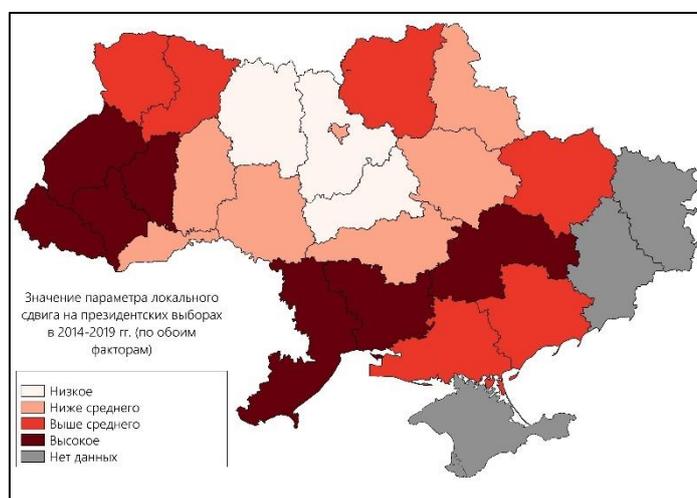

Рисунок 13. Картограмма веса локального сдвига в результатах выборов президента Украины в 2014-2019 гг. (составлено автором)

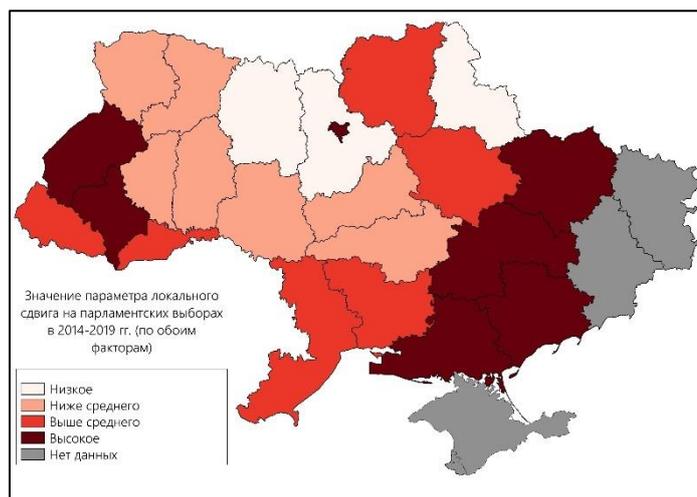

Рисунок 14. Картограмма веса локального сдвига в результатах выборов Верховной Рады Украины в 2014-2019 гг. (составлено автором)

Важно отметить, что картограммы демонстрируют лишь вес локального сдвига, но не характер его влияния – положительный, смешанный или отрицательный. Из анализа полученных картограмм видно, что наиболее обособлены регионы Юго-Востока и Галичины, что можно объяснить тем, что национальная повестка именно здесь вызывала серьёзный отклик и наибольшим образом проходила через призму местных проблем, таких как использование исключительно украинского языка в общественной сфере, реакция на начало боевых действий в соседнем Донбассе (для Юго-Востока), безвизовый режим с Европейским Союзом (для западных приграничных регионов в целом), героизация украинских националистов (для Галиции). Учитывая комплексный характер локального сдвига, сюда же входит и реакция региональных политических элит, и традиционное голосование. Возможно, в этом показателе и выражается преобладание региональной идентичности над общенациональной, отмеченное в работе Л. Угрин (Угрин, 2007). Гипотезу о большей активности горожан на парламентских выборах подтверждает больший вес локальных факторов в Киеве именно на выборах в Верховную Раду. При рассмотрении веса местного сдвига в поддержке отдельных политических сил картина становится более мозаичной и хаотичной, что не проявляется на итоговых картах результатов выборов ввиду его низких значений. Рассмотрим пример вклада локального сдвига в поддержку третьих сил на парламентских выборах 2019 года (картограммы по другим политическим силам смотри в приложении 8, 9):

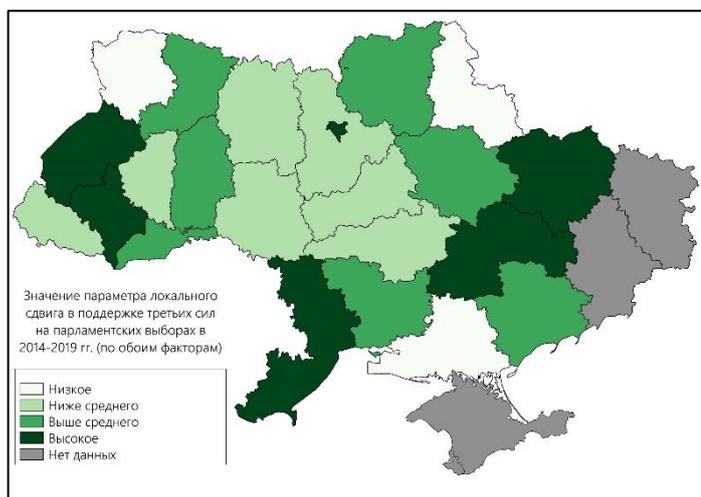

Рисунок 15. Картограмма веса локального сдвига в результатах третьих сил на выборах в Верховную Раду в 2014-2019 гг. (составлено автором)

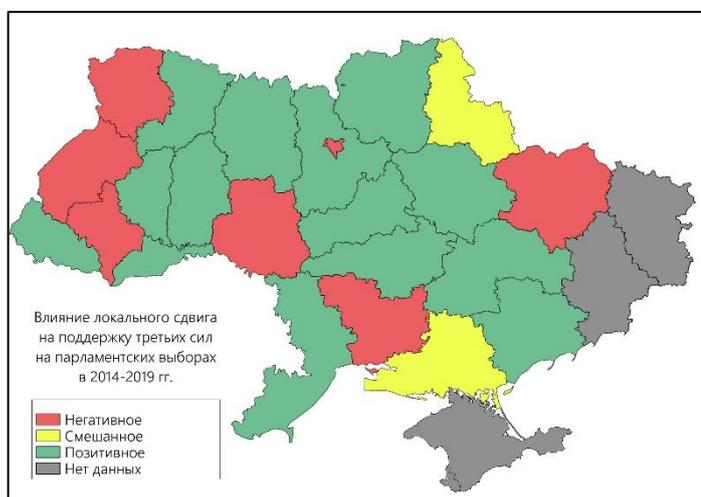

Рисунок 16. Картограмма характера влияния локального сдвига третьих сил на выборах в Верховную Раду в 2014-2019 гг. (составлено автором)

Определение итогового значения влияния локального сдвига производилась на основании того, какое значение обретали два социально-экономических фактора: если возрастной и поселенческий факторы обретали положительные значения, то вклад локального сдвига признавался позитивным, если же показывали отрицательный результат, то итоговый вклад признавался негативным. В случае же положительного значения возрастного фактора, но отрицательного у фактора места жительства, и наоборот, итоговое значение локального сдвига признавалось смешанным (несмотря на то, что в процентных пунктах значение одного фактора перевешивало другой, мы не могли говорить об устойчиво негативном или позитивном влиянии).

Как можно видеть, влияние локального фактора на третьи силы распределено весьма неравномерно. Так, высокий вес локального фактора в Днепропетровской области сочетается с

позитивным характером его влияния, что объясняется эффектом голосования за земляка, то есть, за Владимира Зеленского, а в случае парламентских выборов Слуга Народа является именно пропрезидентской политической партией. Негативный вклад локального сдвига ожидаемо проявляется в Львовской и Ивано-Франковской областях, где поддержка Зеленского была невелика и на президентских выборах, а также в Винницкой и Харьковской областях и в Киеве, где проявилось сопротивление региональных элит, поддерживавших более приемлемые для них партии из оранжевой и бело-синей коалиций. В Сумской и Херсонской областях при позитивном вкладе возрастного фактора имело место негативное значение структуры населения по месту жительства.

Как мы видели, местная составляющая может проявлять себя по-разному, в зависимости от того, показатели какой политической силы анализируются. Проанализировать все формирующие её факторы в рамках данной работы не представляется возможным. Множество её возможных значений являются результатом взаимодействия большого числа различных факторов, а также отражают территориальное многообразие политической жизни, во многом перекрывающееся национальной повесткой.

Тезисно приведём основные выводы по настоящей главе:

- Территориальная структура избирательных округов подвержена многочисленным, но незначительным изменениям. Явно выделяются те округа, которые были созданы в интересах конкретных политических сил, что вытекает из их разбиения на многочисленные анклавов. Обновление избирательного законодательства приведёт к их ликвидации, но и лишит возможности сравнить результаты выборов по одномандатным избирательным округам в будущем;
- Украинская партийная система с 2014 года находится в постоянной трансформации, однако партийные проекты ориентированы на короткие сроки и в совокупности партийная система остаётся неустойчивой, однако существующие расколы в украинском обществе позволяют классифицировать политические силы на три крупные группы и проводить исследования в рамках результатов «коалиций»;
- Раскол по линии «Запад – Юго-Восток» прослеживается и в начале, и в конце рассмотренного нами цикла, проявляясь и при анализе электорально-географической структуры на уровне избирательных округов. Кроме того, проявляют себя границы отдельных областей (Винницкая, Днепропетровская, Закарпатская, Донецкая, Луганская), субрегионов (Западный субрегион, Восточный субрегион, Галичина), условно городских и сельских округов;

- Несмотря на резкое изменение электоральной ситуации за пять лет, и в 2014, и в 2019 году выделяются избирательные округа, расположенные в пределах долины Днепра, от белорусско-украинской границы и до поворота русла реки на юго-запад, проявляющие себя как индикаторы средних по стране результатов голосования, в целом в Центральном субрегионе наблюдаются наименьшие значения регионального индекса;
- Выявлено, что субрегионы, составляющие основные электорально-географические «полюса» в ситуации поражения дружественным им политических сил демонстрируют меньшую однородность, что мы связываем с ростом конкуренции со стороны оппозиции, сосредоточенной на том же политическом поле, что и правящая коалиция, усталостью электората и ростом его разобщённости, а высокую степень однородности структуры во всех случаях демонстрирует Центральный субрегион;
- Основные изменения электорально-географической структуры сосредоточены на региональном уровне, и одним из следствием этих изменений стало уменьшение поляризации взглядов избирателей в пределах областей. Однако её высокая степень сохраняется в пределах всей страны. Основные изменения электорально-географической структуры на национальном уровне ожидаемо связаны с падением результатов оранжевой коалиции и ростом – у третьих сил;
- В наибольшей степени национальному тренду на рост поддержки третьих сил (основную часть которых составил Владимир Зеленский и пропрезидентская партия Слуга Народа) соответствовали регионы Юго-Востока, Киевской области, г. Киева, а также крупных городов по всей стране. Однако он не прослеживается в Западном субрегионе, и изменения в распределении голосов между выборами также формируют двухполюсную электорально-географическую структуру;
- Политическая повестка общества формируется в основном на национальном уровне, влияние локальных факторов второстепенно, однако оно особенно велико в регионах Юго-Востока, граничащих с западной половиной страны, и в галицких областях, что отражает их внутреннюю специфику. Вклад национальных, социально-экономических и локальных факторов зависит и от того, какая избирательная кампания проводится – президентская или парламентская.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Электорально-географическая структура существует как комплексное общественно-географическое явление, представляя собой важнейший объект исследования электоральной географии. Подходы к её исследованию различаются в зависимости от принятых взглядов на закономерности территориального распределения электоральной поддержки, генезиса наблюдаемой политико-географической дифференциации территории, взятого для изучения временного интервала. Применяемые при анализе электорально-географической структуры математические методы позволили исследовать её более глубоко и с разных сторон, позволяя выявить невидимые при поверхностном анализе тенденции в её трансформации и невыраженные явно элементы. Подход к электорально-географической структуре Украины на основе модели расколов Липсета-Роккана позволил нам сгруппировать исследуемые политические партии и кандидатуры на пост президента по их отношению к наиболее острым и фундаментальным проблемам украинского общества.

Территориальная организация украинской избирательной системы постоянно изменяется, что связано с постоянным реформированием выборного законодательства Украины, особенно усилившимся в период с 2014 по 2019 гг., что негативно сказалось на возможностях сравнить результаты за наблюдаемый период и обозначило ограничения для настоящего исследования, но в то же время позволила нам задать наиболее крупный масштаб, на котором исследуется электорально-географическая структура – одномандатные избирательные округа. Преимуществом избирательных округов является их относительная однородность по числу зарегистрированных избирателей, недостатком – сильная раздробленность в отдельных случаях. Для дальнейшего использования в работе разработана типология политических сил по основным расколам в украинском обществе, произведённая по группам признаков, что позволило нам охватить широкий спектр кандидатов и партий, избегая избыточных и мало результативных расчётов. Мы выяснили, что трансформация электорально-географической структуры на национальном и региональном уровне имеет схожие черты, проявляющиеся в сохранении высоких значений коэффициента пограничной дифференциации между субрегионами Запада и Юго-Востока, что означает и сохранение электорального раскола между ними; выделении центральной части страны, голосующей близко к средним результатам. По своим электоральным предпочтениям выделяются как отдельные регионы, так и крупные города, представленные административными центрами областей. Различия проявляются в росте электоральной однородности областей Украины и города Киева, при сохранении высокой степени политической поляризации в общестрановом масштабе. Выявлено, что субрегионы не представляют из себя политический «монолит», а степень их неоднородности повышается, если наиболее

предпочтительная для них политическая сила теряет свои позиции, что мы связали с ростом конкуренции в рамках той политической повестки, что сохраняется за действующей властью. Мы выявили, что положение политических сил в территориальном разрезе улучшалось неравномерно, а в рамках тех политических сил, поддержка которых изменялась сильнее всего (оранжевой коалиции и третьих сил), она повторяла «классическую» электорально-географическую структуру, существовавшую до 2014 года.

Мы выяснили, что политическая повестка в последний электоральный цикл определялась национальными факторами, а локальные и социально-экономические факторы играли второстепенную роль. В то же время, на президентских выборах национальный сдвиг выше, чем на парламентских, что мы связали с тем, что электорат придаёт фигуре президента большее значение, чем партиям. Выявлено, что в галицких областях, а также в большинстве регионов Юго-Востока локальные факторы играли более значимую роль, а в целом по стране вклад локальных факторов превышал влияние социально-экономической структуры, что показывает важность учёта политической специфики территории.

Результаты применения методов позволяют ответить на вопрос, задаваемый политико-географами, политологами, социологами в отношении изменений в электоральной географии Украины в последние 5 лет – исчез ли электоральный раскол между Западом и Юго-Востоком или нет? Мы не можем ответить на этот вопрос утвердительно, и предполагаем, что по мере ослабления позиций нынешнего президента и его партии двухполюсная электорально-географическая структура будет восстанавливаться. В то же время, победа Владимира Зеленского и Слуги Народа – важнейший прецедент для украинской политической системы, доказывающий, что объединить страну, по крайней мере, на какое-то время, возможно. Для этого необходим не только подбор электоральной стратегии и политической программы, которая учитывала бы интересы большинства жителей Украины, но и сочетание множества случайных факторов.

ССЫЛКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

ИНФОРМАЦИОННО-СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. <https://www.cvk.gov.ua/> – сайт Центральной избирательной комиссии Украины (дата обращения: 23.10.2019)
2. <http://ukrstat.gov.ua/> – сайт Государственной службы статистики Украины (дата обращения: 09.03.2020)
3. <http://database.ukrcensus.gov.ua/PXWEB2007/> – сайт портала Статистики населения Украины (дата обращения: 09.03.2020)
4. <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&page=1> – пресс-релизы и отчёты Киевского международного института социологии (дата обращения: 03.03.2020)
5. <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=409&page=4&t=4> – Национальный экзит-полл 2014: кто проводит, методология, обнародование результатов (дата обращения: 03.04.2020)
6. <http://dif-exitpoll.org.ua/> – сайт национального экзит-полла (дата обращения: 05.03.2020)
7. <https://ukraine-elections.com.ua/> – сайт портала Ukraine Elections (Выборы Украины) (дата обращения: 06.11.2019)
8. <https://ukr.vote/uk> – сайт проекта Электоральна пам'ять (дата обращения: 04.04.2020)
9. <https://socialdata.org.ua/category/napryamki> – сайт Украинского центра открытых данных (дата обращения: 04.04.2020)
10. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4061-17> – Закон Украины №4061-VI «О выборах народных депутатов Украины» (дата обращения: 14.03.2020)
11. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/474-14> – Закон Украины №474-XIV «Про выборы президента Украины» (дата обращения: 14.03.2020)
12. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/396-20> – Избирательный кодекс Украины (дата обращения: 14.03.2020)
13. <https://act.cvk.gov.ua/acts/pro-utvorennya-odnomandatnih-viborchih-okrugiv-na-postiyiniy-osnovi-u-mezhah-avtonomnoi-respubliki-krim-oblastey-mist-kiieva-ta-sevastopolya.html> – Постановление ЦИК Украины №82 от 28.04.2012 «Об образовании одномандатных избирательных округов на постоянной основе в пределах Автономной Республики Крым, областей, городов Киева и Севастополя» (дата обращения: 12.03.2020)

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов К.Э. Тайны избирательного бюллетеня. Электоральные бури и штили Северной столицы 1989-2004. СПб: 2008. 333 с.

2. Амбурцев Р.А., Раскин И.В. Пространственно-временная устойчивость и трансформации электорального раскола Украины (по материалам выборов в Верховную Раду Украины 1998-2012 годов) // Российский социум: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: Из-во СПбПУ, 2014. С. 305-313
3. Амбурцев Р.А., Раскин И.В. Электоральные процессы на Украине: территориальный аспект // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. СПб.: Из-во Санкт-Петербургского университета, 2016. 296 с.
4. Варюшин П.С. Методы исследования географии политических предпочтений населения США // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. №4. С. 42-48.
5. Варюшин П.С. Территориальная электоральная структура США: динамика и факторы формирования: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2017. 250 с.
6. Власкина А.С. Теория социальных расколов Липсета-Роккана и её применение к современной российской реальности // Научная сессия ГУАП: сб. докл.: В 3 ч. Ч. III. Гуманитарные науки / СПб.: ГУАП. СПб., 2017. – С. 22-27
7. Гришин Н.В. Территориальные различия электоральных ориентаций населения на микроуровне // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. №4 (21). С. 70-75.
8. Гришин Н.В. Электоральные расколы на Юге России: к вопросу об их наличии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. №2 (19). С. 37-41.
9. Демократия в многосоставных сообществах / Лейпхарт А., Пер. с англ., под ред. Салмина А.М., Каменской Г.В. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.
10. Зимиха А.Ю. Сравнительный анализ закономерностей электоральной географии в странах разного типа: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2006. 177 с.
11. Коротаев А.В., Исаев Л.М. Политическая география современной Украины // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Волгоград: Учитель, 2015. С. 188-221.
12. Лизунков А.В. Электорат Украины: пространственная структура и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 7. Геология. География. 2005. №2. С. 125-133
13. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания (перевод) // Политическая наука. 2004. №4. С. 204-234
14. Лоусон К. Размежевания, партии и избиратели // Политическая наука. М., 2004. №4. С. 51-55
15. Лыкошина Л.С. «Польско-польская война»: Политическая жизнь современной Польши. М.: 2015. 258 с.

16. Маккиндер Х. Д. Географическая ось истории // Полис, 1995. №4. С. 162-169
17. Мироненко В.И. «Украинский транзит» 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №4. С. 21-26
18. Мироненко В.И. Парламентские выборы на Украине // Аналитические записки ИЕ РАН. 2019. №27 (178). С. 1-5
19. Миронов А.А. Трансформация электорально-территориальной структуры ЕС в начале XXI века: дис. ... маг. геогр., СПб. 2018
20. Остапец Ю.А., Остапец И.Ю. Изменение акторной структуры и конфигурации партийной системы Украины по итогам президентских и парламентских выборов 2019 года // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. №52. С. 193-203
21. Очерки о необходимости изменения государственного устройства Украины с унитарного на конфедеративный. 2015. 48 с.
22. Пашковский Е.А. Механизмы формирования партийных систем в условиях трансформации общества (на примере Польши и Украины): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. СПб., 2016. 192 с.
23. Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М: Новый хронограф, 2014. 785 с.
24. Попович С.В. Реликтовые границы как фактор пространственной дифференциации в Польше: дис. ... маг. геогр. (рукопись) СПб. 2013
25. Работяжев Н.В. Президентские выборы на Украине: конец эпохи Порошенко // Россия и новые государства Евразии. 2019. №2 (43). С. 9-29
26. Социально-экономическая география: понятия и термины / Под ред. Горкина А.П. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
27. Томайчук Л.В. Регионализм и региональная идентичность в современной Украине // ПОЛИТЭКС. 2013. №1 (9). С. 252-263
28. Туровский Р.Ф. Географические закономерности электорального транзита в посткоммунистических странах // Полития. 2004-2005. №4 (35). С. 110-149.
29. Туровский Р.Ф. Геопространство и метапространство: географические методы в политологии // Метод. 2015. №5. С. 71-89
30. Туровский Р.Ф. Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // Полития. 2016. №1 (80). С. 162-180
31. Туровский Р.Ф. Политическая география. Учебное пособие. Москва – Смоленск: Издательство СГУ, 1999. 381 с.

32. Черкашин К.В. Электоральная география постпереворотной Украины и новая расстановка сил в стране // Вестник Московского университета. Серия 12. Политологические науки. 2015. №5. С. 103-115
33. Эволюция электорального ландшафта / Под ред. Сидоренко А.А. . М.: КомКнига, 2005. 168 с.
34. Agnew J.A. Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. Boston, 1987, p. 267
35. Boyko N., Herron E.S., Sverdau R. Administration and management of Ukraine's 2014 presidential election: a systematic and spatial analysis // Eurasian Geography and Economics. 2015. 3 (55). P. 286-306
36. Burilkov A. Oligarch vs. Nationalists: Ukraine's 2014 Parliamentary Elections // GIGA Focus. №2. 2015. P. 8
37. Forest B. Electoral geography: from mapping votes to representing power // Geography Compass. 2018. №1 (12). P. 17
38. Flesken A., Harti J. Ethnicity, inequality and perceived electoral fairness // Social Science Research. 85 (2020). P. 1-13
39. Haydukiewicz L. Historical and Geographic regionalization versus electoral geography // Procedia Social and Behavioral Sciences. 19 (2011), P. 98-111
40. Kotlyakov V.M., Komarova A.I. Elsevier's Dictionary of Geography. First editionю Elsevier, 2007. p. 1048
41. Mađry C. Analysis of the presidential elections in Ukraine in 2014 under the concept of territorial social system // The Social Transformation of the Cities and Regions in the Post-communist Countries. 2014. P. 109-127
42. Norris P. British By-Elections: The Volatile Electorate. Oxford University Press, Oxford, 1990, p. 263
43. Pomper G. Classification of Presidential Elections // The Journal of Politics. 1967. №3 (29). P. 535-566
44. Брайчевський Ю.С. Використання методу регресійного аналізу у суспільно-географічних дослідженнях на прикладі вивчення електоральної поведінки // Економічна та соціальна географія. 2014. №70. С. 66-72
45. Голод А.П. Суспільно-географічні аспекти політичної поведінки населення регіону (на матеріалах Львівської області): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02.. Львів, 2007. 17 с.
46. Добиш М.П. Сучасні тренди електорально-географічних досліджень в світі та розвиток електоральної географії в Україні // Український географічний журнал. 2018. №4. С. 33-40

47. Дністрянський М. С. Політична географія України : навчальний посібник. Львів: 2014. 348 с.
48. Ляшенко Д.О., Путренко В.В. Математико-картографічне моделювання електоральної ситуації в Україні // Часопис картографії. 2011. №2. С. 86-95.
49. Миронюк В.М. Електоральна географія регіону (на матеріалах галицьких областей): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02.. Львів, 2002. 17 с.
50. Примуш М.В. Ідеологічна криза українських політичних партій // Вісник Національного університету "Юридична академія України імені Ярослава Мудрого. Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія. 2014. №1 (20). С. 195-202
51. Склярська О. Політико-географічні процеси в Закарпатській і Чернівецькій областях. Львів: 2011. 228 с.
52. Хан Є.А. Електоральна географія Криму: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02.. Одеса, 1999. 17 с.
53. Черкашин К.В. Електоральна поведінка населення незалежної України в регіональних зрізах: автореф. дис. ... канд. політ. наук: 23.00.02.. Сімферополь, 2005. 19 с.
54. Швець О.Б., Маслоva Н.М. Електоральна рубіжність Кіровоградської області // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия "География". 2013. №26 (65). С. 169-182
55. https://www.researchgate.net/publication/275969954_Politiko-geograficeskaa_Fragmentacia_Gruzii_The_Politico-Geographical_Fragmentation_of_Georgia – Гулян У. Политико-географическая фрагментация Грузии (дата обращения 04.02.2020)
56. http://westukr.itgo.com/ugryn_cpd_conf_0701.html – Угрин Л. Вплив регіональних ідентичностей на політичний процес в Україні (дата обращения: 27.03.2020)
57. <https://www.electoralgeography.com/docs/cherkashin/cherkashin3.pdf> – Черкашин К.В. Использование геоинформационных систем в избирательных кампаниях / Electoral Geography 2.0 (дата обращения: 14.02.2020)

НОВОСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. <https://delo.ua/economyandpoliticsinukraine/realnaja-ideologija-ukrainskih-partij-analiz-355928/> – Левые и левоцентристские: какой идеологии придерживаются украинские партии на самом деле (дата обращения: 02.04.2020)
2. <https://www.facenews.ua/articles/2014/201178/> – Преодолен ли электоральный раскол Украины? / facenews.ua (дата обращения: 03.04.2019)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Расчёт национального, социально-экономического и локального сдвига для президентских выборов по методу «сдвиг-доля» для возрастного фактора

Область	Оранжевые				Третьи силы				Бело-синие			
	NS	SEPS	LS	Δ	NS	SEPS	LS	Δ	NS	SEPS	LS	Δ
Винницкая	-32,16	1,51	-1,82	-32,47	27,39	1,25	-2,60	26,04	3,81	4,47	-4,83	3,45
Волынская	-32,16	0,53	9,52	-22,11	27,39	1,27	-11,68	16,98	3,81	-3,85	1,40	1,36
Днепропетровская	-32,16	1,57	-7,90	-38,49	27,39	1,27	13,21	41,87	3,81	4,40	-8,55	-0,34
Житомирская	-32,16	1,28	-1,52	-32,4	27,39	1,25	-0,64	28	3,81	2,62	-4,25	2,18
Закарпатская	-32,16	0,23	-11,75	-43,68	27,39	1,28	8,54	37,21	3,81	-6,54	4,92	2,19
Запорожская	-32,16	1,80	-2,51	-32,87	27,39	1,27	9,91	38,57	3,81	6,23	-12,69	-2,65
Ивано-Франковская	-32,16	0,73	13,24	-18,19	27,39	1,27	-17,55	11,11	3,81	-2,21	-1,42	0,18
Киевская	-32,16	1,21	0,81	-30,14	27,39	1,28	-2,63	26,04	3,81	1,07	-2,70	2,18
Кировоградская	-32,16	1,70	-3,77	-34,23	27,39	1,25	2,51	31,15	3,81	5,90	-7,90	1,81
Львовская	-32,16	0,89	20,16	-11,11	27,39	1,26	-20,02	8,63	3,81	-0,95	-2,71	0,15
Николаевская	-32,16	1,40	5,65	-25,11	27,39	1,27	-6,73	21,93	3,81	3,17	-4,84	2,14
Одесская	-32,16	1,05	-5,87	-36,98	27,39	1,27	12,59	41,25	3,81	0,59	-7,78	-3,38
Полтавская	-32,16	1,70	-3,94	-34,4	27,39	1,27	12,53	41,19	3,81	5,29	-13,53	-4,43
Ровенская	-32,16	0,39	-5,01	-36,78	27,39	1,27	3,86	32,52	3,81	-4,95	3,77	2,63
Сумская	-32,16	1,85	4,49	-25,82	27,39	1,26	-7,98	20,67	3,81	6,71	-8,85	1,67
Тернопольская	-32,16	1,04	-5,49	-36,61	27,39	1,26	2,84	31,49	3,81	0,39	-0,37	3,83
Харьковская	-32,16	1,35	15,30	-15,51	27,39	1,27	-16,69	11,97	3,81	2,89	-5,99	0,71
Херсонская	-32,16	1,38	3,75	-27,03	27,39	1,27	7,03	35,69	3,81	2,93	-13,95	-7,21
Хмельницкая	-32,16	1,54	-7,29	-37,91	27,39	1,25	9,11	37,75	3,81	4,52	-7,20	1,13
Черкасская	-32,16	1,82	2,48	-27,86	27,39	1,25	-5,73	22,91	3,81	6,81	-8,78	1,84
Черновицкая	-32,16	0,62	1,17	-30,37	27,39	1,26	-2,38	26,27	3,81	-2,88	1,41	2,34
Черниговская	-32,16	2,04	-5,84	-35,96	27,39	1,24	-0,51	28,12	3,81	9,04	-7,73	5,12
г. Киев	-32,16	0,81	5,71	-25,64	27,39	1,29	-6,47	22,21	3,81	-1,34	-0,39	2,08

Приложение 1. Расчёт национального, социально-экономического и локального сдвига для президентских выборов по методу «сдвиг-доля» для фактора места жительства

Область	Оранжевые				Третьи силы				Бело-синие			
	NS	SEPS	LS	Δ	NS	SEPS	LS	Δ	NS	SEPS	LS	Δ
Винницкая	-32,16	3,22	-3,53	-32,47	27,39	1,08	-2,43	26,04	3,81	2,55	-2,91	3,45
Волынская	-32,16	3,18	6,87	-22,11	27,39	1,09	-11,50	16,98	3,81	2,73	-5,18	1,36
Днепропетровская	-32,16	1,50	-7,83	-38,49	27,39	1,58	12,90	41,87	3,81	9,24	-13,39	-0,34
Житомирская	-32,16	2,81	-4,22	-32,4	27,39	1,20	-0,25	28	3,81	4,14	-1,24	2,18
Закарпатская	-32,16	3,98	-13,37	-43,68	27,39	0,86	8,34	37,21	3,81	-0,39	-9,51	2,19
Запорожская	-32,16	1,85	-4,31	-32,87	27,39	1,48	10,21	38,57	3,81	7,89	-7,54	-2,65
Ивано-Франковская	-32,16	3,60	10,37	-18,19	27,39	0,97	-17,25	11,11	3,81	1,08	-4,71	0,18
Киевская	-32,16	2,66	-0,64	-30,14	27,39	1,24	-2,59	26,04	3,81	4,75	-6,38	2,18
Кировоградская	-32,16	2,59	-4,66	-34,23	27,39	1,26	2,50	31,15	3,81	4,99	-6,99	1,81
Львовская	-32,16	2,71	18,34	-11,11	27,39	1,23	-19,99	8,63	3,81	4,52	-8,18	0,15
Николаевская	-32,16	2,32	4,73	-25,11	27,39	1,34	-6,80	21,93	3,81	6,06	-7,73	2,14
Одесская	-32,16	2,39	-7,21	-36,98	27,39	1,32	12,54	41,25	3,81	5,77	-12,96	-3,38
Полтавская	-32,16	2,64	-4,88	-34,4	27,39	1,25	12,55	41,19	3,81	4,81	-13,05	-4,43
Ровенская	-32,16	3,43	-8,05	-36,78	27,39	1,02	4,11	32,52	3,81	1,75	-2,93	2,63
Сумская	-32,16	2,28	4,06	-25,82	27,39	1,35	-8,07	20,67	3,81	6,21	-8,35	1,67
Тернопольская	-32,16	3,54	-7,99	-36,61	27,39	0,98	3,12	31,49	3,81	1,30	-1,28	3,83
Харьковская	-32,16	1,65	15,00	-15,51	27,39	1,54	-16,96	11,97	3,81	8,65	-11,75	0,71
Херсонская	-32,16	2,70	2,43	-27,03	27,39	1,23	7,07	35,69	3,81	4,60	-15,62	-7,21
Хмельницкая	-32,16	2,92	-8,67	-37,91	27,39	1,17	9,19	37,75	3,81	3,73	-6,41	1,13
Черкасская	-32,16	2,94	1,36	-27,86	27,39	1,16	-5,64	22,91	3,81	3,65	-5,62	1,84
Черновицкая	-32,16	3,65	-1,86	-30,37	27,39	0,95	-2,07	26,27	3,81	0,87	-2,34	2,34
Черниговская	-32,16	2,49	-6,29	-35,96	27,39	1,29	-0,56	28,12	3,81	5,39	-4,08	5,12
г. Киев	-32,16	0,65	5,87	-25,64	27,39	1,83	-7,01	22,21	3,81	12,55	-14,28	2,08

Приложение 1. Расчёт национального, социально-экономического и локального сдвига для выборов в Верховную Раду по методу «сдвиг-доля» для возрастного фактора

Область	Оранжевые				Третьи силы				Бело-синие			
	NS	SEPS	LS	Δ	NS	SEPS	LS	Δ	NS	SEPS	LS	Δ
Винницкая	-38,67	-3,05	4,39	-37,33	39,30	1,66	-2,04	38,92	-0,34	-1,17	4,10	2,59
Волынская	-38,67	-3,80	4,26	-38,21	39,30	1,83	-0,48	40,65	-0,34	-4,95	5,80	0,51
Днепропетровская	-38,67	-3,02	5,48	-36,21	39,30	1,69	12,99	53,98	-0,34	-1,06	-12,20	-13,6
Житомирская	-38,67	-3,22	0,05	-41,84	39,30	1,69	4,26	45,25	-0,34	-2,05	3,24	0,85
Закарпатская	-38,67	-4,05	-4,86	-47,58	39,30	1,88	5,56	46,74	-0,34	-6,09	12,51	6,08
Запорожская	-38,67	-2,85	10,63	-30,89	39,30	1,65	7,11	48,06	-0,34	-0,18	-11,71	-12,23
Ивано-Франковская	-38,67	-3,66	8,11	-34,22	39,30	1,78	-7,74	33,34	-0,34	-4,14	5,13	0,65
Киевская	-38,67	-3,31	-3,07	-45,05	39,30	1,76	4,23	45,29	-0,34	-2,45	4,05	1,26
Кировоградская	-38,67	-2,91	-0,43	-42,01	39,30	1,63	5,46	46,39	-0,34	-0,46	-0,24	-1,04
Львовская	-38,67	-3,54	18,17	-24,04	39,30	1,76	-19,70	21,36	-0,34	-3,55	4,29	0,4
Николаевская	-38,67	-3,14	5,00	-36,81	39,30	1,70	-3,67	37,33	-0,34	-1,65	2,86	0,87
Одесская	-38,67	-3,39	5,52	-36,54	39,30	1,76	9,45	50,51	-0,34	-2,98	-6,41	-9,73
Полтавская	-38,67	-2,94	10,04	-31,57	39,30	1,66	7,46	48,42	-0,34	-0,55	-9,28	-10,17
Ровенская	-38,67	-3,91	-1,64	-44,22	39,30	1,84	7,16	48,3	-0,34	-5,54	5,62	-0,26
Сумская	-38,67	-2,81	-0,22	-41,7	39,30	1,63	2,04	42,97	-0,34	0,07	0,91	0,64
Тернопольская	-38,67	-3,42	-2,77	-44,86	39,30	1,74	5,67	46,71	-0,34	-2,97	5,19	1,88
Харьковская	-38,67	-3,17	7,65	-34,19	39,30	1,72	-8,32	32,7	-0,34	-1,87	3,12	0,91
Херсонская	-38,67	-3,17	16,28	-25,56	39,30	1,70	1,26	42,26	-0,34	-1,73	-8,85	-10,92
Хмельницкая	-38,67	-3,04	3,47	-38,24	39,30	1,66	6,16	47,12	-0,34	-1,07	-2,92	-4,33
Черкасская	-38,67	-2,82	-3,35	-44,84	39,30	1,62	4,63	45,55	-0,34	-0,01	1,44	1,09
Черновицкая	-38,67	-3,73	-4,02	-46,42	39,30	1,80	7,35	48,45	-0,34	-4,59	5,89	0,96
Черниговская	-38,67	-2,61	-7,35	-48,63	39,30	1,59	6,88	47,77	-0,34	0,83	2,58	3,07
г. Киев	-38,67	-3,54	9,73	-32,48	39,30	1,84	-3,84	37,3	-0,34	-4,00	4,42	0,08

Приложение 1. Расчёт национального, социально-экономического и локального сдвига для выборов в Верховную Раду по методу «сдвиг-доля» для фактора места жительства

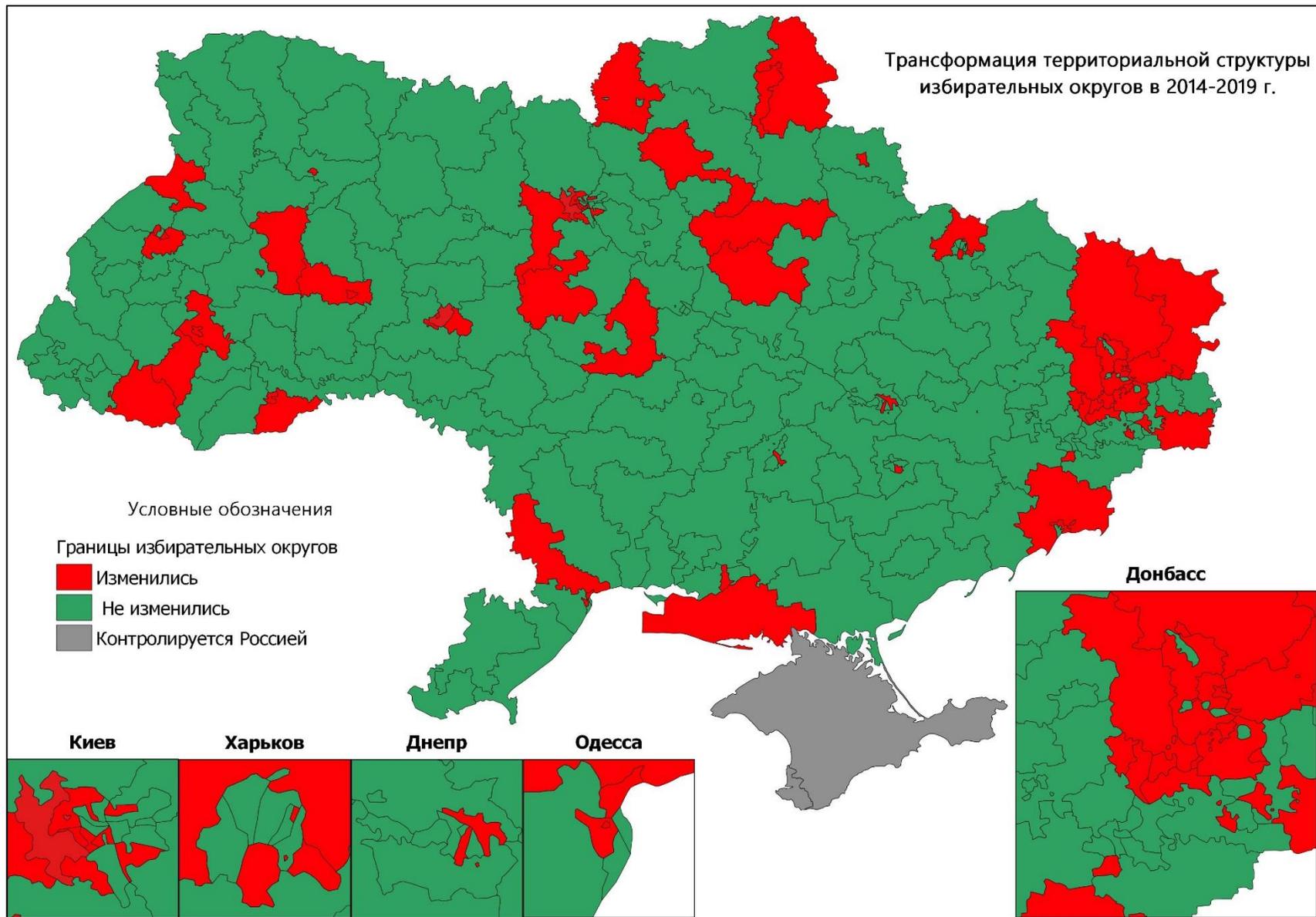
Область	Оранжевые				Третьи силы				Бело-синие			
	NS	SEPS	LS	Δ	NS	SEPS	LS	Δ	NS	SEPS	LS	Δ
Винницкая	-38,67	-15,92	17,26	-37,33	39,30	3,26	-3,64	38,92	-0,34	-2,02	4,95	2,59
Волынская	-38,67	-15,87	16,33	-38,21	39,30	3,12	-1,77	40,65	-0,34	-8,77	9,62	0,51
Днепропетровская	-38,67	-18,72	21,18	-36,21	39,30	5,50	9,18	53,98	-0,34	-18,95	5,69	-13,6
Житомирская	-38,67	-15,96	13,79	-41,84	39,30	3,30	3,78	45,25	-0,34	-9,14	4,65	0,85
Закарпатская	-38,67	-16,96	6,57	-47,58	39,30	2,17	2,06	46,74	-0,34	-3,46	25,77	6,08
Запорожская	-38,67	-15,48	23,73	-30,89	39,30	5,38	5,99	48,06	-0,34	-19,35	-3,79	-12,23
Ивано-Франковская	-38,67	-15,95	20,40	-34,22	39,30	2,77	-8,73	33,34	-0,34	-8,10	9,09	0,65
Киевская	-38,67	-20,02	13,64	-45,05	39,30	2,77	3,22	45,29	-0,34	4,32	-2,72	1,26
Кировоградская	-38,67	-25,99	22,65	-42,01	39,30	3,44	3,65	46,39	-0,34	-3,17	2,47	-1,04
Львовская	-38,67	-14,93	29,56	-24,04	39,30	3,82	-21,76	21,36	-0,34	-6,32	7,06	0,4
Николаевская	-38,67	-14,22	16,08	-36,81	39,30	4,71	-6,68	37,33	-0,34	-12,89	14,10	0,87
Одесская	-38,67	-14,03	16,16	-36,54	39,30	4,66	6,55	50,51	-0,34	-13,77	4,38	-9,73
Полтавская	-38,67	-17,48	24,58	-31,57	39,30	3,85	5,27	48,42	-0,34	-8,82	-1,01	-10,17
Ровенская	-38,67	-16,26	10,71	-44,22	39,30	3,14	5,86	48,3	-0,34	-1,53	1,61	-0,26
Сумская	-38,67	-15,85	12,82	-41,7	39,30	3,83	-0,16	42,97	-0,34	-2,92	3,90	0,64
Тернопольская	-38,67	-15,56	9,37	-44,86	39,30	2,95	4,46	46,71	-0,34	-3,62	5,84	1,88
Харьковская	-38,67	-14,10	18,58	-34,19	39,30	5,53	-12,13	32,7	-0,34	-13,31	14,56	0,91
Херсонская	-38,67	-16,34	29,45	-25,56	39,30	3,59	-0,63	42,26	-0,34	-1,23	-9,35	-10,92
Хмельницкая	-38,67	-15,93	16,36	-38,24	39,30	3,35	4,47	47,12	-0,34	-2,30	-1,69	-4,33
Черкасская	-38,67	-15,02	8,85	-44,84	39,30	3,35	2,90	45,55	-0,34	-7,77	9,20	1,09
Черновицкая	-38,67	-14,76	7,01	-46,42	39,30	3,39	5,76	48,45	-0,34	-11,83	13,13	0,96
Черниговская	-38,67	-14,87	4,91	-48,63	39,30	3,71	4,76	47,77	-0,34	-9,05	12,46	3,07
г. Киев	-38,67	-9,20	15,39	-32,48	39,30	8,66	-10,66	37,3	-0,34	-38,17	38,59	2,59

Приложение 2. Значения коэффициентов перераспределения, коэффициента сдвига за электоральный цикл 2014-2019, рассчитанные относительно совокупных результатов партий по коалициям по областям и в целом по стране на выборах в Верховную Раду (составлено автором)

Область	Коэффициент перераспределения			Коэффициент сдвига		
	Оранжевые к бело-синим	Оранжевые к третьим силам	Бело-синие к третьим силам	Оранжевые к бело-синим	Оранжевые к третьим силам	Бело-синие к третьим силам
Винницкая	0,38	0,31	0,19	0,77	0,36	0,19
Волинская	0,17	0,83	0,00	0,35	0,36	0,07
Днепропетровская	0,14	0,31	0,40	0,06	0,49	1,41
Донецкая	0,50	0,63	0,63	0,07	3,11	9,00
Житомирская	0,22	0,44	0,44	0,32	0,29	0,18
Закарпатская	0,56	0,44	0,56	1,43	0,08	0,40
Запорожская	0,10	0,3	0,85	0,06	0,46	1,45
Ивано-Франковская	0,33	0,33	0,58	4,75	0,52	0,08
Киевская	0,30	0,35	0,35	0,70	0,41	0,09
Кировоградская	0,33	0,33	0,33	0,10	0,15	0,12
Луганская	0,33	0,33	0,83	0,17	2,76	22,43
Львовская	0,14	0,36	0,11	3,64	1,88	0,07
Николаевская	0,39	0,56	0,22	0,02	0,44	1,33
Одесская	0,13	0,33	0,37	0,03	0,53	1,76
Полтавская	0,25	0,19	0,25	0,26	0,23	0,16
Ровенская	0,33	0,33	0,17	0,55	0,19	0,08
Сумская	0,22	0,22	0,33	0,61	0,21	0,23
Тернопольская	1,00	0,33	0,17	3,82	0,80	0,10
Харьковская	0,53	0,27	0,31	0,04	0,37	1,90
Херсонская	0,00	0,00	0,50	0,04	0,21	0,26
Хмельницкая	0,50	0,25	0,33	0,75	0,22	0,13
Черкасская	0,33	0,25	0,08	0,73	0,12	0,13
Черновицкая	0,25	0,50	0,25	1,31	0,35	0,28
Черниговская	0,33	0,44	0,11	0,18	0,45	0,24
г. Киев	0,36	0,43	0,19	0,27	1,27	0,63
Украина	0,10	0,69	0,13	0,58	0,35	0,44
В среднем по регионам	0,33	0,36	0,34	0,84	0,65	1,71

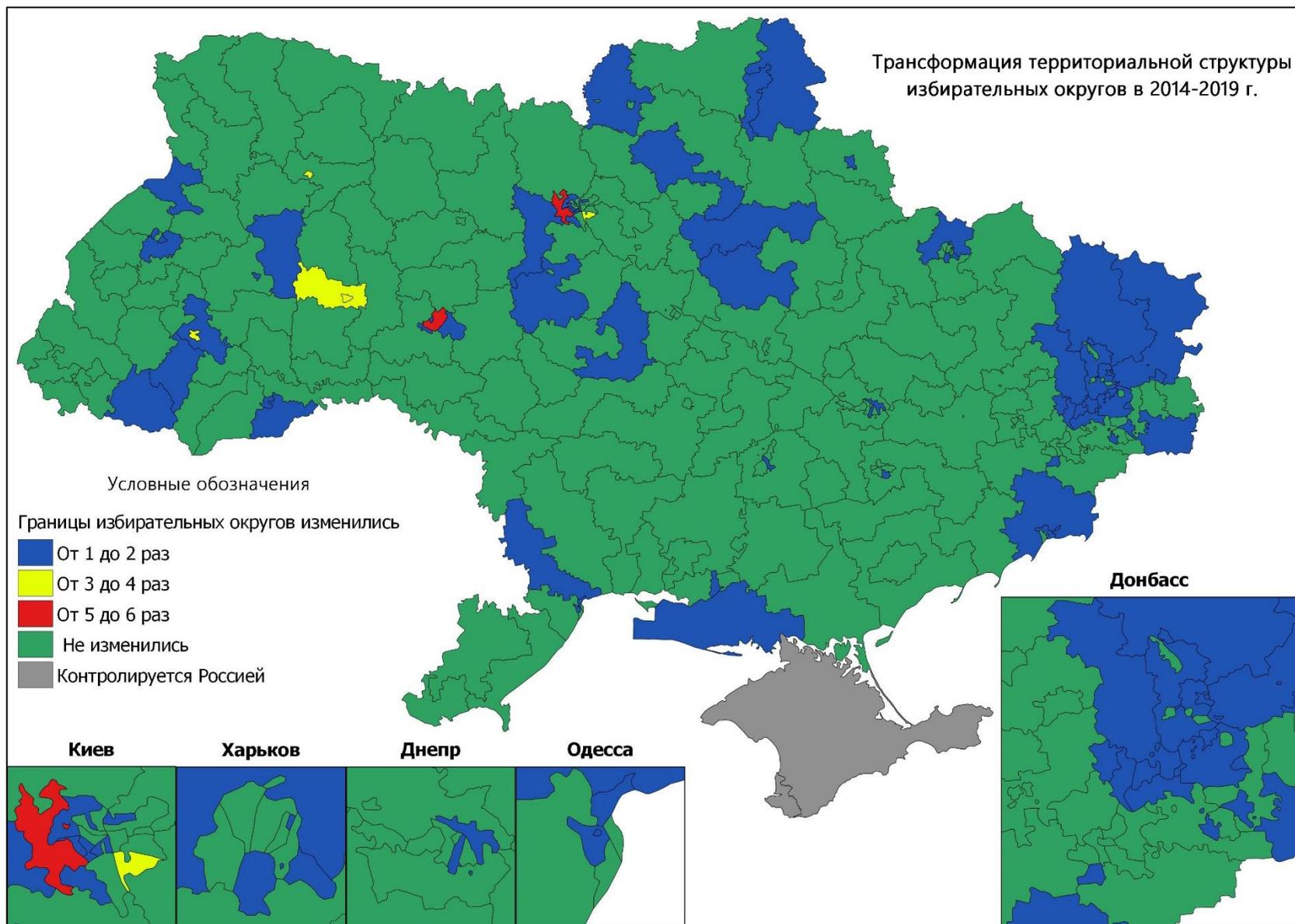
Приложение 3. Значения коэффициента вариации за электоральный цикл 2014-2019, рассчитанные относительно совокупных результатов партий по коалициям по областям и в целом по стране на выборах в Верховную Раду (составлено автором)

Область	2014 г.			2019 г.		
	Оранжевые к бело-синим	Оранжевые к третьим силам	Бело-синие к третьим силам	Оранжевые к бело-синим	Оранжевые к третьим силам	Бело-синие к третьим силам
Винницкая	0,11	0,44	0,09	0,21	0,21	0,02
Волынская	0,19	0,20	0,04	0,37	0,08	0,02
Днепропетровская	0,02	0,19	0,33	0,02	0,04	0,03
Донецкая	0,05	20,56	33,24	0,01	0,03	0,47
Житомирская	0,11	0,22	0,12	0,06	0,01	0,01
Закарпатская	0,03	0,02	0,01	0,07	0,04	0,04
Запорожская	0,04	0,27	0,28	0,06	0,02	0,19
Ивано-Франковская	3,22	0,57	0,30	1,25	0,21	0,06
Киевская	0,12	0,16	0,06	0,08	0,03	0,01
Кировоградская	0,12	0,16	0,09	0,09	0,02	0,02
Луганская	0,01	0,21	2,27	0,01	0,00	0,29
Львовская	5,49	0,39	0,34	3,13	0,50	0,19
Николаевская	0,03	0,36	0,88	0,03	0,00	0,08
Одесская	0,04	0,50	1,38	0,07	0,03	0,27
Полтавская	0,19	0,22	0,08	0,05	0,07	0,01
Ровенская	0,19	0,22	0,08	0,05	0,07	0,01
Сумская	0,57	0,14	0,23	0,34	0,03	0,18
Тернопольская	5,05	0,86	0,13	2,5	0,13	0,05
Харьковская	0,01	0,34	1,08	0,02	0,06	0,08
Херсонская	0,03	0,14	0,14	0,04	0,02	0,04
Хмельницкая	0,04	0,22	0,07	0,08	0,03	0,01
Черкасская	0,10	0,13	0,13	0,01	0,02	0,01
Черновицкая	0,79	0,53	0,31	0,32	0,10	0,11
Черниговская	0,19	0,10	0,10	0,26	0,06	0,03
г. Киев	0,06	0,05	0,10	0,03	0,03	0,03
Украина	5,67	0,30	2,55	6,37	0,59	1,49
В среднем по регионам	0,67	1,09	1,68	0,37	0,07	0,09

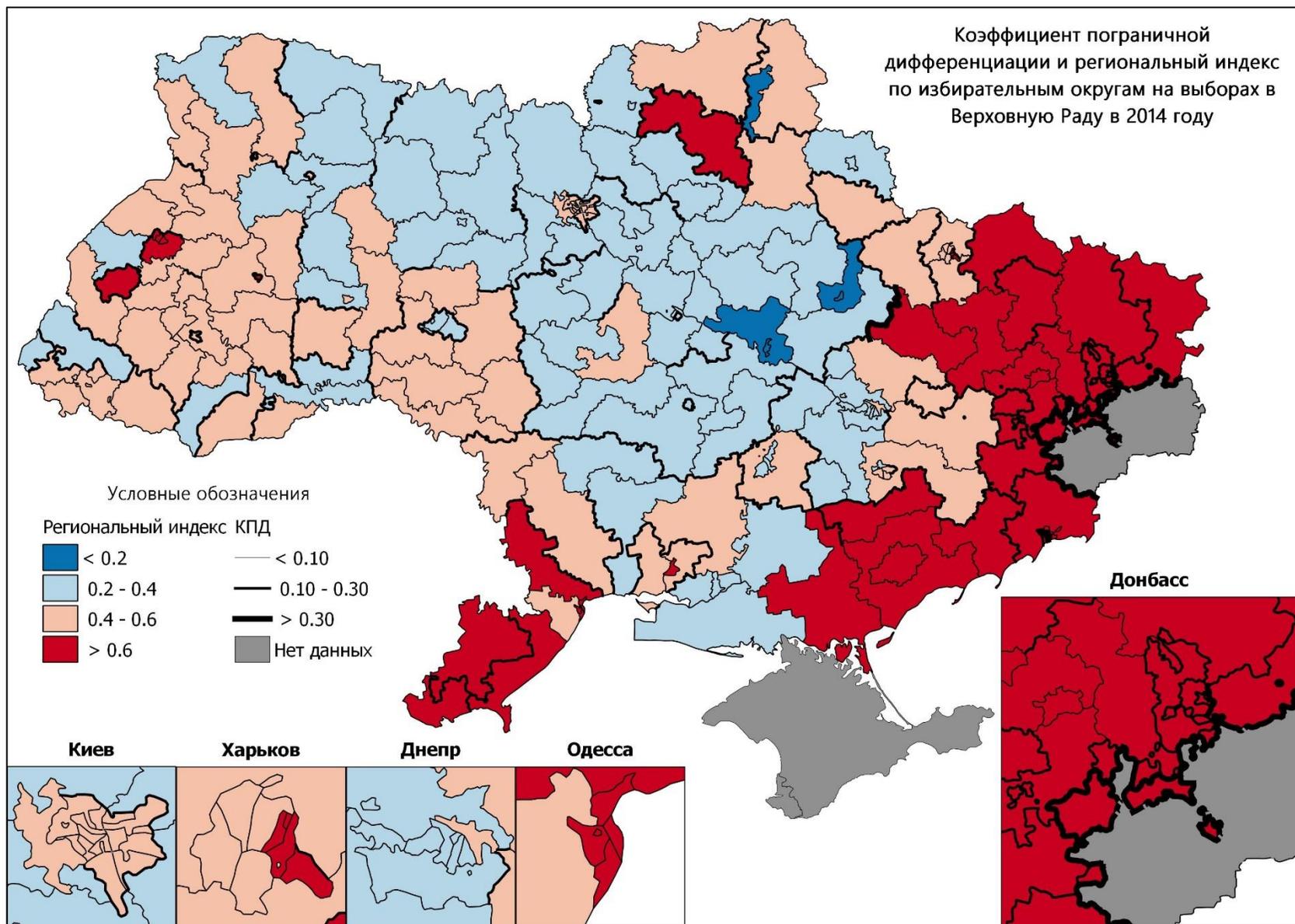
Приложение 4. Трансформация территориальной структуры избирательных округов Украины (составлено автором по (Постановление №82 ЦИК

Украины))

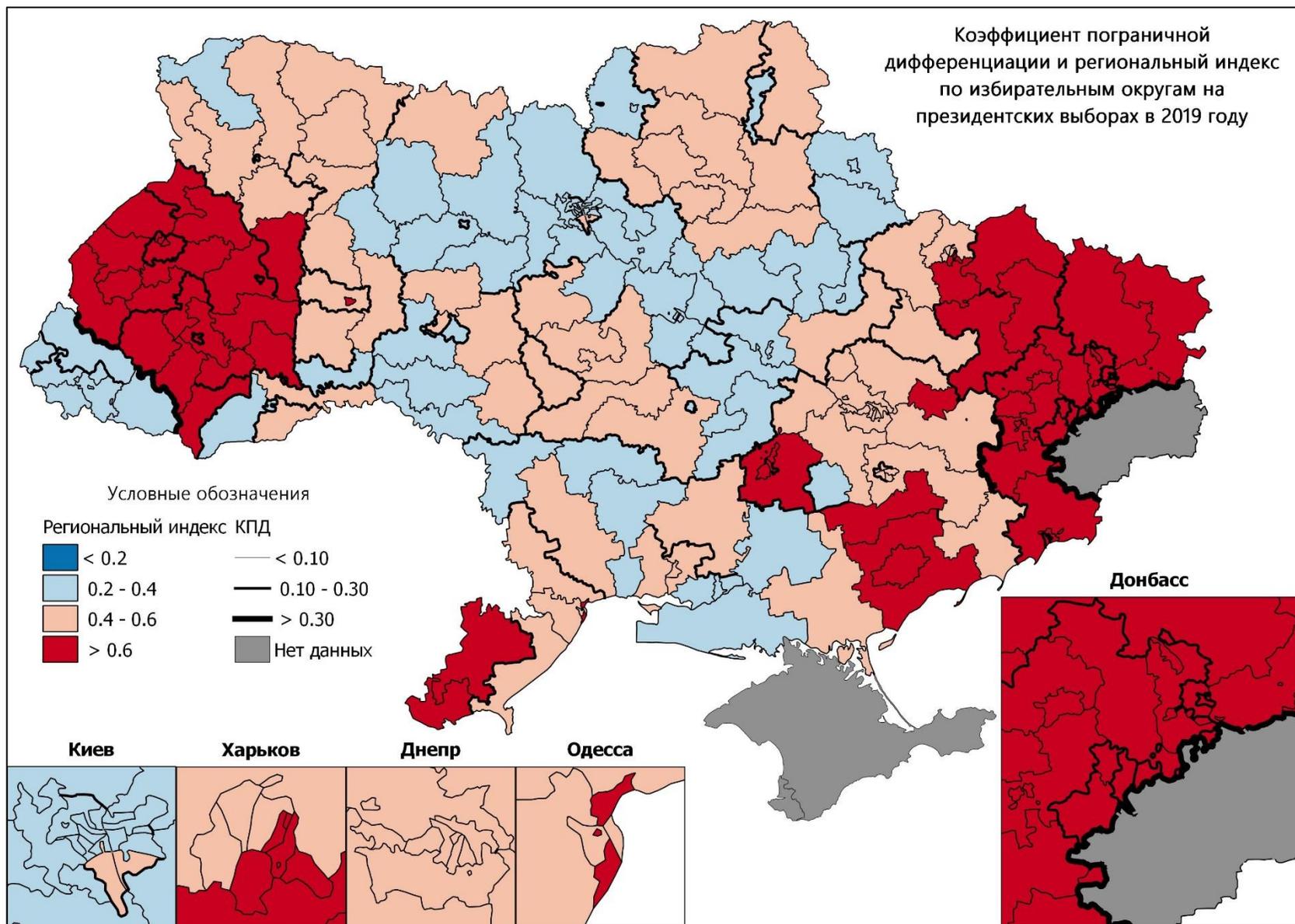

Приложение 4. Трансформация территориальной структуры избирательных округов Украины (составлено автором по (Постановление №82 ЦИК

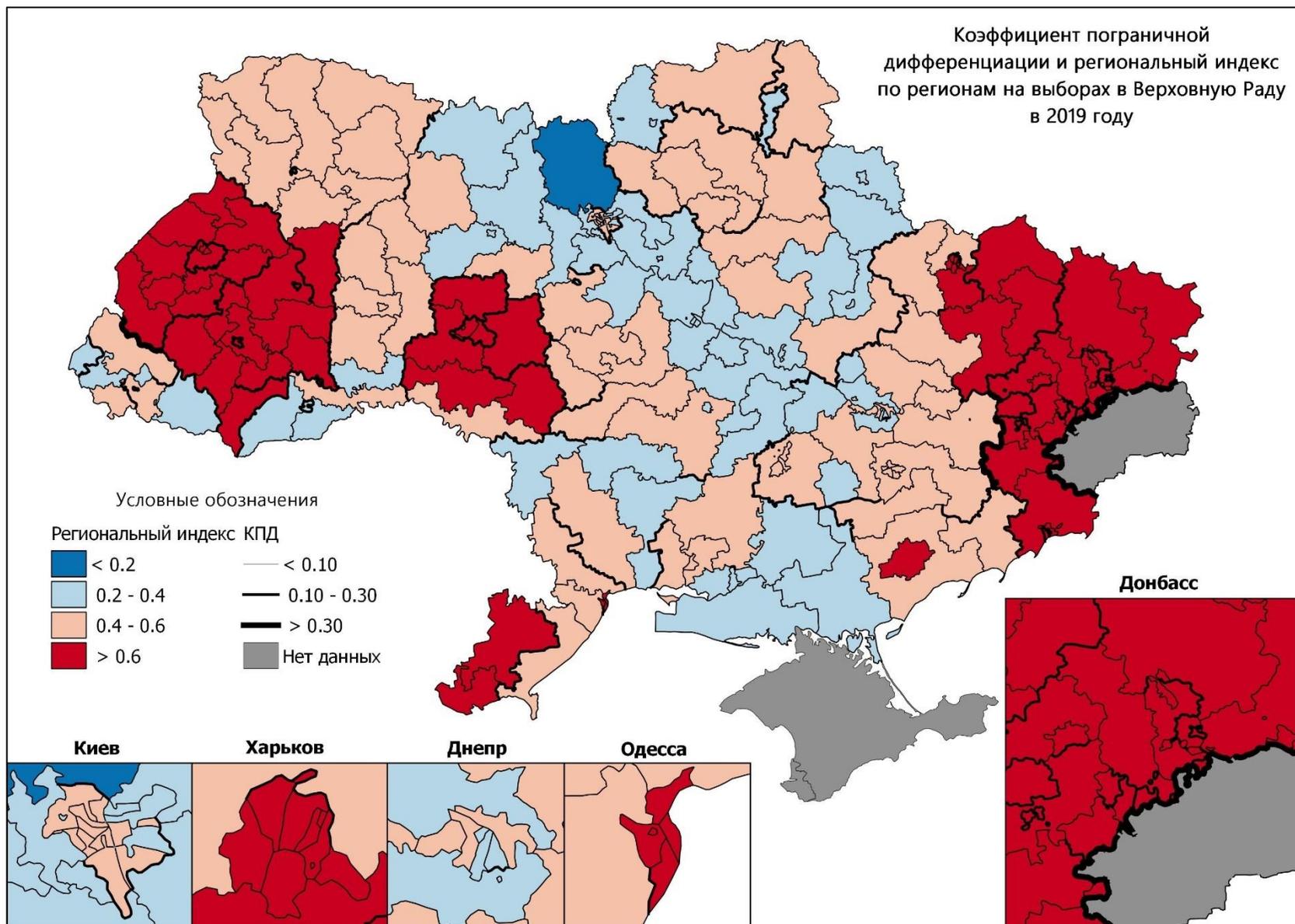
Украины))

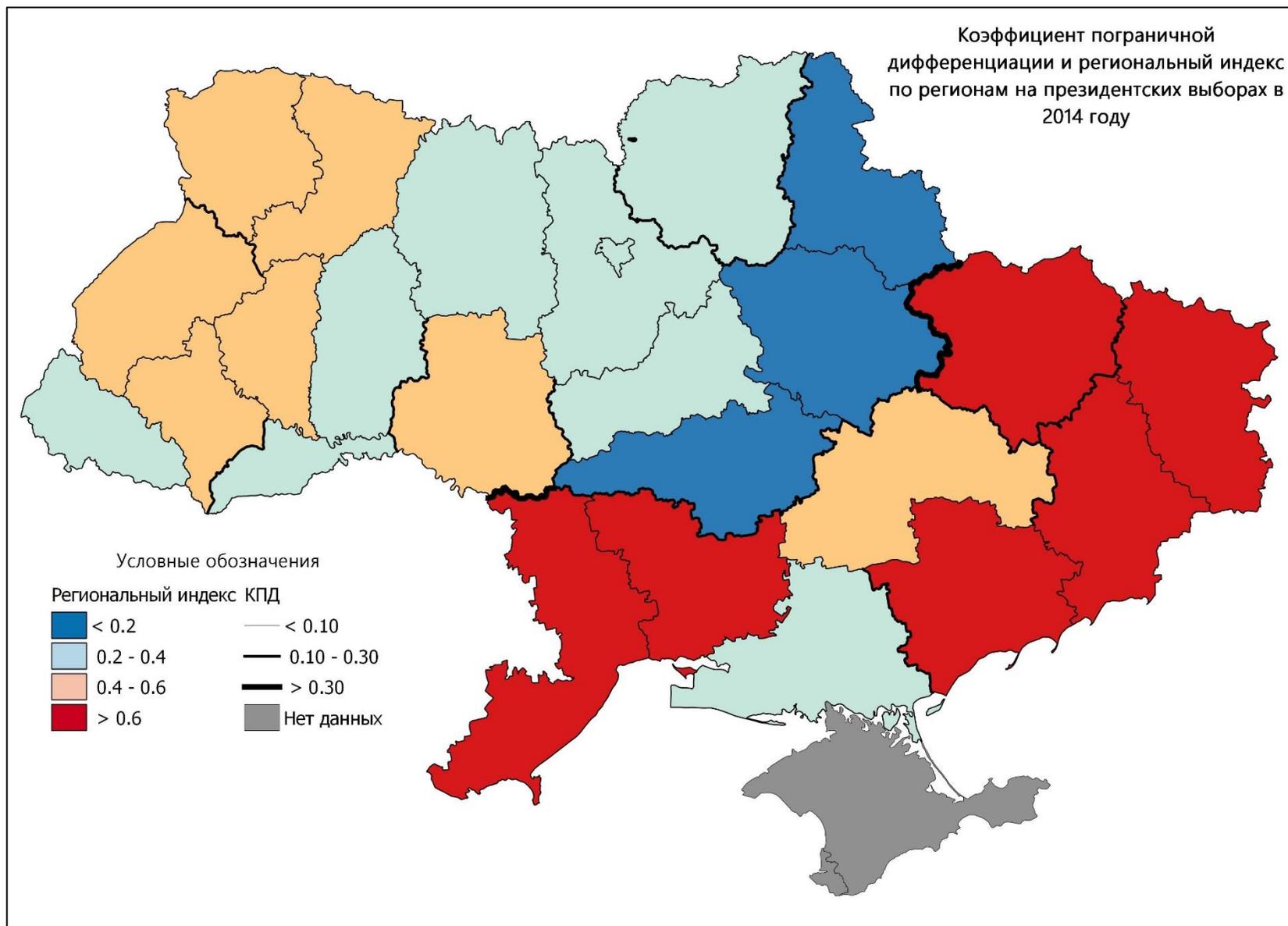
Приложение 5. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по избирательным округам на выборах в Верховную Раду в 2014 году (составлено автором)

Приложение 5. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по избирательным округам на президентских выборах в 2019 году (составлено автором)

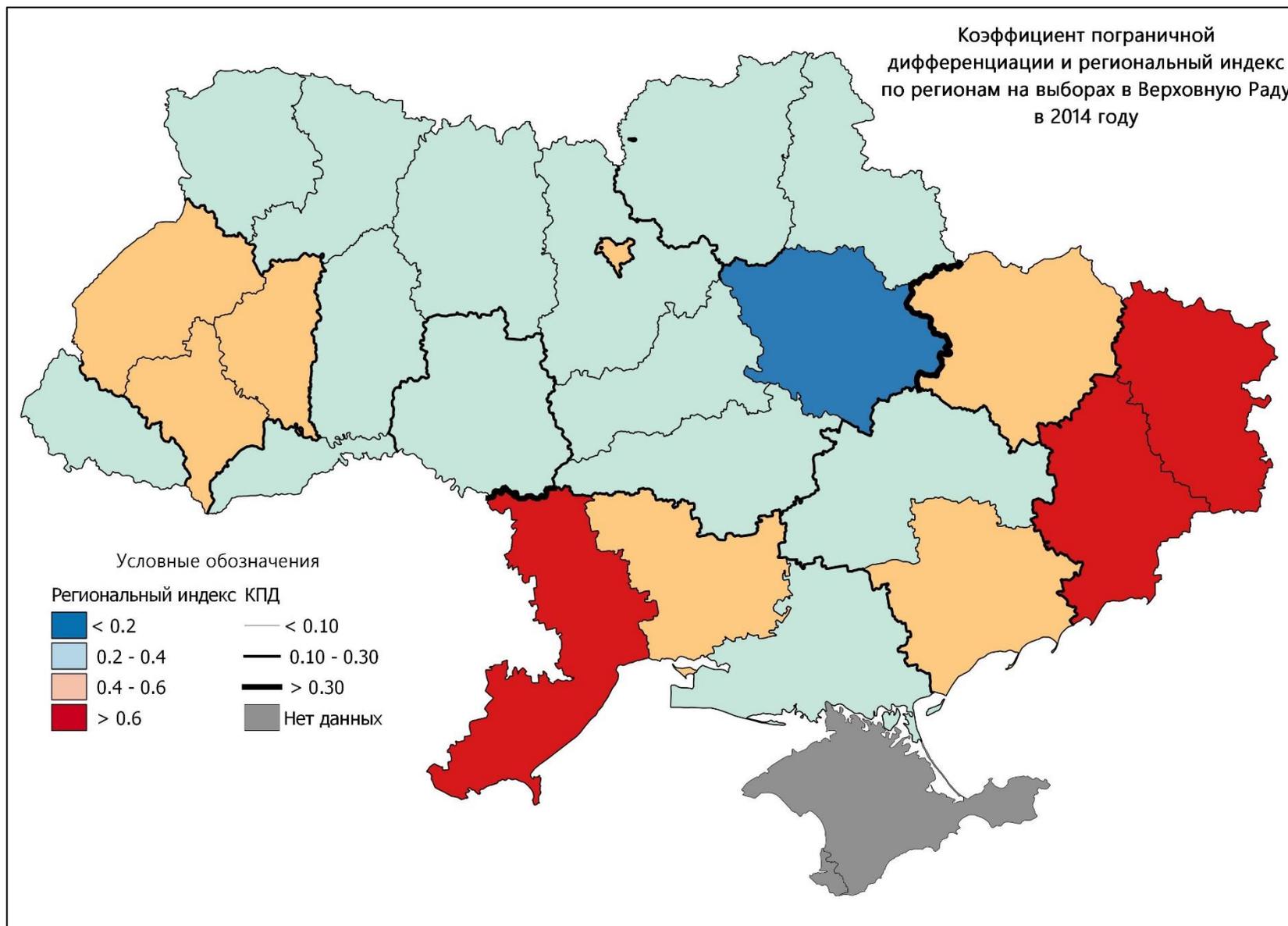

Приложение 5. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по избирательным округам на выборах в Верховную Раду в 2019 году (составлено автором)

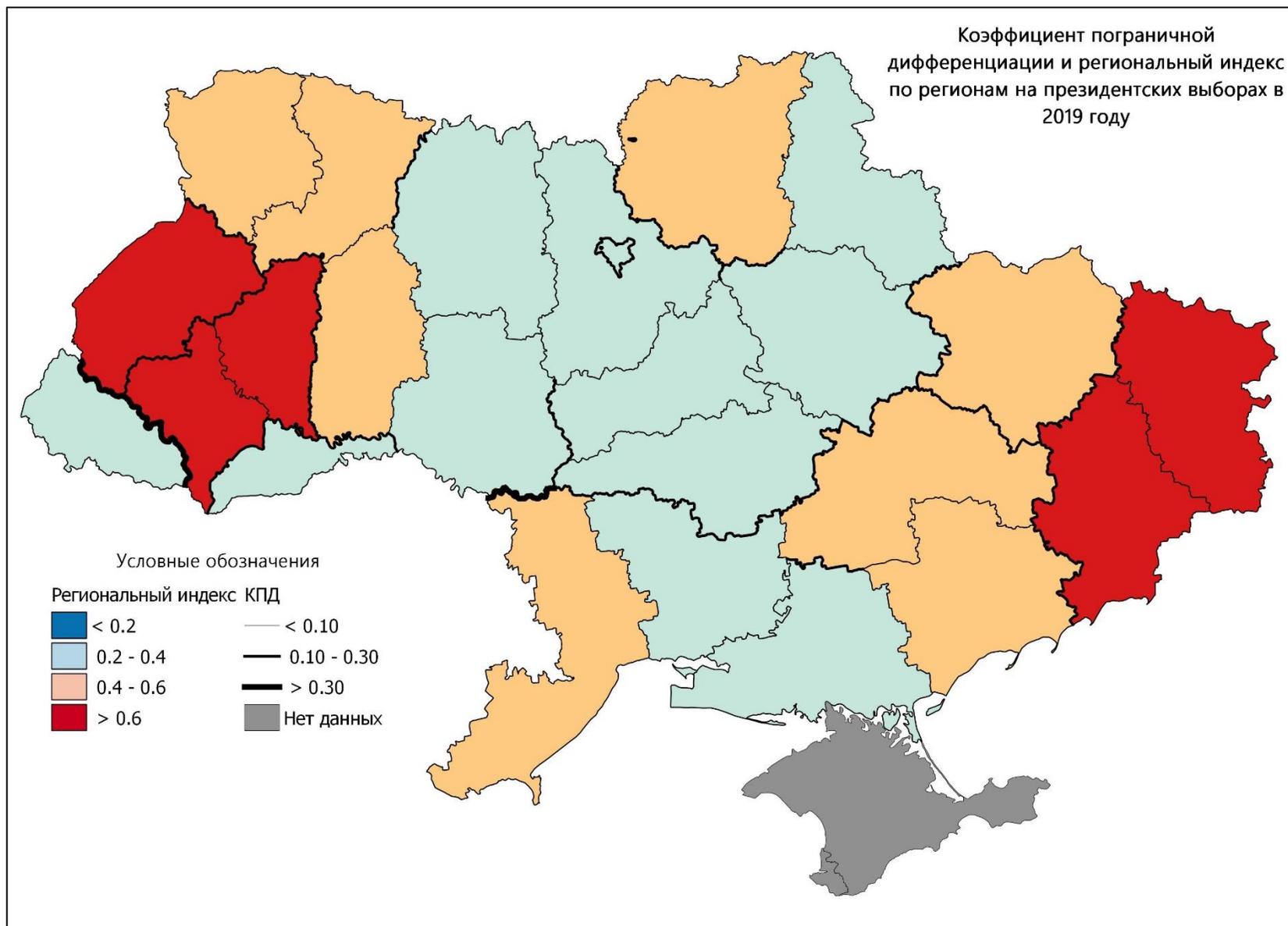
Приложение 5. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по регионам на президентских выборах в 2014 году (составлено

автором)

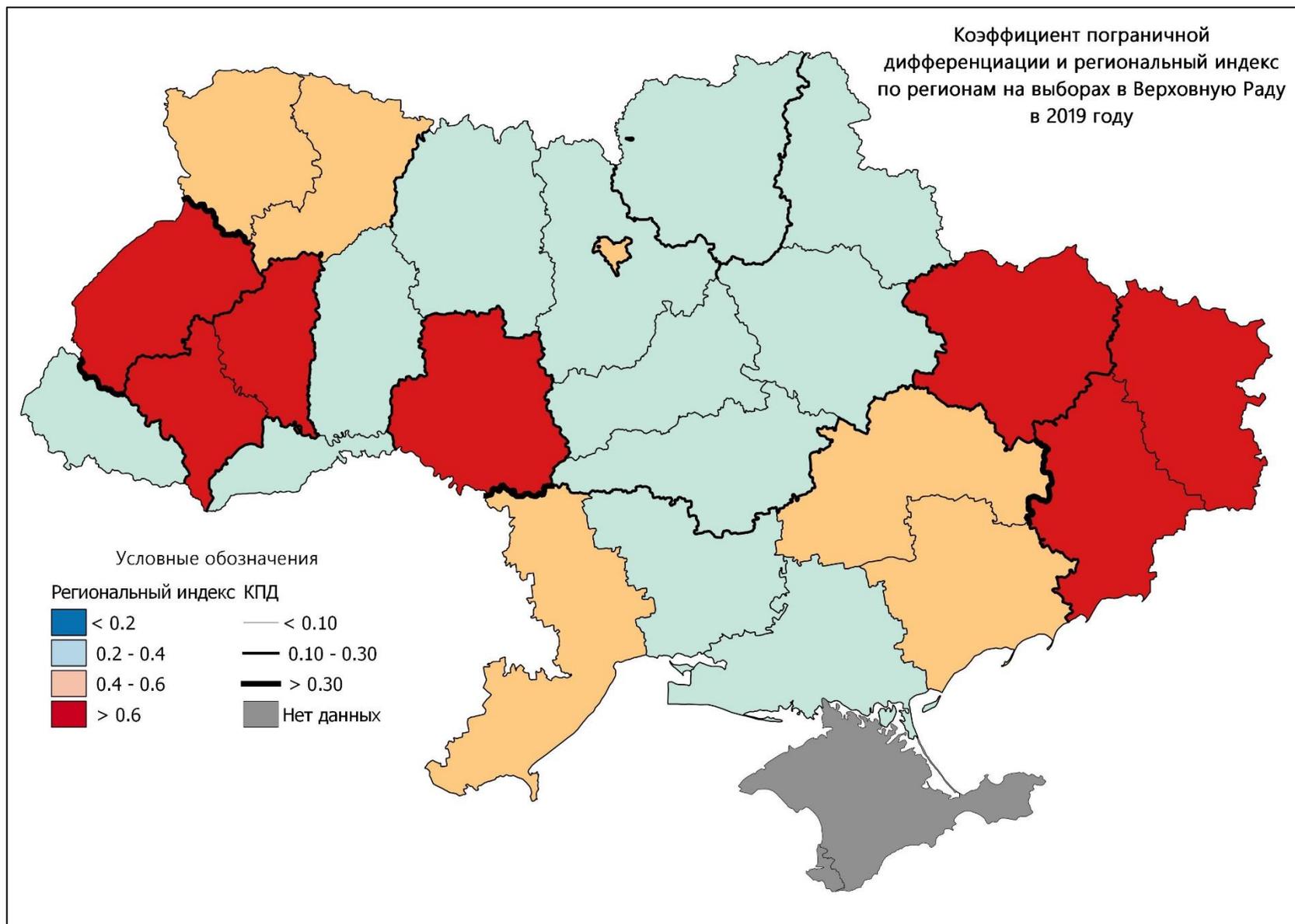
Приложение 5. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по регионам на выборах в Верховную Раду в 2014 году

(составлено автором)

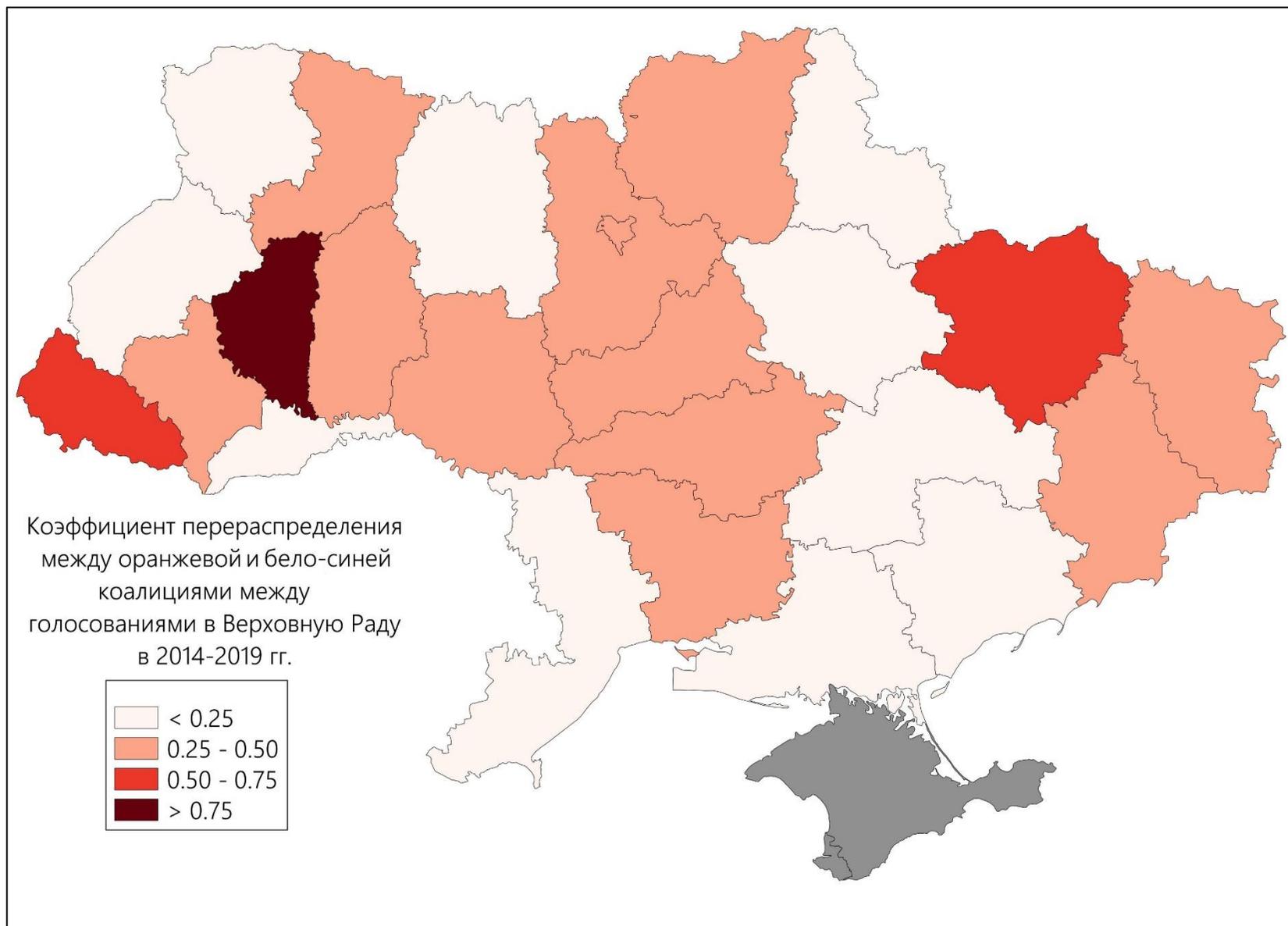
Приложение 5. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по регионам на президентских выборах в 2014 году (составлено

автором)

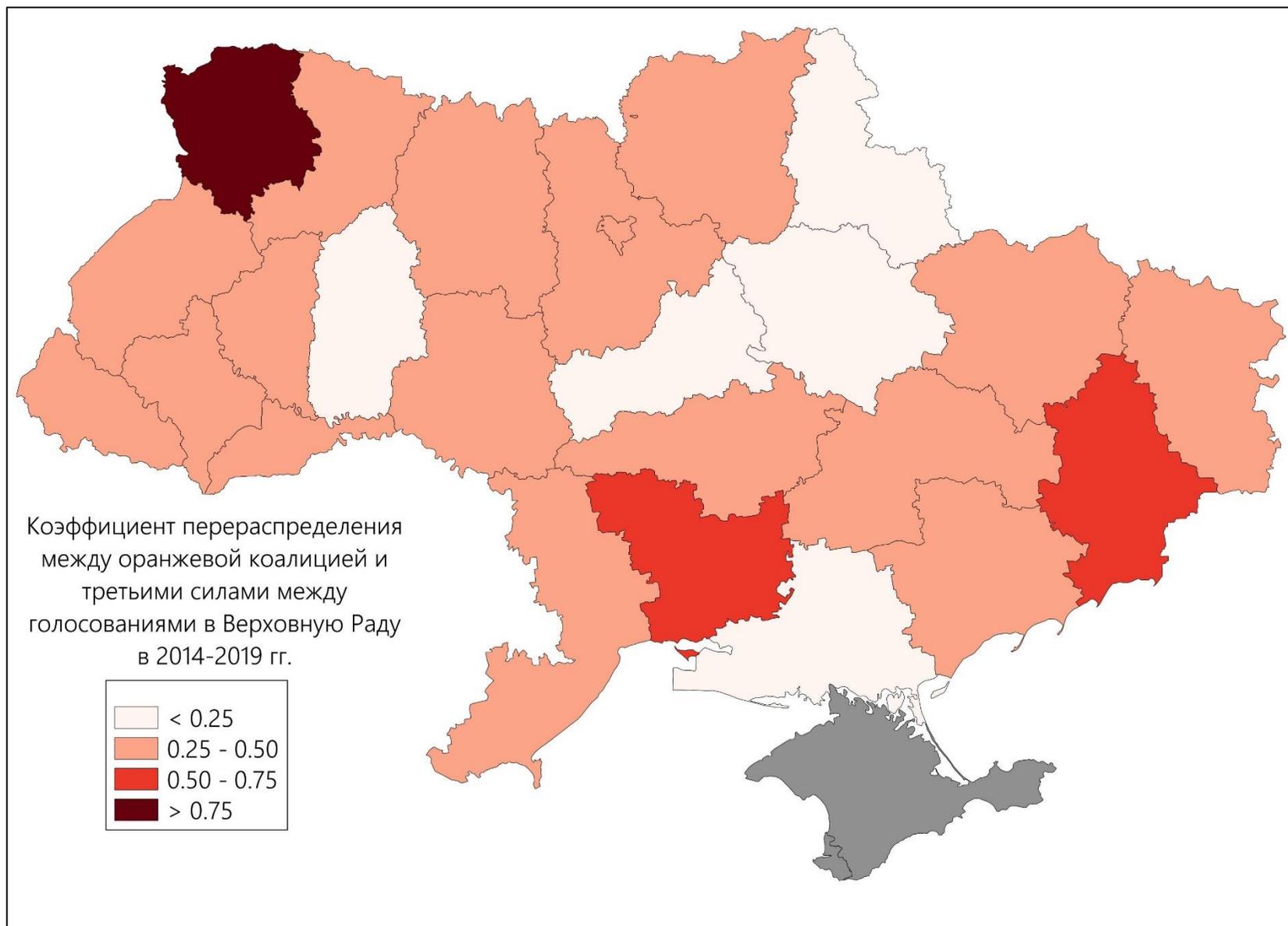
Приложение 5. Коэффициент пограничной дифференциации и региональный индекс по регионам на выборах в Верховную Раду в 2019 году

(составлено автором)

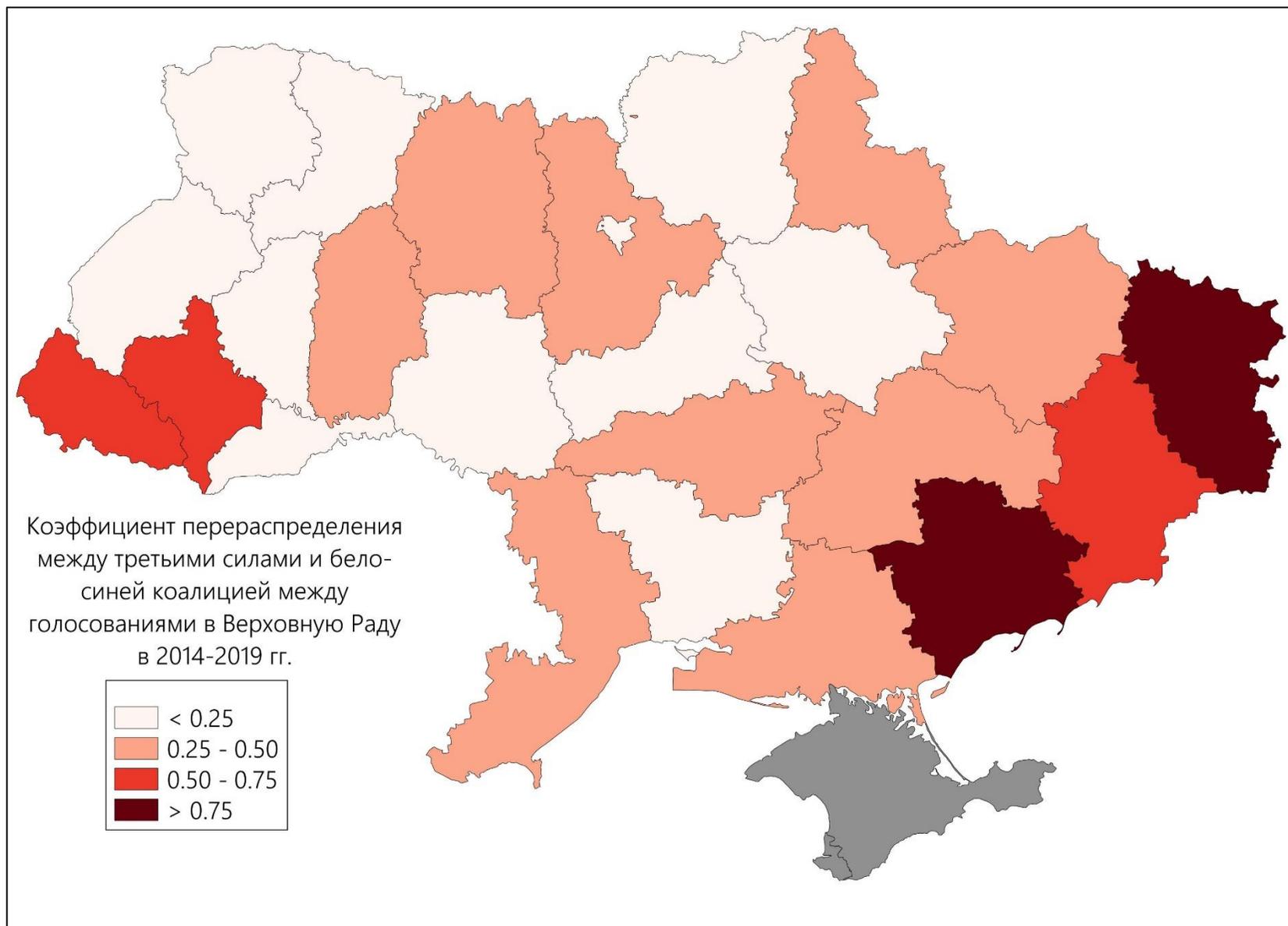

Приложение 6. Коеффициент перераспределения между оранжевой и бело-синей коалициями между голосованиями в Верховную Раду в 2014-2019

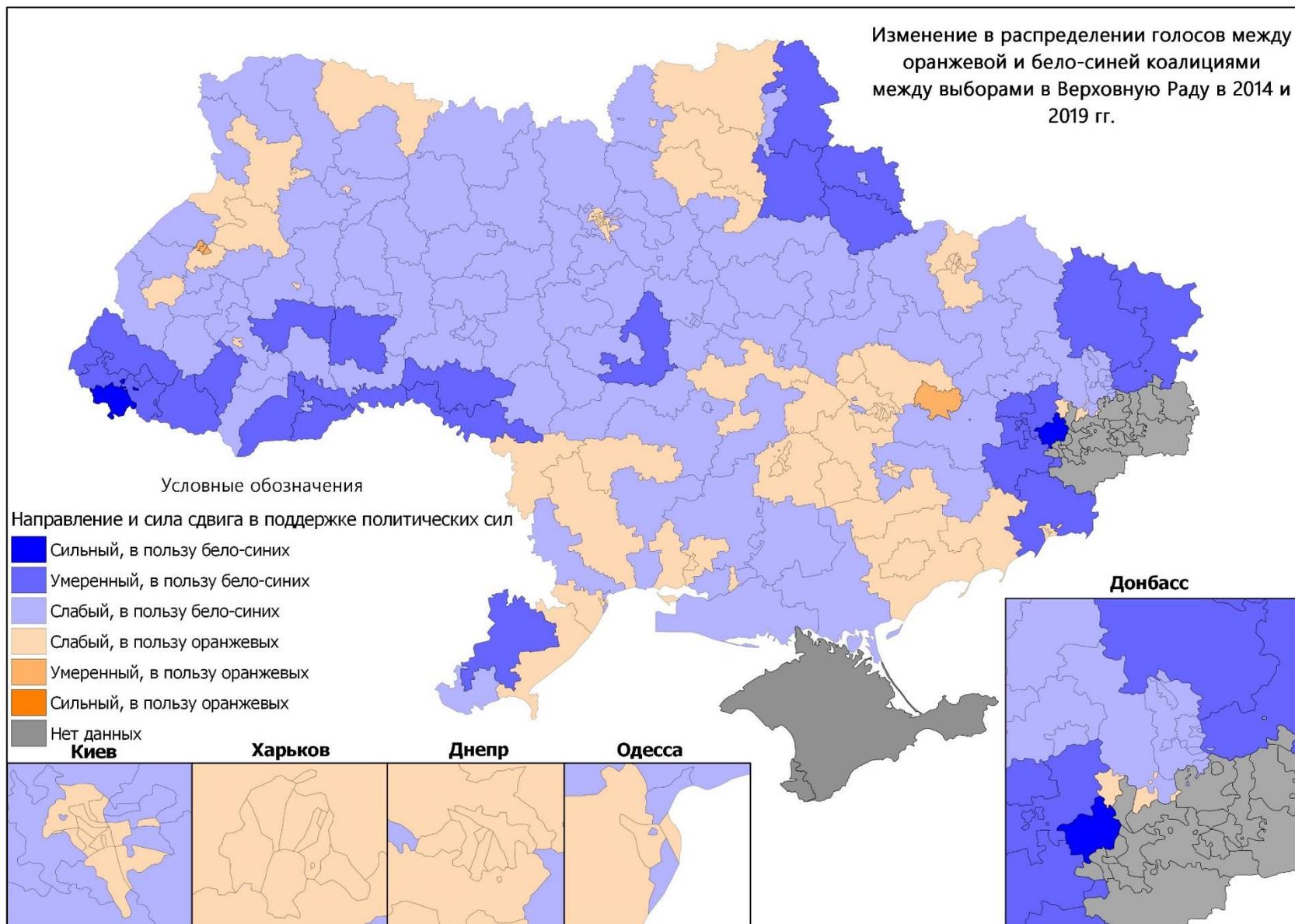
гг. (составлено автором)

Приложение 6. Кoeffициент перераспределения между оранжевой коалицией и третьими силами между голосованиями в Верховную Раду в 2014-2019 гг. (составлено автором)

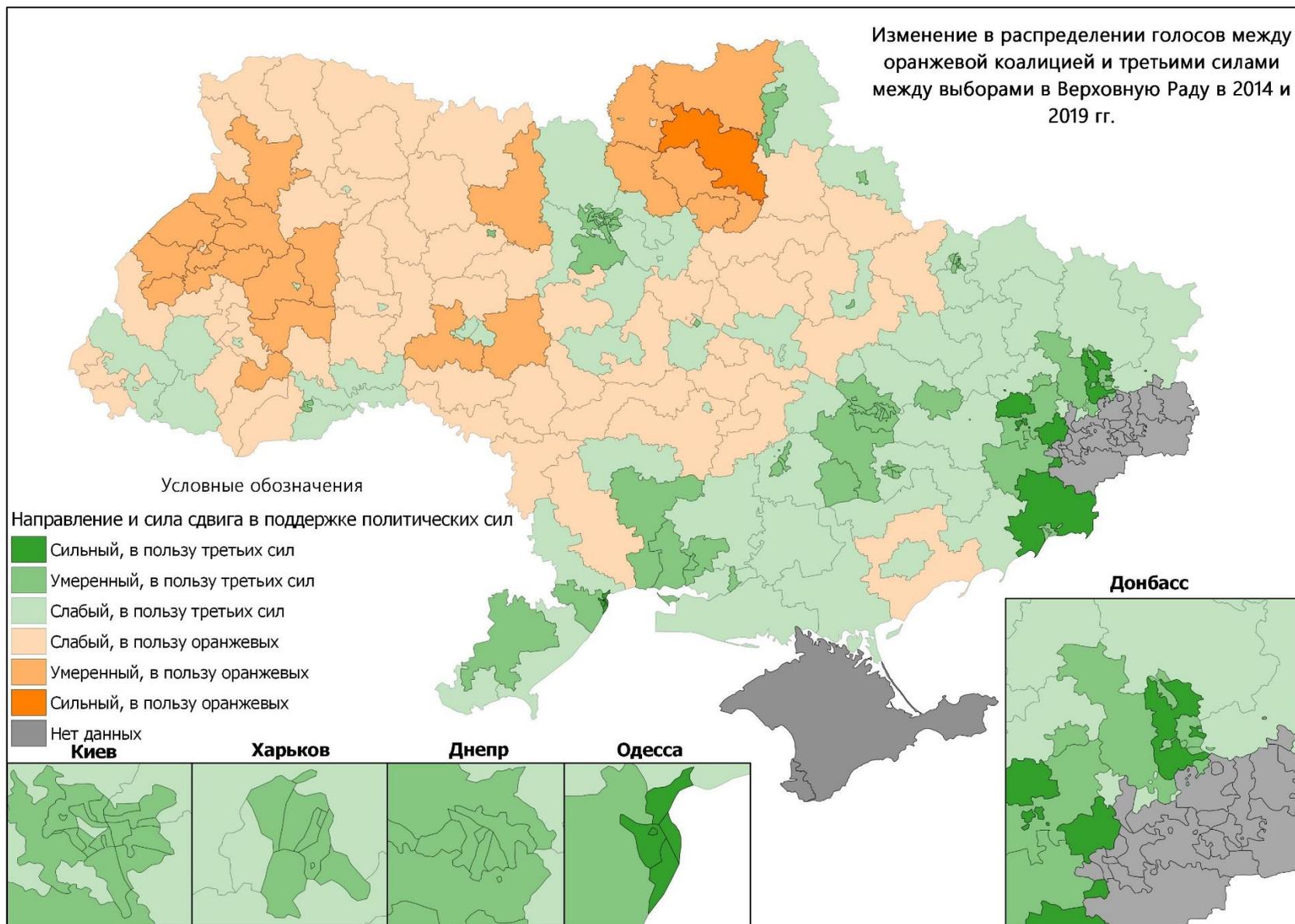

Приложение 6. Коеффициент перераспределения между третьими силами и бело-синей коалициями между голосованиями в Верховную Раду в 2014-2019 гг. (составлено автором)

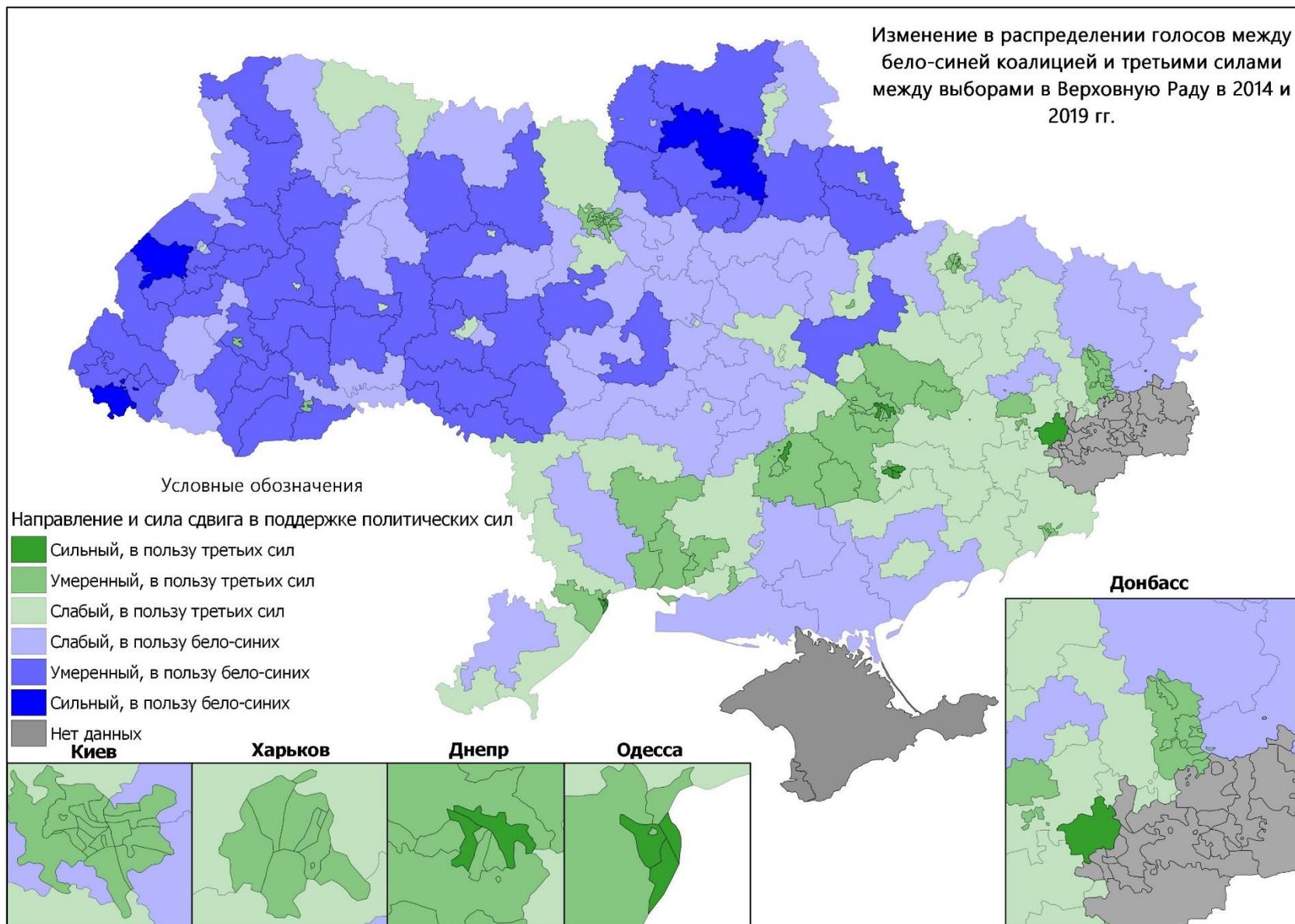

Приложение 7. Изменение в распределении голосов между оранжевой и бело-синей коалициями между выборами в Верховную Раду в 2014 и 2019

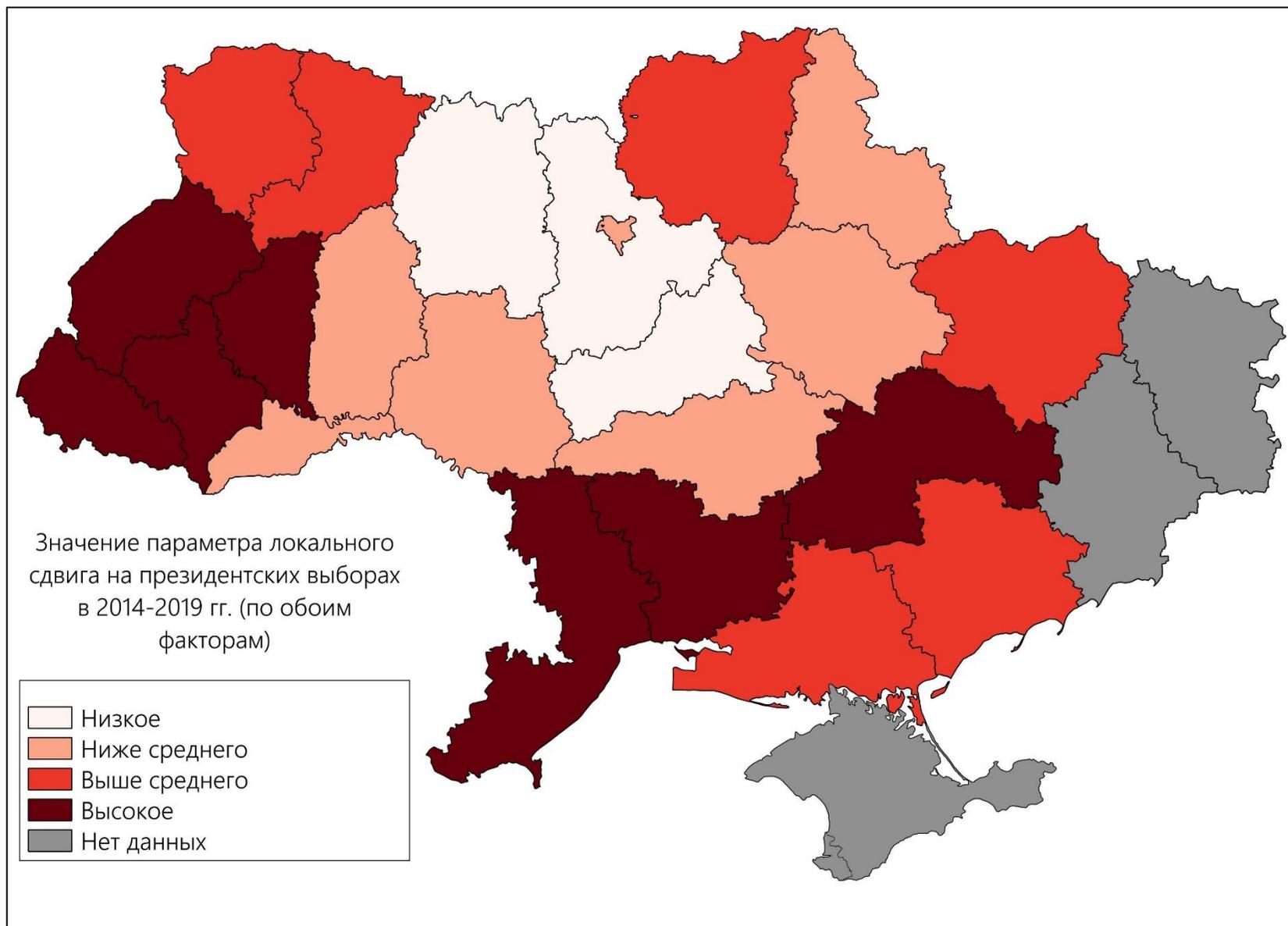
гг. (на основании показателей коэффициента D) (составлено автором)

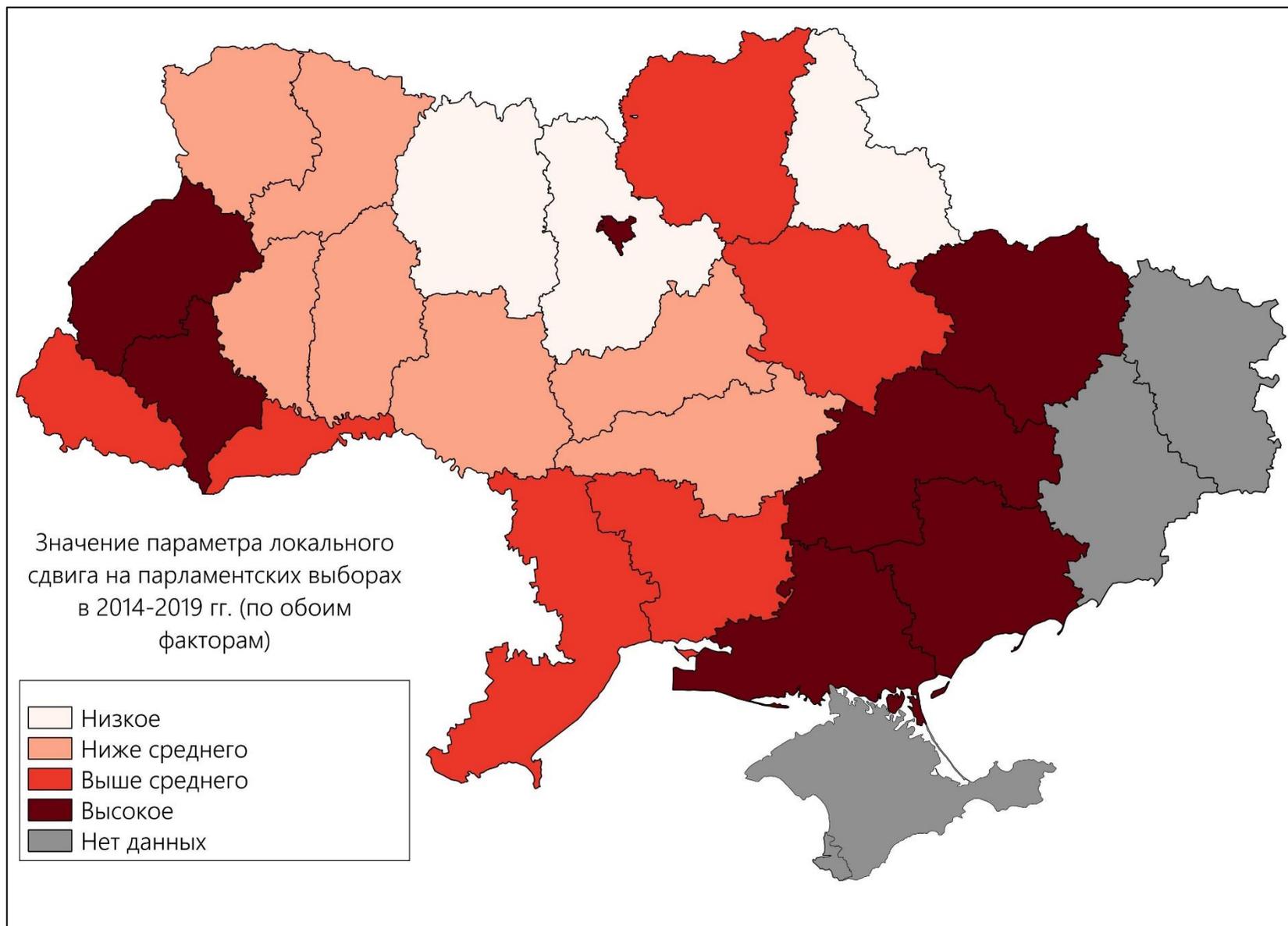
Приложение 7. Изменение в распределении голосов между оранжевой коалицией и третьими силами между выборами в Верховную Раду в 2014 и 2019 гг. (на основании показателей коэффициента D) (составлено автором)

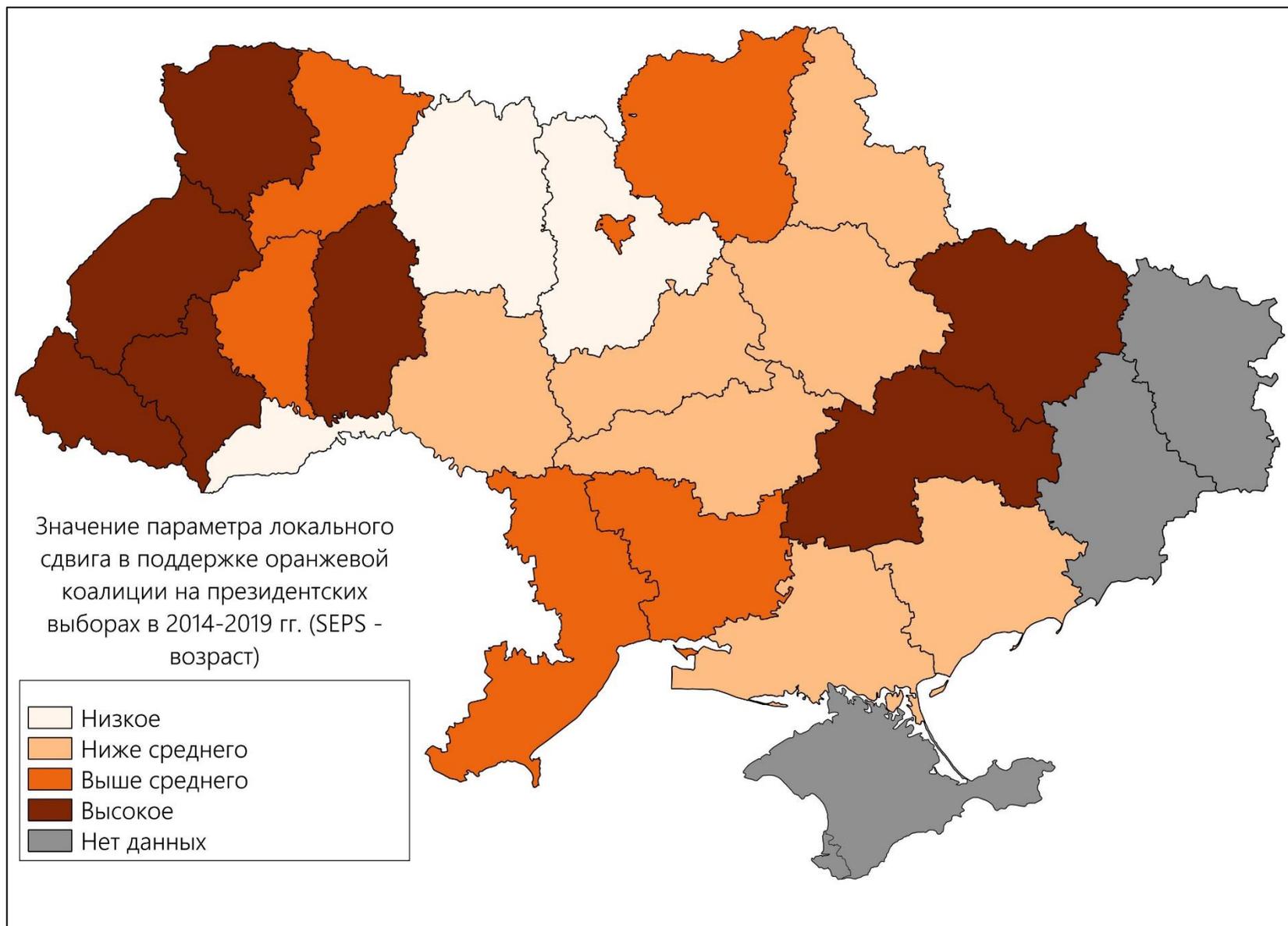
Приложение 7. Изменение в распределении голосов между бело-синей коалицией и третьими силами между выборами в Верховную Раду в 2014 и 2019 гг. (на основании показателей коэффициента D) (составлено автором)

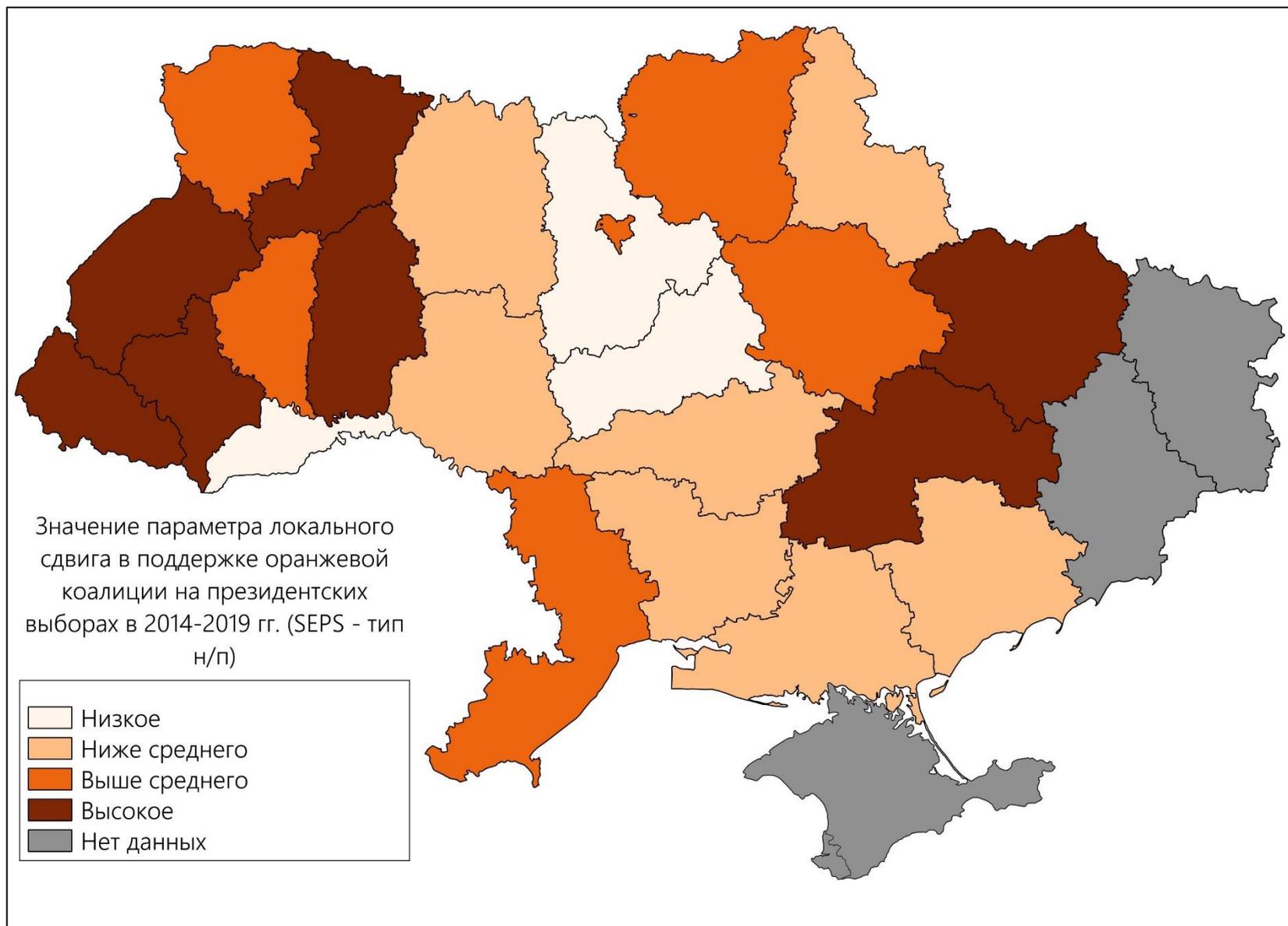
Приложение 8. Значение локального сдвига на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

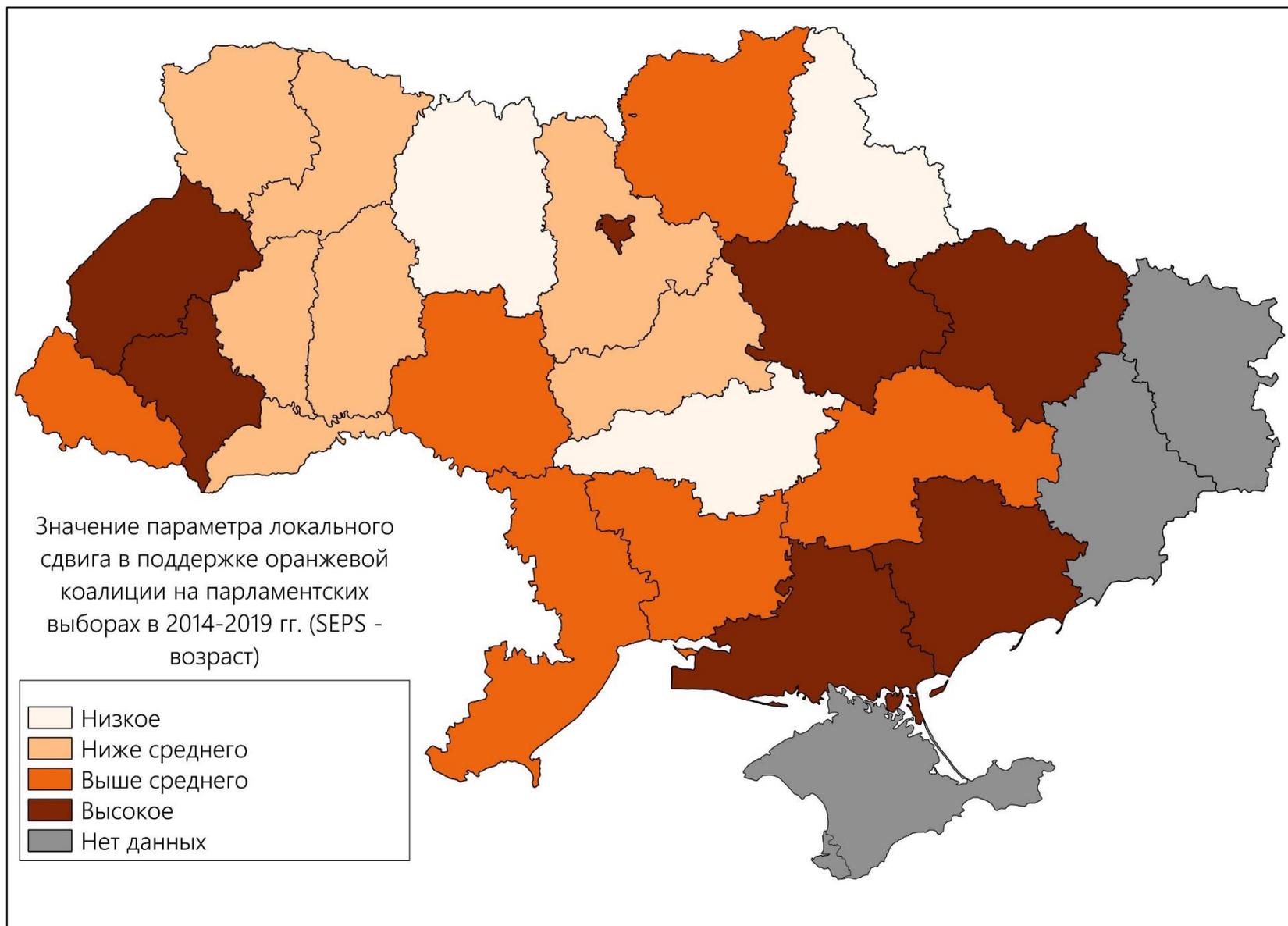
Приложение 8. Значение локального сдвига на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

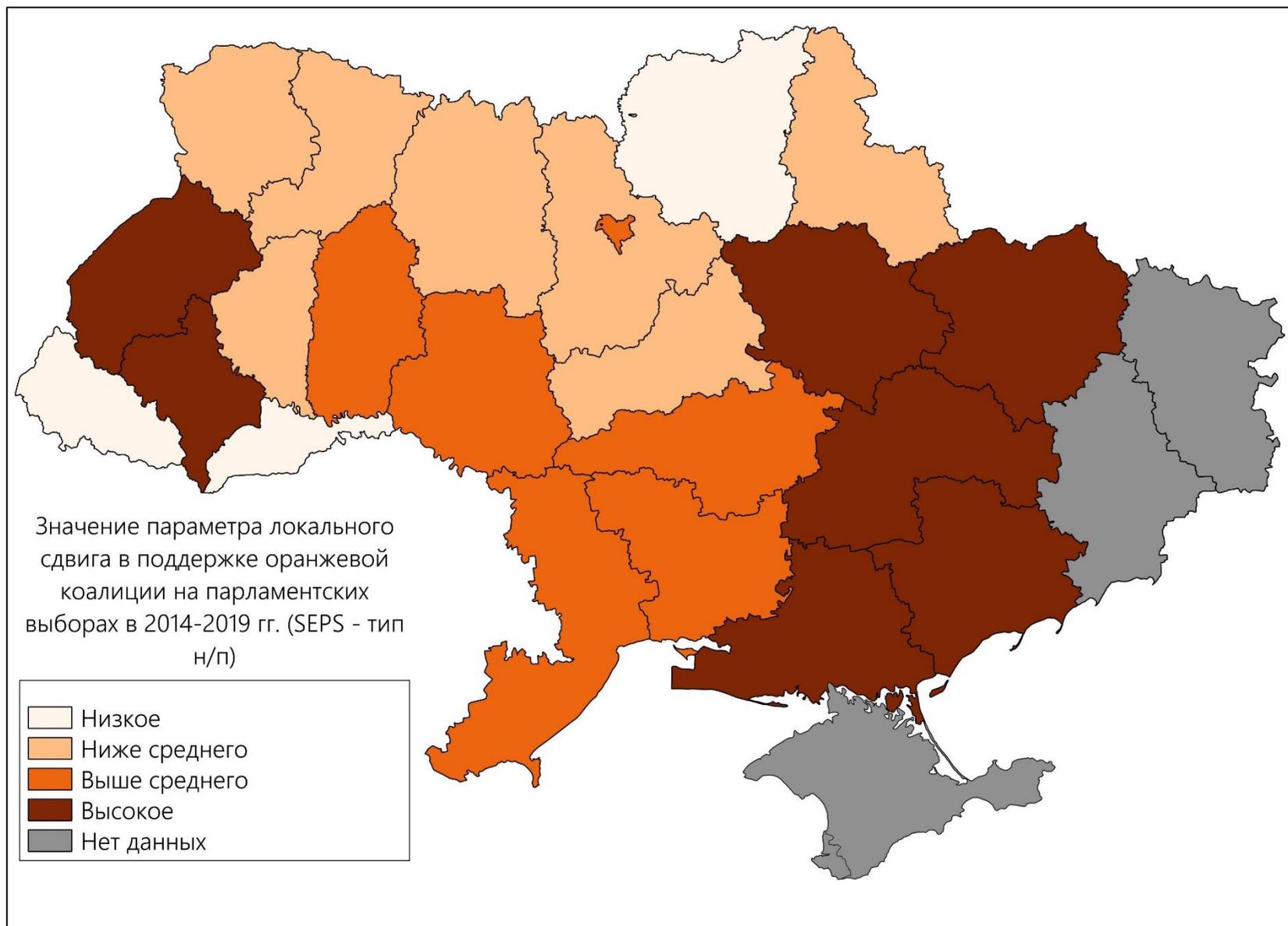
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке оранжевой коалиции на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – возраст) (составлено автором)

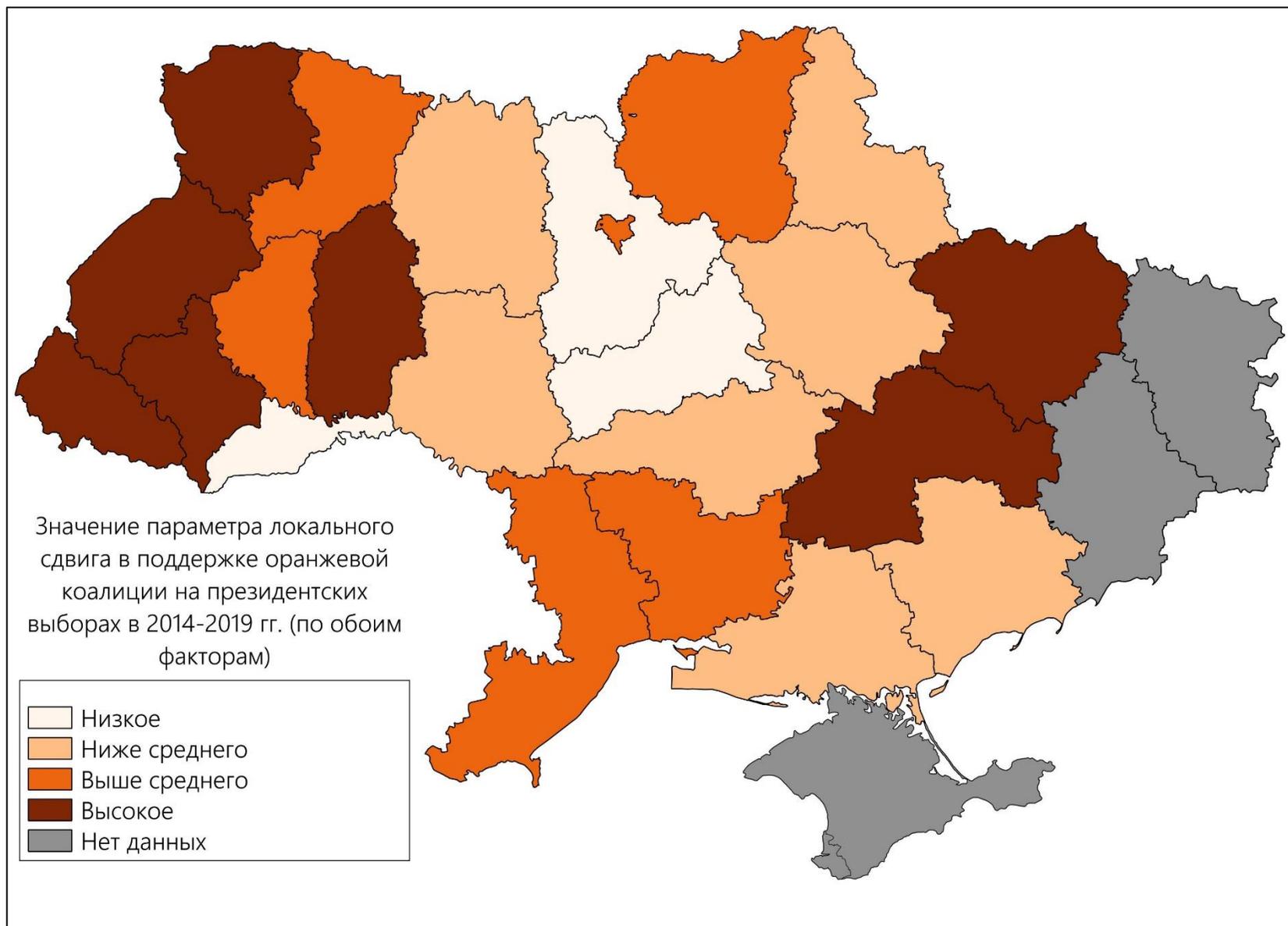
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке оранжевой коалиции на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – тип населённого пункта) (составлено автором)

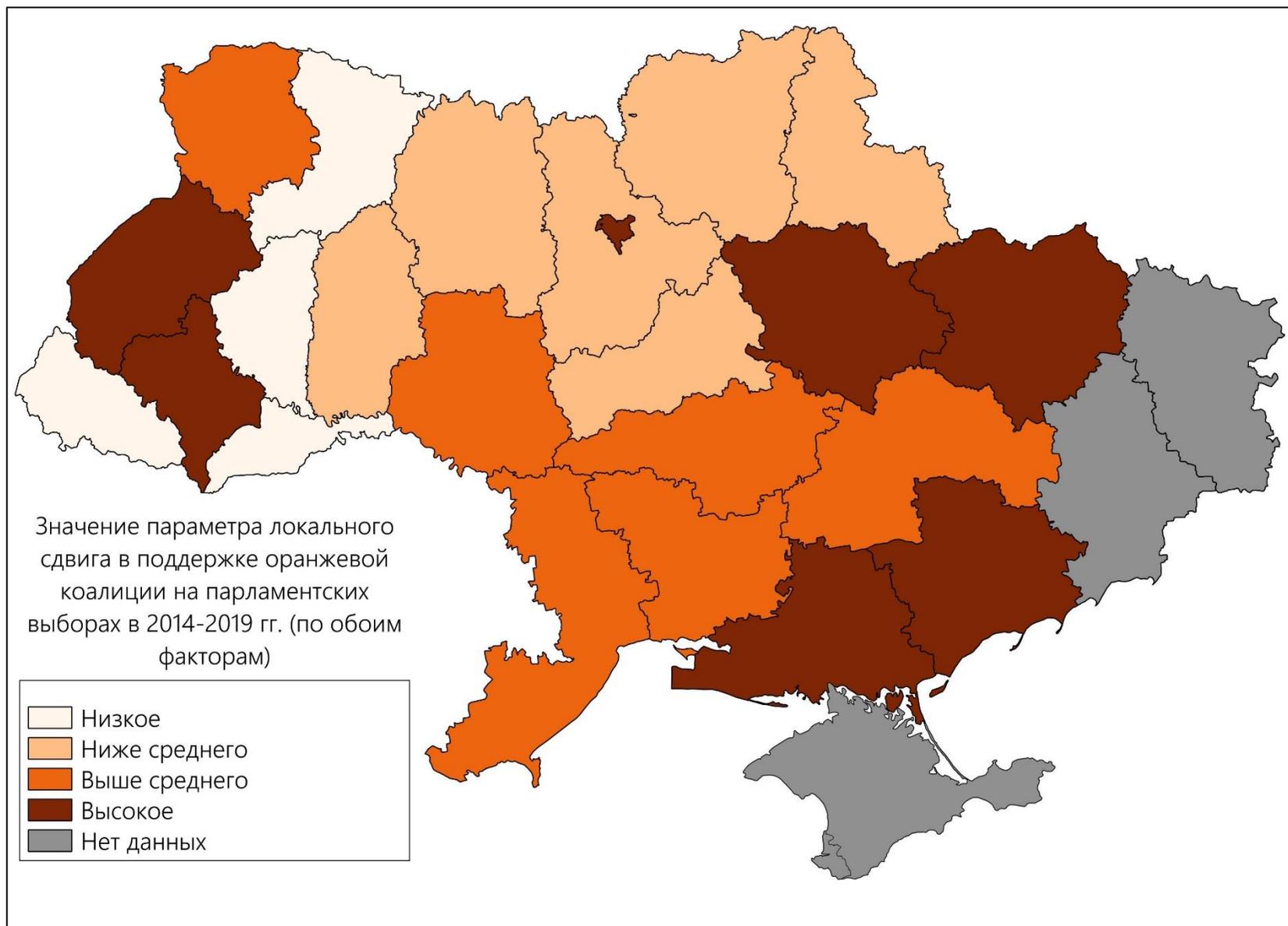
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке оранжевой коалиции на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – возраст) (составлено автором)

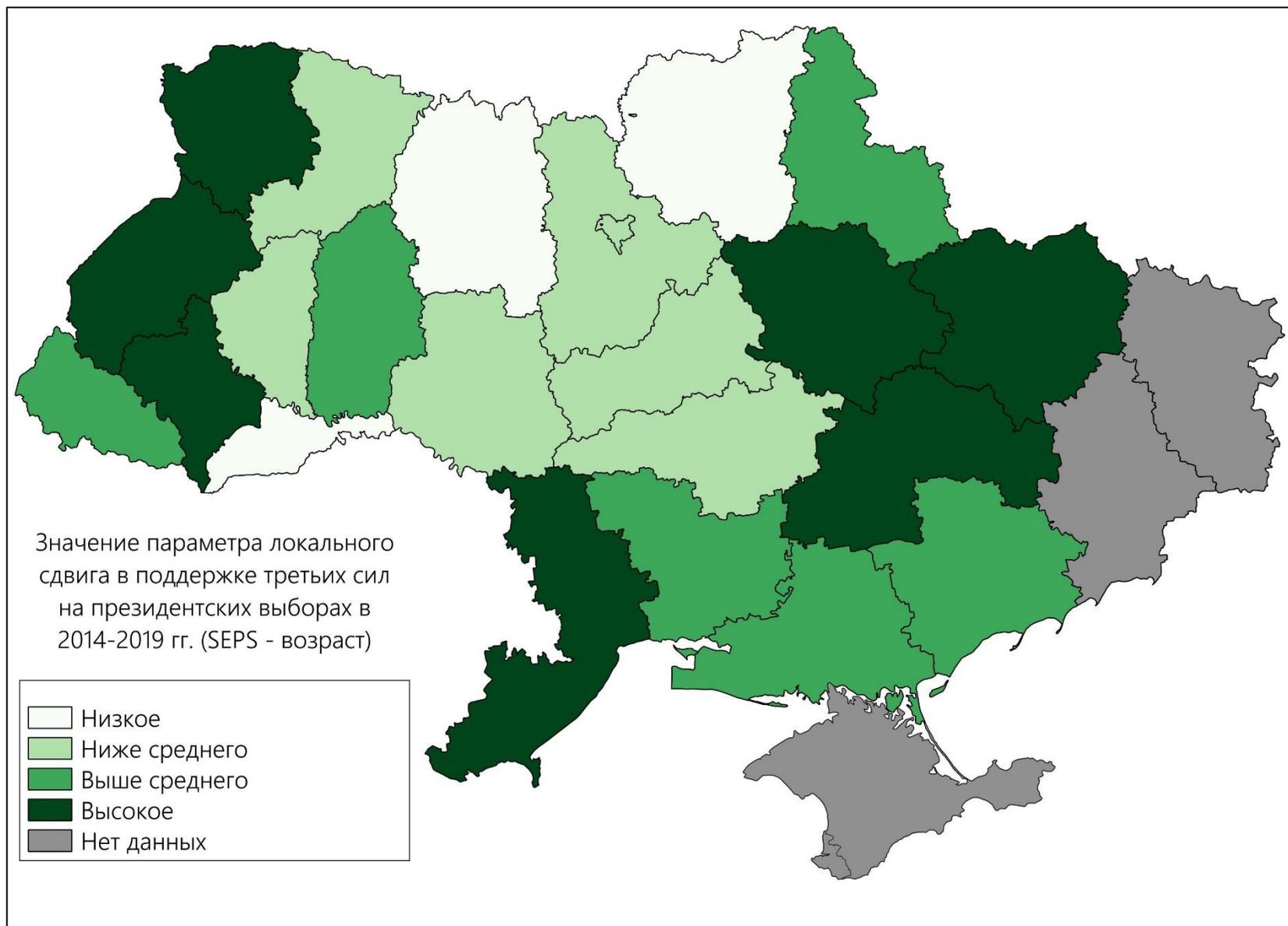
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке оранжевой коалиции на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – тип населённого пункта) (составлено автором)

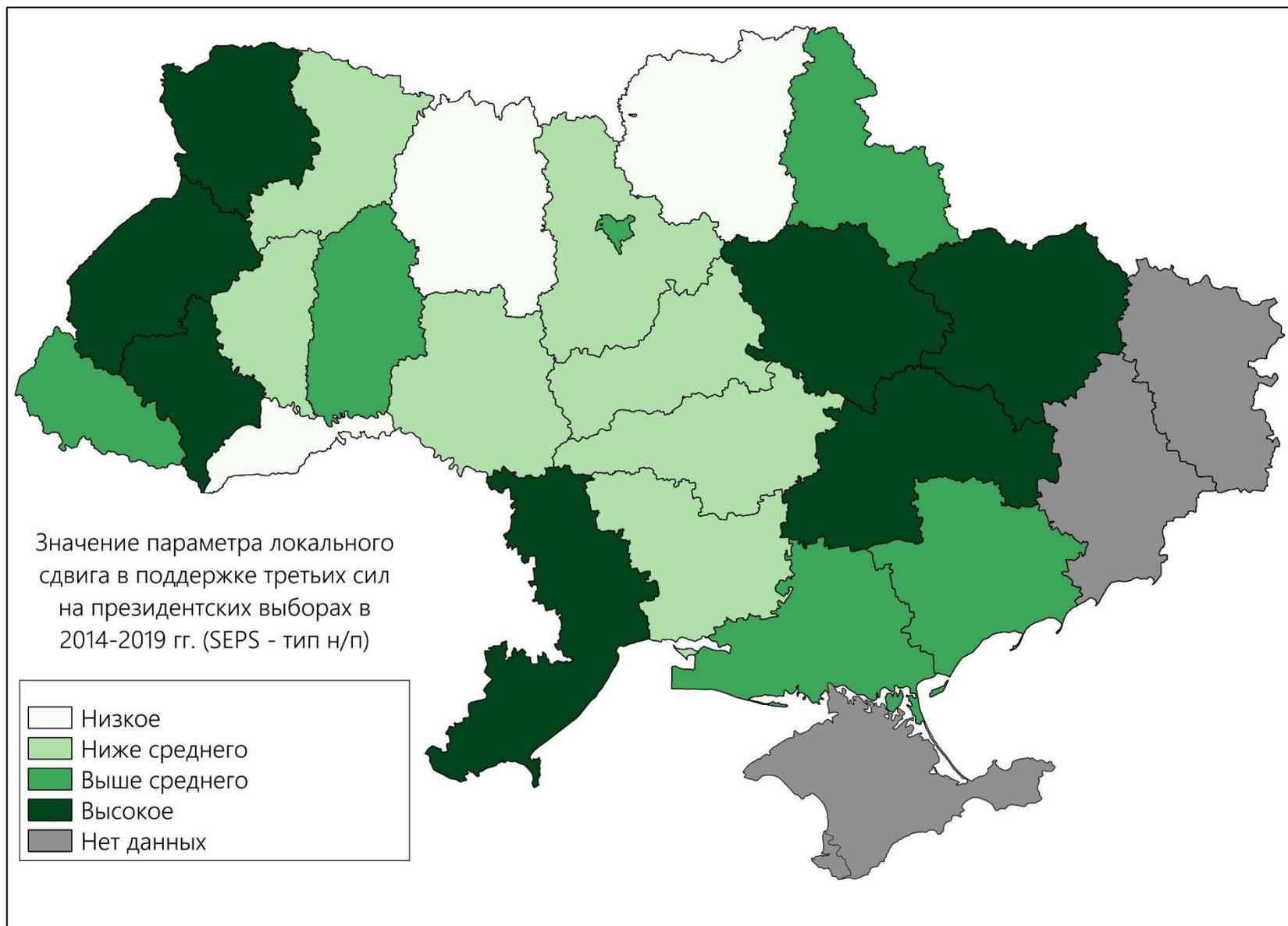
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке оранжевой коалиции на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый по обоим социально-экономическим факторам) (составлено автором)

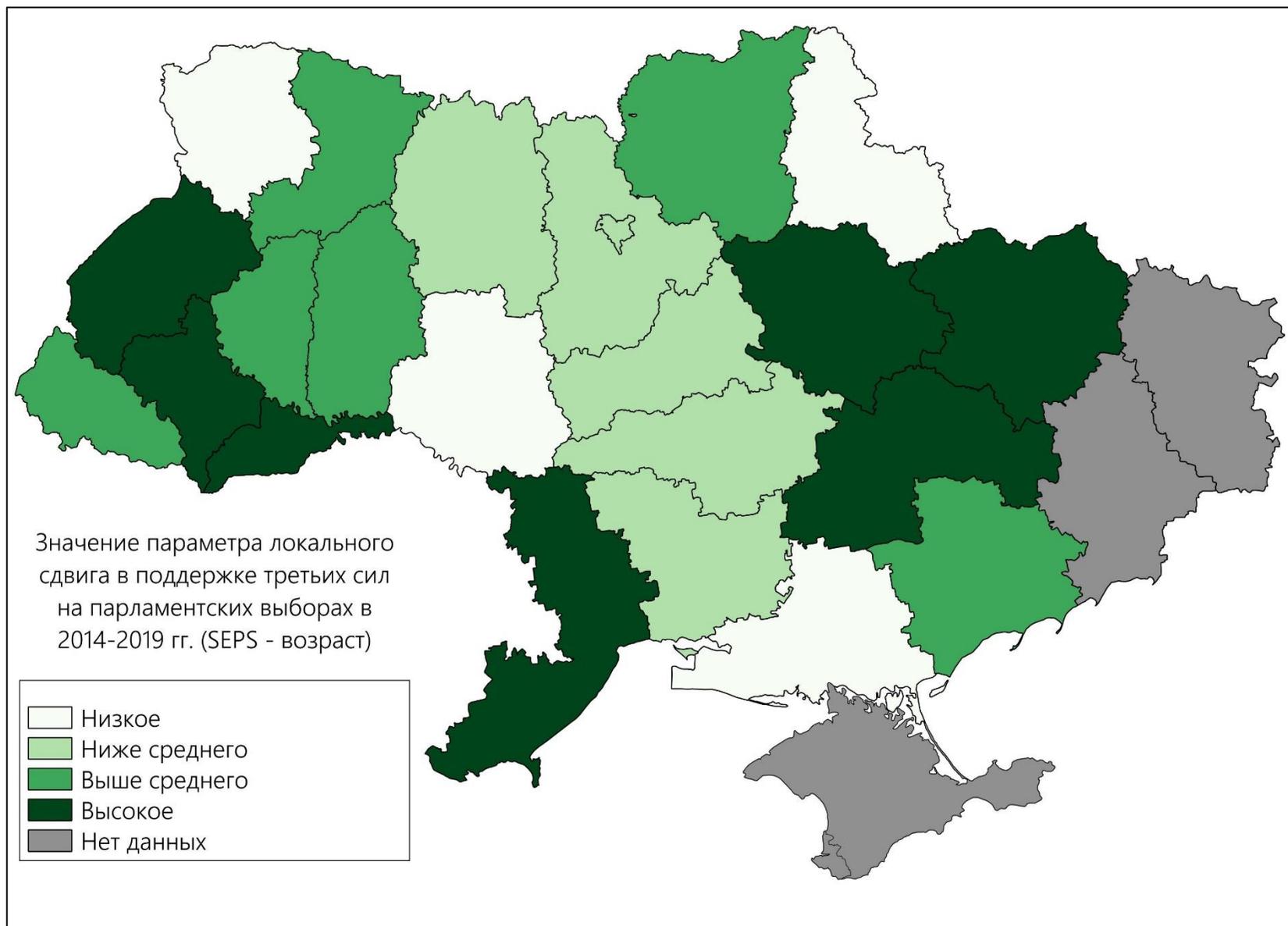
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке оранжевой коалиции на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый по обоим социально-экономическим факторам) (составлено автором)

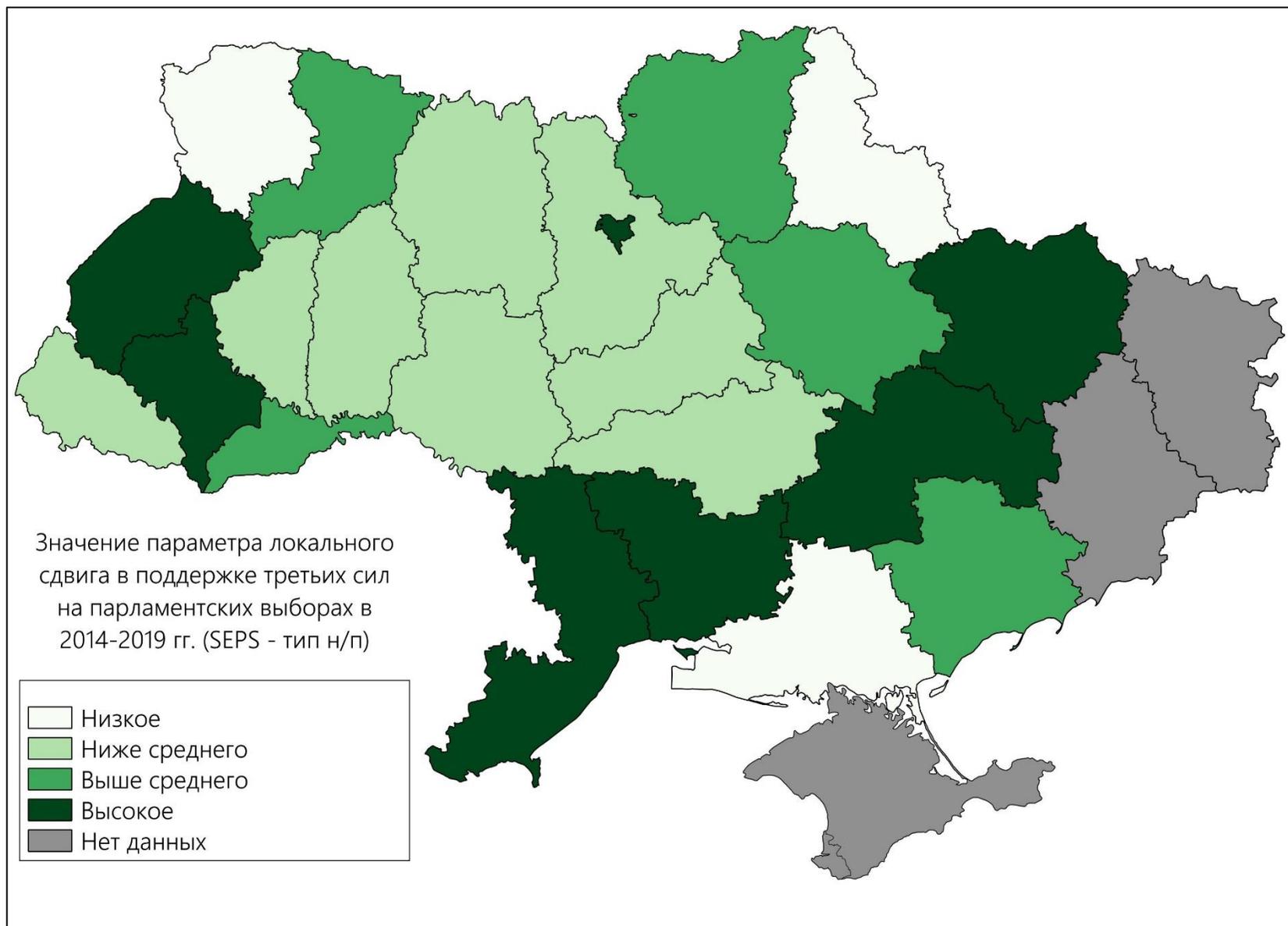
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке третьих сил на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – возраст) (составлено автором)

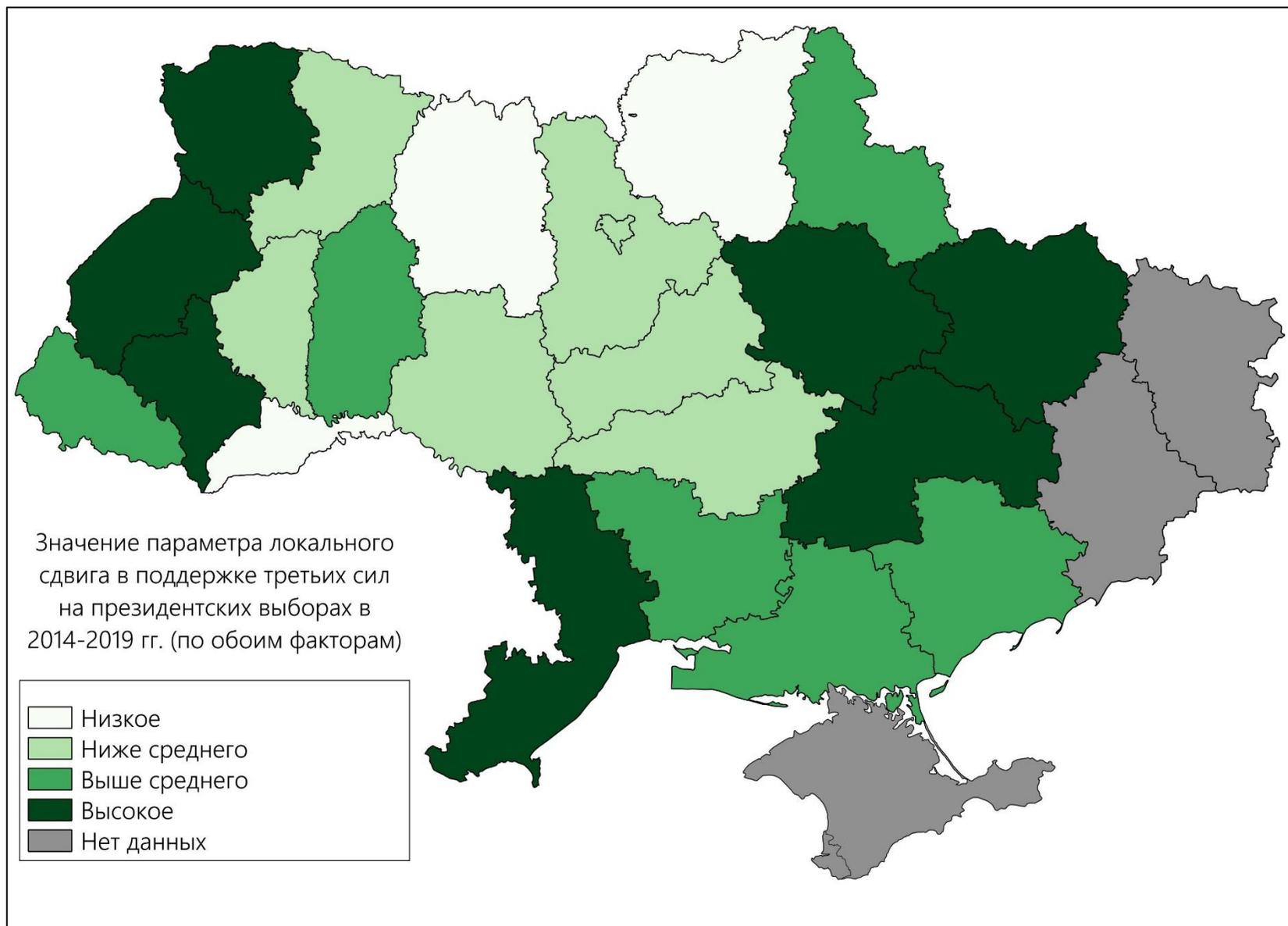
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке третьих сил на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – тип населённого пункта) (составлено автором)

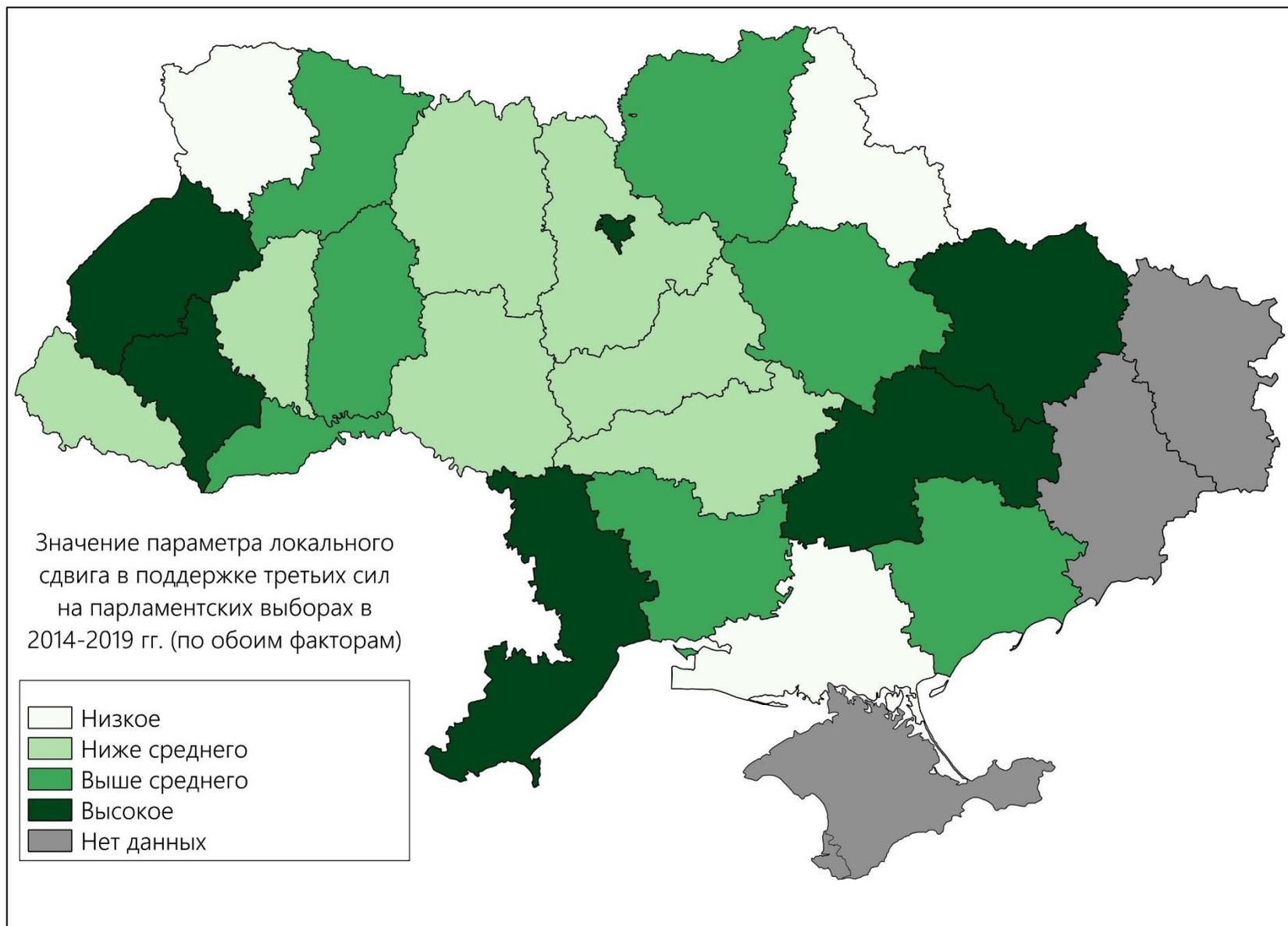
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке третьих сил на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – возраст) (составлено автором)

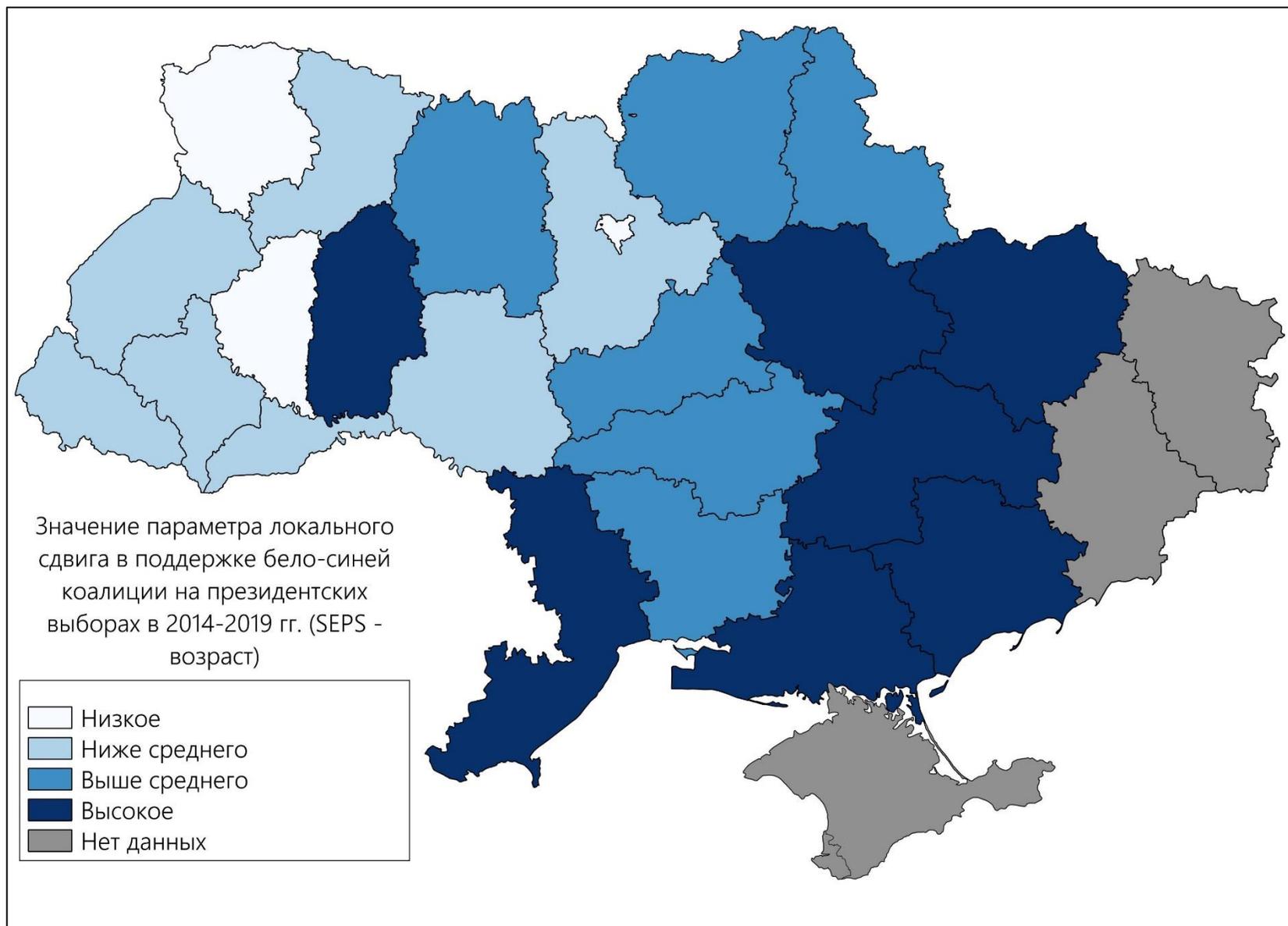
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке третьих сил на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – тип населённого пункта) (составлено автором)

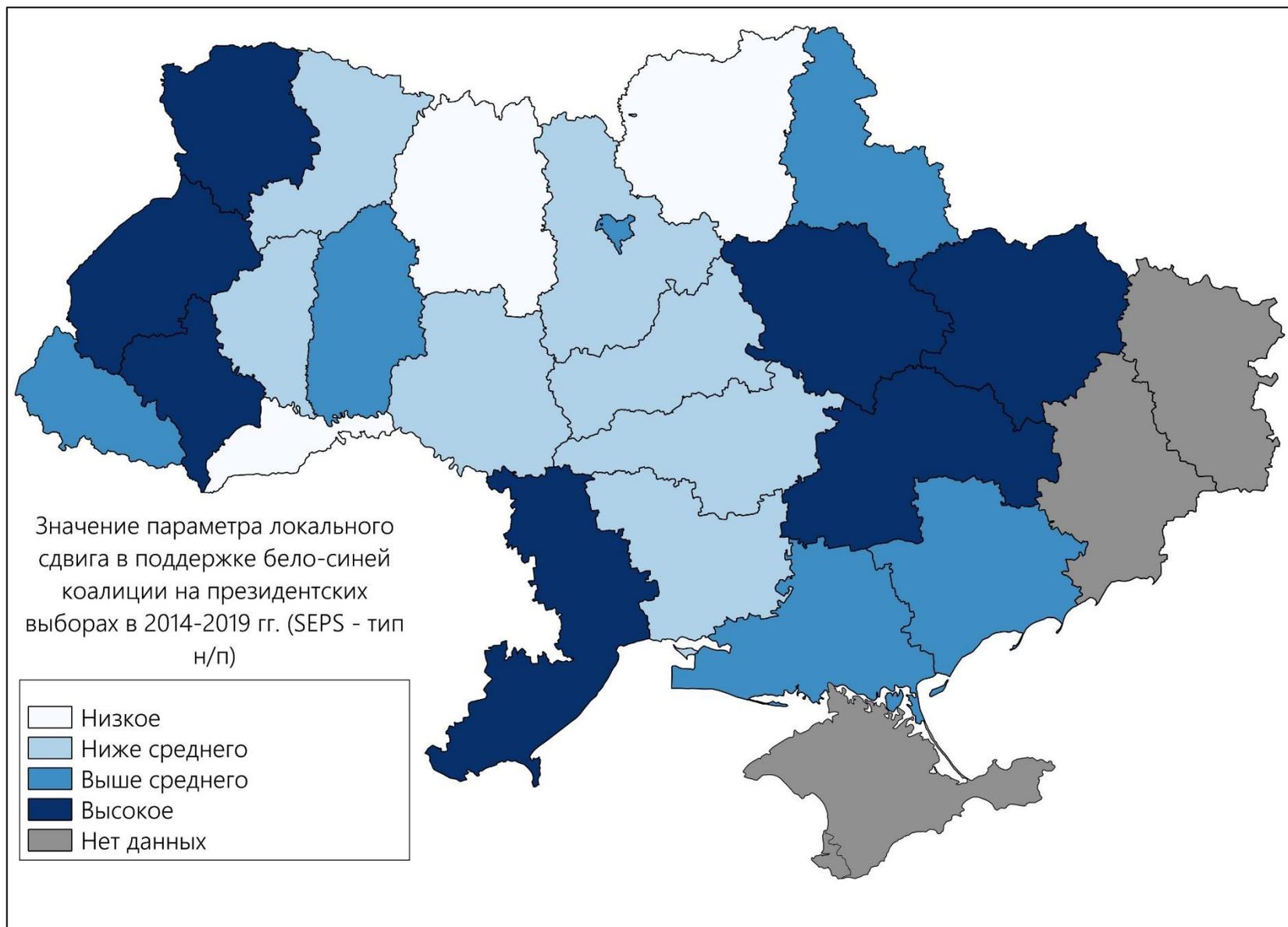
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке оранжевой коалиции на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый по обоим социально-экономическим факторам) (составлено автором)

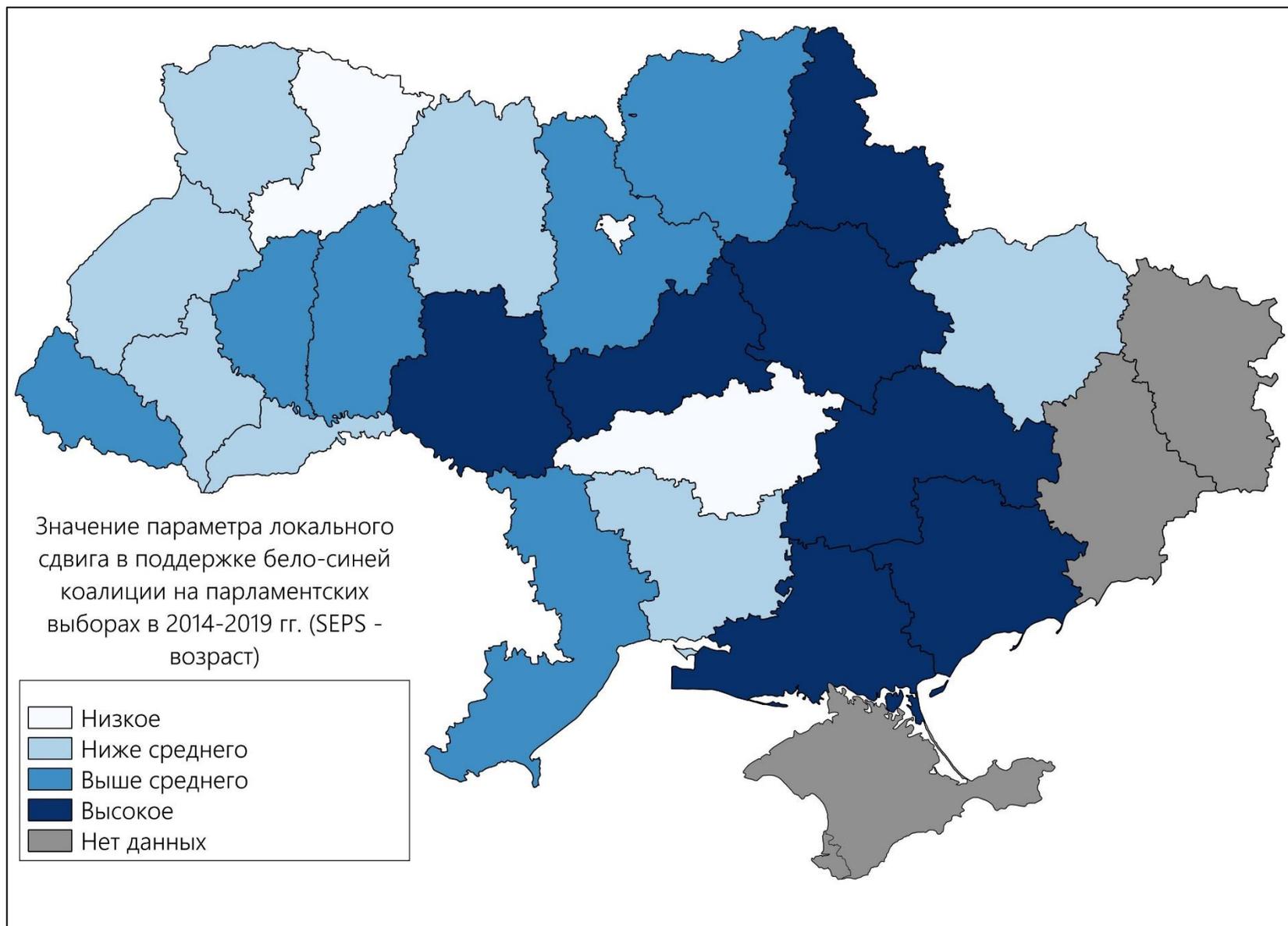
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке третьих сил на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый по обоим социально-экономическим факторам) (составлено автором)

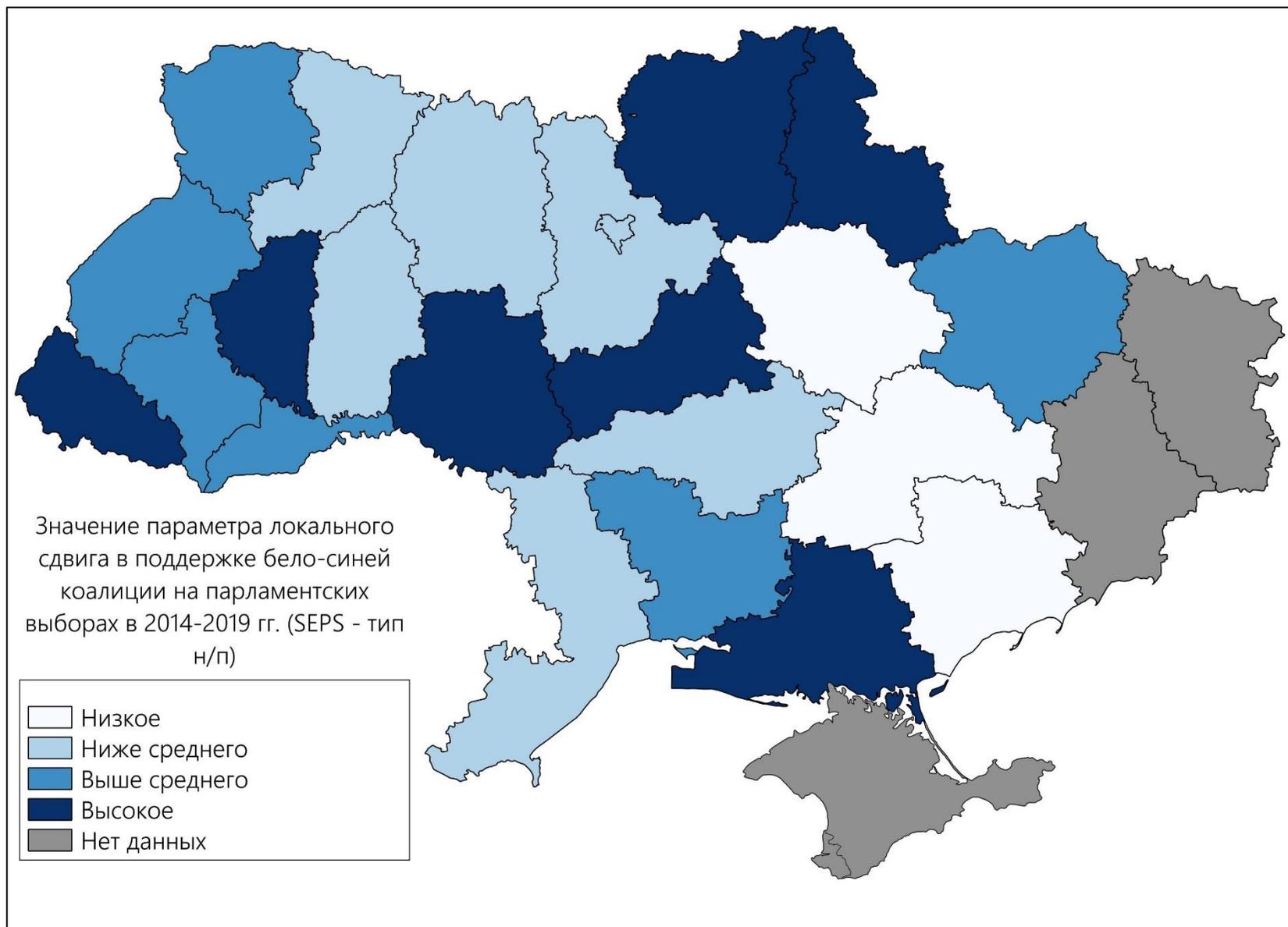
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке бело-синей коалиции на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – возраст) (составлено автором)

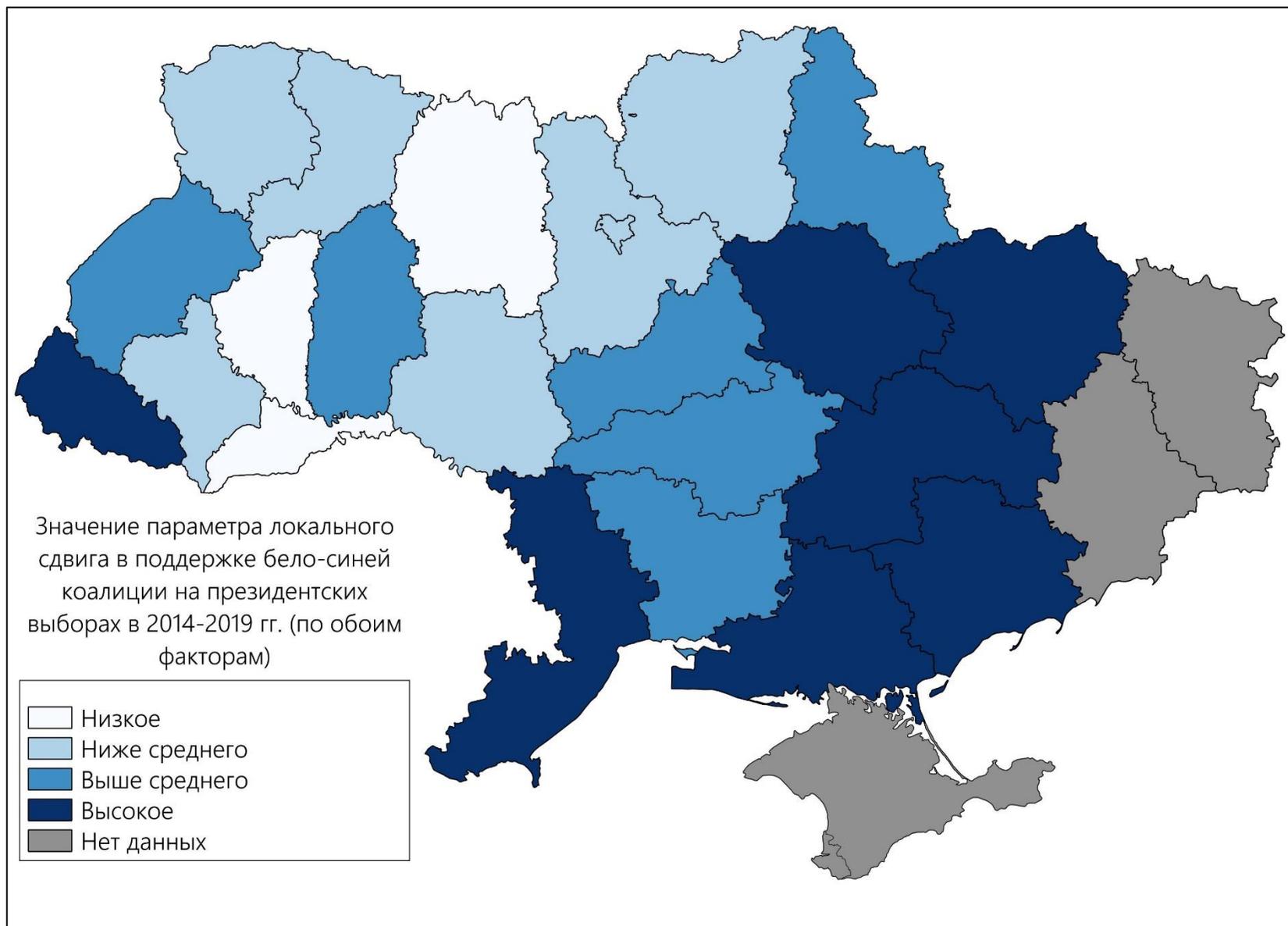
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке бело-синей коалиции на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – тип населённого пункта) (составлено автором)

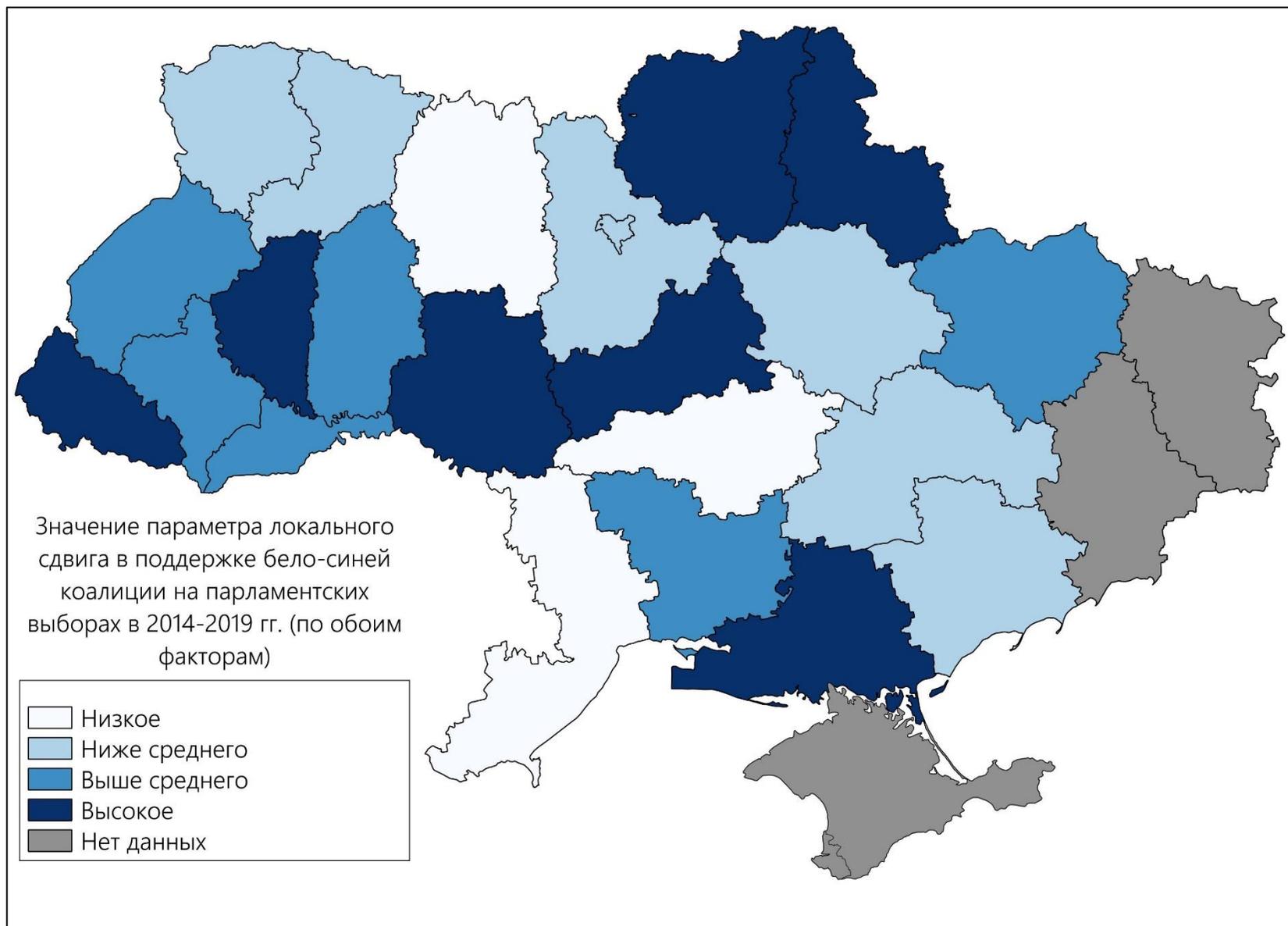
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке бело-синей коалиции на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – возраст) (составлено автором)

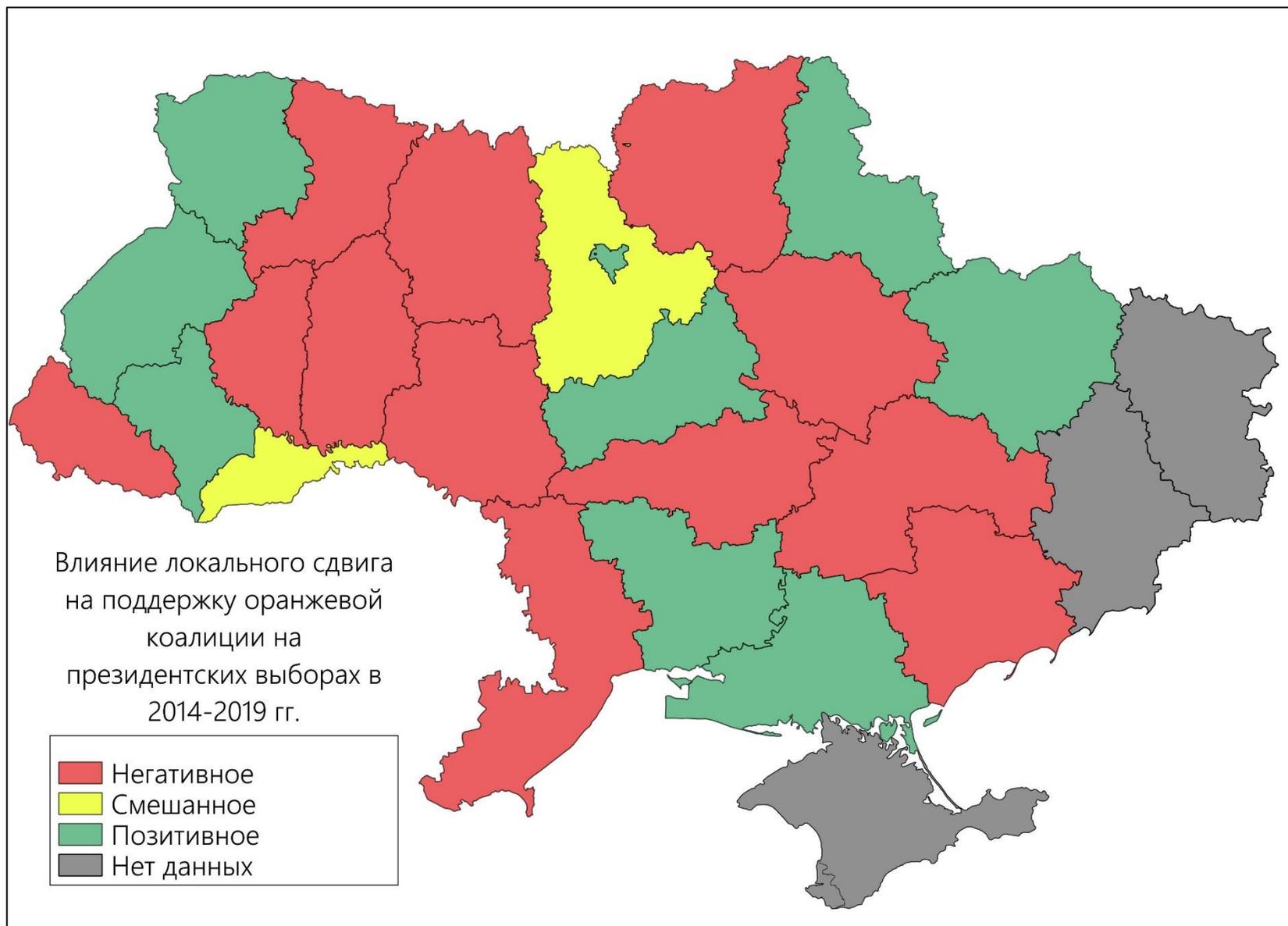
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке бело-синей коалиции на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый социально-экономический фактор – тип населённого пункта) (составлено автором)

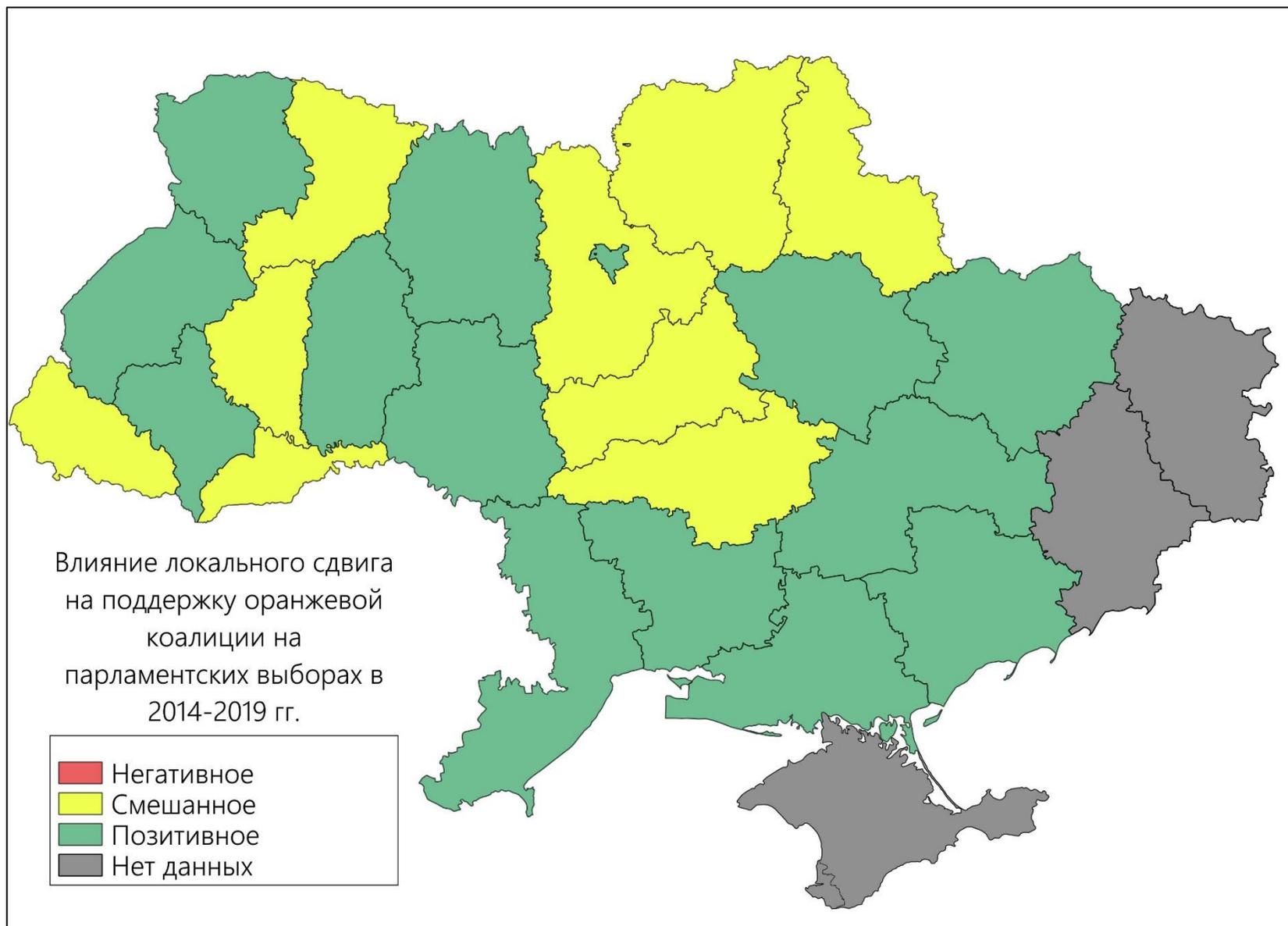
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке бело-синей коалиции на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый по обоим социально-экономическим факторам) (составлено автором)

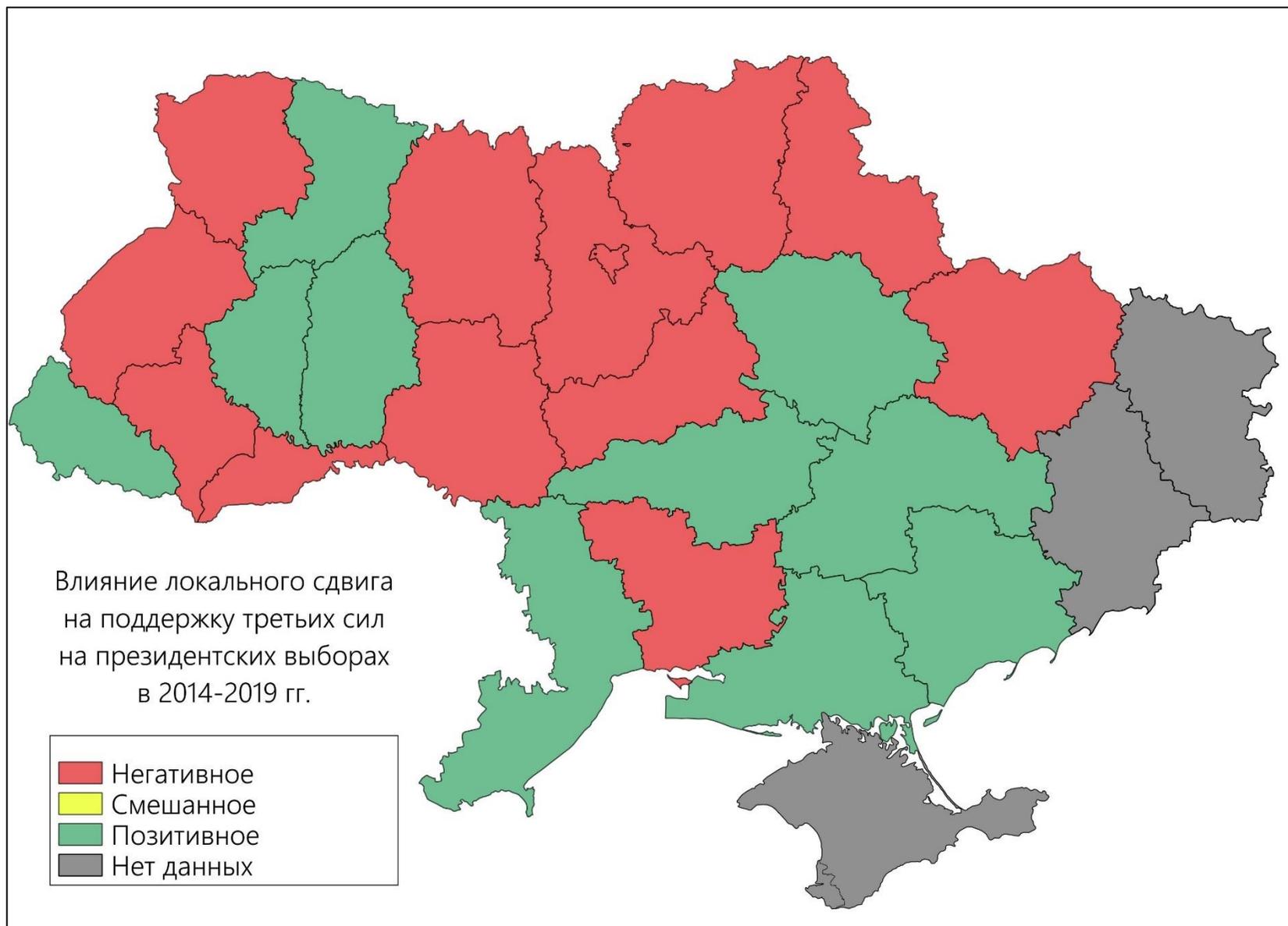
Приложение 8. Значение локального сдвига в поддержке бело-синей коалиции на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (взятый по обоим социально-экономическим факторам) (составлено автором)

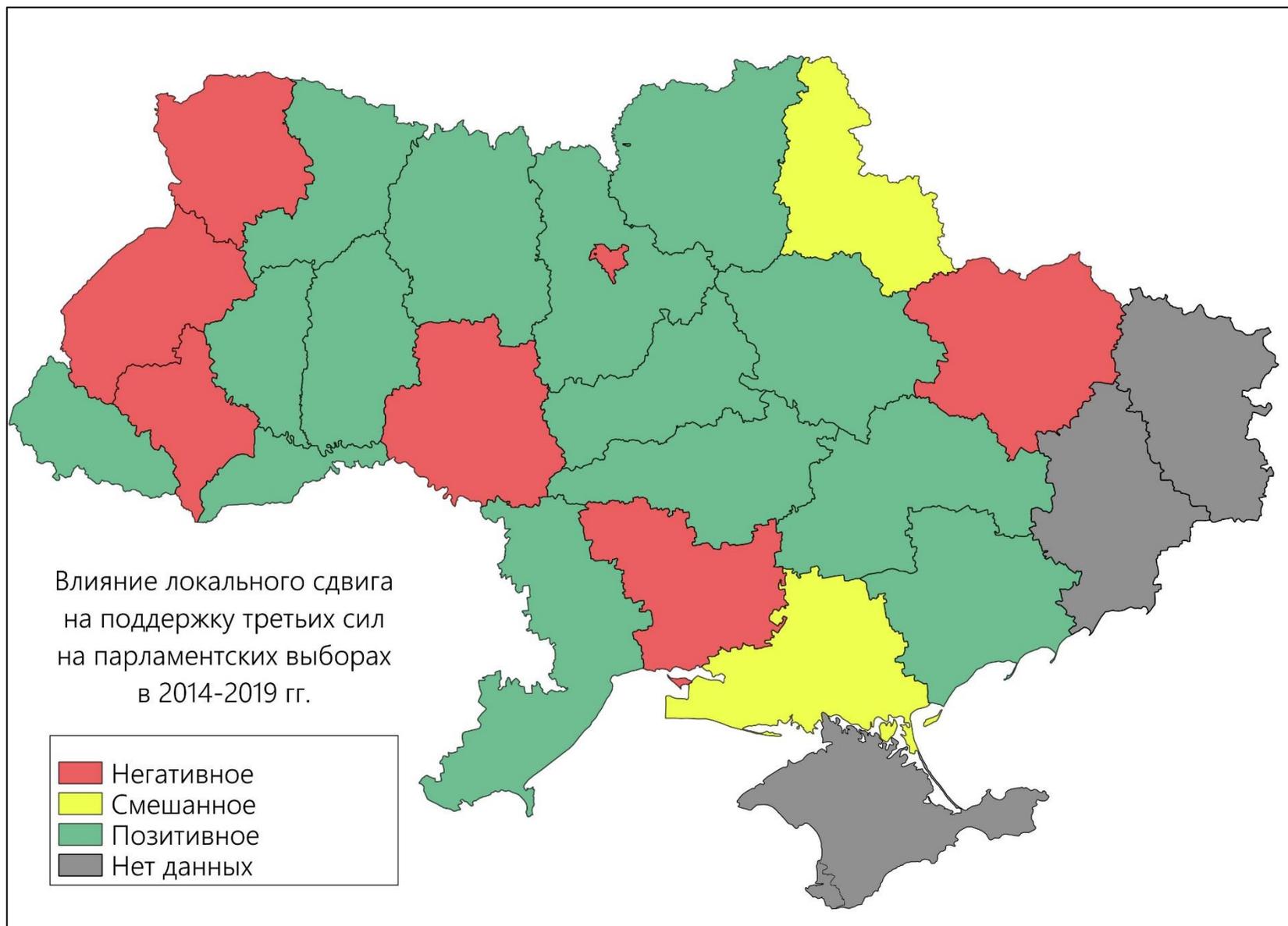
Приложение 9. Влияние локального сдвига на поддержку оранжевой коалиции на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

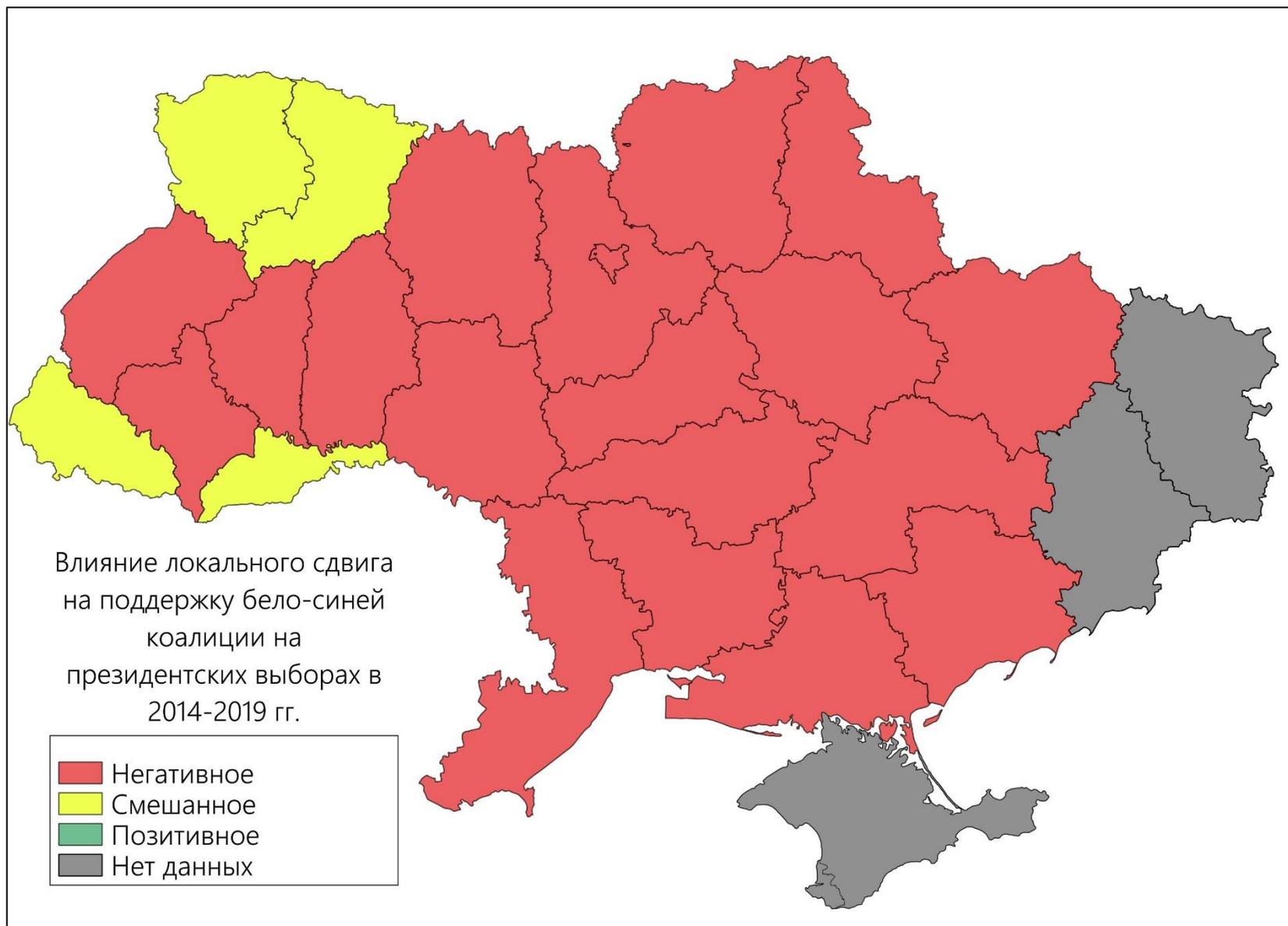
Приложение 9. Влияние локального сдвига на поддержку оранжевой коалиции на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

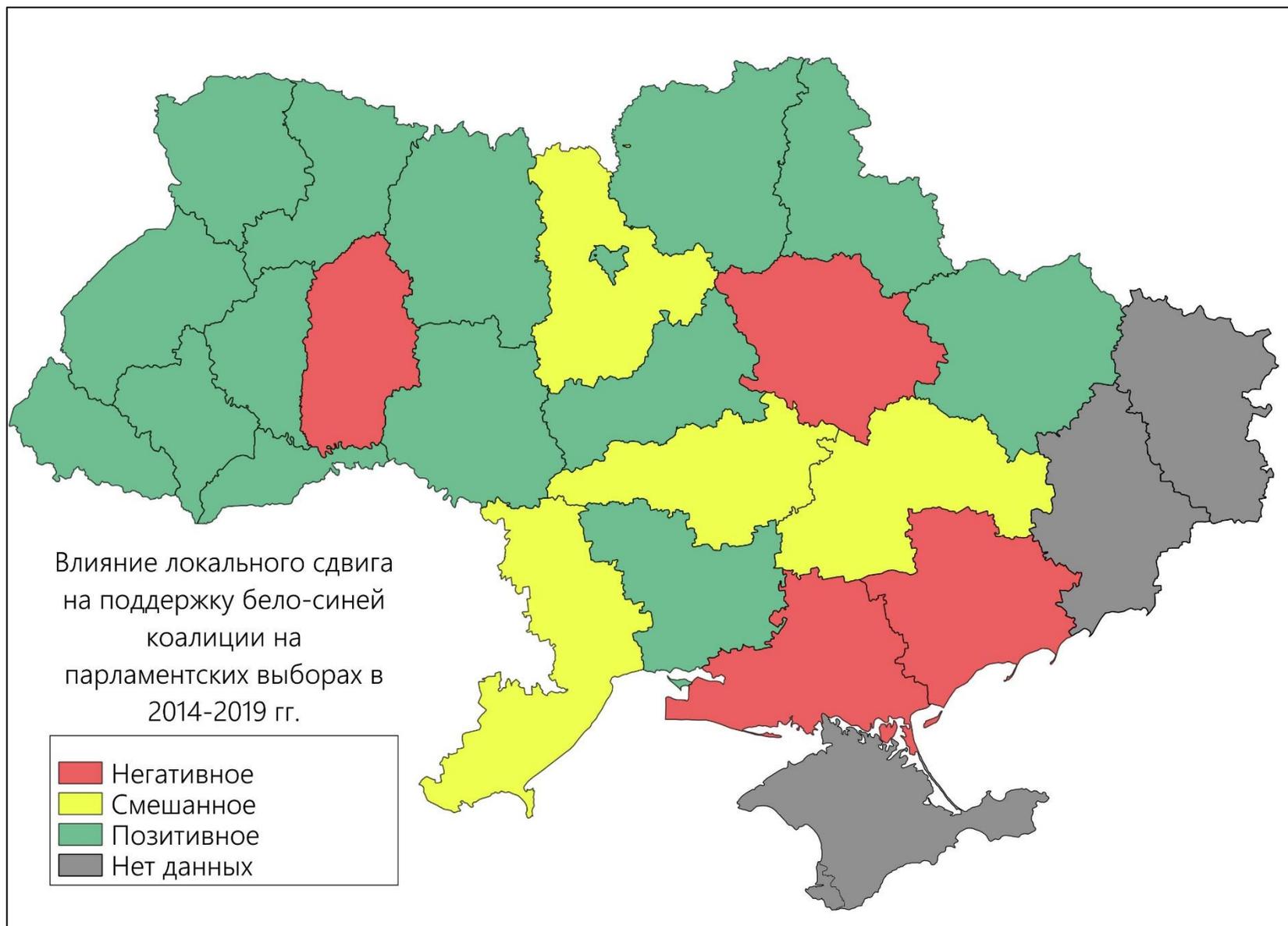
Приложение 9. Влияние локального сдвига на поддержку третьих сил на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

Приложение 9. Влияние локального сдвига на поддержку третьих сил на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

Приложение 9. Влияние локального сдвига на поддержку бело-синей коалиции на президентских выборах в 2014 и 2019 гг. (составлено автором)

Приложение 9. Влияние локального сдвига на поддержку бело-синей коалиции на парламентских выборах в 2014 и 2019 гг. (составлено автором)